

DEUTSCHE internationale Zeitschrift
für zeitgenössische Wissenschaft

Nº7
2021
Vol. 2

DEUTSCHE internationale Zeitschrift
für zeitgenössische Wissenschaft

ISSN (Print) 2701-8369
ISSN (Online) 2701-8377

**Deutsche internationale Zeitschrift
für zeitgenössische Wissenschaft**

...
Nº7 2021
VOL. 2

Deutsche internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft ist eine internationale Fachzeitschrift in deutscher, englischer und russischer Sprache.

Periodizität: 24 Ausgaben pro Jahr
Format - A4
Alle Artikel werden überprüft.
Freier Zugang zur elektronischen Version des Journals

**German International Journal
of Modern Science**

...
Nº7 2021
VOL. 2

German International Journal of Modern Science is an international, German/English/Russian/Ukrainian language, peer-reviewed journal.

Periodicity: 24 issues per year
Format - A4
All articles are reviewed.
Free access to the electronic version of journal.

- Edmund Holst (Salzburg) AT
- Michaela Meissner (Köln) DE
- Klara Amsel (Liège) BE
- Briana French (Cambridge) GB
- Joleen Parsons (Manchester) GB
- Dragomir Koev (Sofia) BG
- Stanislav Štěpánek (Praha) CZ
- Valeriya Kornilova (Kyiv) UA
- Dmitriy Aksenenov (Lviv) UA
- Valentin Bragin (Moscow) RU
- Mirosław Bednarski (Warsaw) PL
- Daniela Villa (Florence) IT
- Mattia Molteni (Rome) IT
- Sylwia Krzemińska (Ljubljana) SI
- Käte Kraus (Vienna) AT
- Leonora Lehmann (Berlin) DE
- Alexander Dressler (Marseille) FR
- Zdzisław Małecki (Warsaw) PL
- Adrián Borbély (Budapest) HU

- Edmund Holst (Salzburg) AT
- Michaela Meissner (Köln) DE
- Klara Amsel (Liège) BE
- Briana French (Cambridge) GB
- Joleen Parsons (Manchester) GB
- Dragomir Koev (Sofia) BG
- Stanislav Štěpánek (Praha) CZ
- Valeriya Kornilova (Kyiv) UA
- Dmitriy Aksenenov (Lviv) UA
- Valentin Bragin (Moscow) RU
- Mirosław Bednarski (Warsaw) PL
- Daniela Villa (Florence) IT
- Mattia Molteni (Rome) IT
- Sylwia Krzemińska (Ljubljana) SI
- Käte Kraus (Vienna) AT
- Leonora Lehmann (Berlin) DE
- Alexander Dressler (Marseille) FR
- Zdzisław Małecki (Warsaw) PL
- Adrián Borbély (Budapest) HU

Artmedia24

Anschrift: Industriestraße 8, 74589 Satteldorf
Deutschland.

E-mail: info@dizzw.com
WWW: www.dizzw.com

Chefredakteur: Reinhart Roth

Druck: Einzelfirma Artmedia24, Industriestraße
8,74589 Satteldorf Deutschland

Die Hersteller der Zeitschrift sind nicht
verantwortlich für die in der Zeitschrift
veröffentlichten Materialien.

Die Autoren sind für die Richtigkeit der im
Artikel enthaltenen Informationen
verantwortlich. Die Meinung der Hersteller
spielt möglicherweise nicht die Ansichten des
Autoren wieder.

Bei Nachdruck ist ein Verweis auf der Zeit-
schrift erforderlich. Materialien werden in der
Ausgabe des Autoren veröffentlicht.

Artmedia24

Address: Industriestrasse 8,74589 Satteldorf
Germany.

E-mail: info@dizzw.com
WWW: www.dizzw.com

Editor in chief: Reinhart Roth

Printing: Artmedia24, Industriestrasse 8,74589
Satteldorf Germany.

Editorial board of journal is not responsible for
the materials published there.

Authors are responsible for the accuracy of arti-
cles contained information.

Opinion of editorial board may not coincide
with the opinion of authors published materials.

In case of materials reprinting - link to journal is
required.

Materials are publishing in native author's edi-
tion.

Edition: № 7/2021 (April) – 7st

Passed in press in April 2021

Printed in April, 2021

Printing: Artmedia 24, Industriestrasse 8,
74589 Satteldorf, Germany.

© Artmedia24

© Deutsche internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft / German International Journal
of Modern Science

CONTENT

ECONOMIC SCIENCES

Bekimbetova G.M., Erkinov S.B., Rakhimov U.F.	Xashimxodjayev S.I., Belalova G.A.
CULTURE AND ITS INFLUENCE ON CONSUMER BEHAVIOR IN THE CONTEXT OF MARKETING (in case of "Coca-Cola" company)	FEATURES OF DIGITAL DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN .....
4	31
Bezena I.	Abdikerimova G.I., Kulanova D.A., Yesbo洛ova A.
EDUCATION AND SELF-EDUCATION OF CIVIL SERVANTS OF THE REGION IN THE CONTEXTS OF DEMOCRATIZATION AND DECENTRALIZATION	POULTRY INDUSTRY DEVELOPMENT IN KAZAKHSTAN .....
6	34
Bolor-Erdene Turmunkh	Zhukovskaya I.E.
ECONOMIC AND ENVIRONMENTAL ANALYSIS OF KAZAKHSTAN'S CARBON DIOXIDE EMISSION REDUCTION BASED ON A COMPUTABLE GENERAL EQUILIBRIUM MODEL	MODERN APPROACHES OF APPLICATION OF DIGITAL ANALYTICAL PLATFORMS IN THE ACTIVITIES OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS .....
11	38
Pilipenko E.F.	Zhukovsky A.D.
BASIC ASPECTS OF THE USE OF INTELLECTUAL SYSTEMS IN THE ACTIVITIES OF A HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION	MODERN ASPECTS OF USING THE POTENTIAL OF HIGH-TECH COMPANIES IN THE DEVELOPMENT OF THE REGIONAL ECONOMY .....
25	41
Tsebro T.V., Darashkevich I.N.	
THE DEVELOPMENT OF THE DOMESTIC ORGANIC MARKET IN THE REPUBLIC OF BELARUS.....	
27	

PEDAGOGICAL SCIENCES

Alekseeva L.P.	Jadmenova D., Tsay Y.
TECHNOLOGIES FOR THE USE OF WORKBOOKS IN A PROFESSIONAL EDUCATIONAL ORGANIZATION ...	CASE STUDY METHOD IN TEACHING EFL AT HIGH SCHOOL .....
44	47

PHILOLOGICAL SCIENCES

Kachmar V.M., Manuliak M.S.
THE PORTRAYAL OF A MOTHER AS A CONTENT VISION FOR A READER IN VASYL STEFANYK'S SHORT STORIES .....
49

POLITICAL SCIENCES

Izmailova A.
THE COMMONWEALTH OF NATIONS AS ONE OF THE LEADING VECTORS OF THE UK'S FOREIGN POLICY IN THE CONTEXT OF BREXIT .....
53
Kirichenko G.A., Al-Dainy M.A.
EXTERNAL POLITICAL IMAGE OF RUSSIA IN GERMAN MASS MEDIA .....
57

Rosenko M.I., Skrebets E.V.
A STRATEGY FOR US GLOBAL DOMINANCE OR A PATH TO THE ABYSS? (A LOOK THROUGH THE PRISM OF THE AUTHORS OF THE STRATEGY AND MODERN RESEARCHERS) .....
59

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Gritchina M.D., Gordienko E.V.
RESEARCH OF MANIFESTATIONS OF VICTIMIZATION AMONG YOUNG PEOPLE .....
64

ECONOMIC SCIENCES

CULTURE AND ITS INFLUENCE ON CONSUMER BEHAVIOR IN THE CONTEXT OF MARKETING (in case of "Coca-Cola" company)

Bekimbetova G.M.,
PhD

Erkinov S.B.,
Assistant

Rakhimov U.F.
Assistant

Tashkent State University of Economics, Uzbekistan
DOI: [10.24412/2701-8369-2021-7-2-4-6](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-7-2-4-6)

Abstract

The presented work is devoted to the topic, which is the influence of culture on consumer behavior in the context of marketing. Culture is a connection of individuals with each other in the way they think, feel and believe in the same values. Culture has two functions where people in certain culture act and react to different situations according to their social norms and the other function is when an individual is pressured for the phase of "society's point of view". Moreover in this article has been analysed the "Coca-Cola" company and its impact on culture.

Keywords: culture, cultural dimensions, consumer perception, consumer behavior, consumer expectations.

Introduction.

Culture is passed on from generation to generation, primarily by social institutions such as family, school, religion. Prior experience and communication with peers are also sources of cultural values¹. Forecasting values that in the future will determine the behavior of the consumer, is based on an understanding of the direction of development of the most important human institutions. The influence of culture on the decision to purchase is very large. Culture affects both the choice of an individual consumer and the structure of consumption of society as a whole. Buying goods, the consumer thinks about its function, form and content. Sellers should pay attention to all three aspects, conditioned by the cultural context of consumption. The consumer expects that the product purchased by him will perform a certain function to clean the clothes, if it is a stain remover, or satisfy the hunger, if it is a food product. Only in case of full justification of expectations can we talk about a high level of customer satisfaction and hope that he will become a supporter of this brand. As a result, today firms are allocating significant funds for improving the quality of products². It is also necessary to develop programs aimed at establishing contacts with customers, which will help to find out to what extent the purchased product met their expectations in a functional sense.

The importance of cultural values and norms for understanding the psychology of the consumer. A number of values affect the choice of the consumer: func-

tional, conditional, social and emotional. All these values do not depend on each other and influence the choice of the product, brand and other elements of decision making³. Culture along with other elements of the environment affects all stages of decision-making by the consumer. Values of this kind affect the choice of the consumer and can affect both the awareness of the need and the search for ways to meet it. In many ways it is culture, through advertising, fashion, retail and other areas not subject to producers, but important for consumers at the stages of understanding the need or search, determines the significance of the product.

American culture and its elements that affect consumer behavior.

The culture of consumption as an external factor of influence on consumer behavior is characterized by a number of features. The dictated consumption of goods is acquired, largely due to training and affects the satisfaction of biological manifestations of individuals through the establishment of standards of conduct. Culture establishes the framework of behavior in which most people think and act without going into a detailed description of what is happening⁴. The influence of culture is often not realized. A person behaves, thinks and feels in a manner consistent with others, because this seems to be natural and correct around him.

Evolution of consumption occurs along with a change in society, therefore, it is necessary to identify and use existing and projected opportunities⁵. For example, while the majority of consumers are engaged in manual labor, high-calorie food is most preferable.

¹ Michael Solomon, Gary Bamossy, Soren Askegaard, Margaret K. Hogg (2006), the book: "consumer behavior", page 497

² John C. Mowen (1994), the book: "consumer behavior" (third edition), page 477

³ Marieke de Mooij (2011), the book: "consumer behavior and culture" (second edition), page 27

⁴ Mark Cleveland, Michel Laroche, Ranim Hallab (1 December 2011), the research article : "Globalization, culture, religion, and values: Comparing consumption patterns of Lebanese Muslims and Christians", page 959

⁵ Da Zhao, Tianhao Wu, Qiwei He (05 October 2017), the research article : "Consumption inequality and its evolution in urban China", page 209

With the growth of the role of intellectual labor in the total employment of the population, the emphasis of enterprises on the production of assortment of food products shifts in favor of low-calorie and dietary products. Declaring the boundaries of individual behavior through the family and the media as examples of life style.

Culture also affects how consumers are exempt from goods. Therefore, in America washing machines are considered a "one-time" product, because in case of breakage or relocation they are often left in an abandoned house or thrown out. In other cultures, the goods are resold after use or transferred to other people or if possible, processed.

Cultural features by the example of Coca-Cola.

Faced with the local culture, brands use the product localization strategy, taking into account not only regional linguistic, but also social, as well as gastronomic features. Traveling around the world you can find on the shelves of a lot of familiar brands, but with an unusual taste. Famous brands adapt their product to the preferences of people in different countries. Russian Coca-Cola Malina and Coca-Cola Citrus, Bosnia-Herzegovina has Coca-ColaBlak, Coca-Cola M5, French people can enjoy Coca-ColaLightSango, and the British - Coca-Cola Orange. Now around 70 different kinds of Fanta drinks are produced around the world: Fanta-Shokata with elderberry is sold in Serbia, Montenegro and Croatia, FantAtotic is sold in Armenia, in Sweden and the Netherlands is sold Fanta with the taste of black currant. Before entering any specific market, the possibility of each individual taste is studied in great detail, and subsequently a decision is made to withdraw. In Russia, for example, did not withdraw DietCoke, considering that the Coca-ColaLight brand is stronger. Coca-Cola is trying to conquer the Russian market, offering consumers new products, such as energy drinks with citrus flavor, cold tea, juices and its own version of the traditional fizzy brown drink "kvass"⁶. Thus, the company takes into account the peculiarities of local consumers, who quickly became selective in their tastes and often refuse sweet carbonated drinks, considering them harmful.

In those markets where traditions, cultural and geographic features play an important role, there are special technical norms for the products of the corporation⁷. Their goal is to increase the profitability, and in some cases, the attractiveness of the parent brand. Therefore, along with the use of global brands, corporations still retain local brands, established strong ties with customers. For example, after Coca-Cola bought the Indian brand Thumb'sUp (brand No. 1 among soft drinks in India), it was decided to retain the brand name of Thumb's Up, mentioning only that it is now owned by Coca-Cola. Buying in Ukraine the water "Yurskedzherelo" or "Fruitim", the consumer may not

suspect that the brand belongs to Coca-Cola. When forming an international branding strategy, it is very important to decide which similar properties of different countries can contribute to the globalization of the brand and what differences can prevent it. A big mistake consists in the illusion that success in one's own country will repeat in another. Coca-Cola makes a universal attractive offer for all people in the world - to freshen up and feel better, but at the same time the company itself develops the offered products and packaging for a specific region. In accordance with the preferences and culture of the inhabitants of the country, the formula of beverages is being developed. In Mexico next to the America, it is no longer the same it uses sugar from cane and not corn syrup. Many Mexicans living in the US believe that this recipe is "right" and boxes are brought "real" cola from Mexico.

The impact of American values on the example of Coca-Cola in marketing.

The influence of the company and its product on the world community is almost indefinable. However, it can be confidently asserted that the products with the Coca-Cola brand embody the spirit and essence of American culture to the extent that no other American-made product does⁸. The company's products overcome language, cultural, racial, gender and age barriers. The most important, however, is the fact that the advertising of Coca-Cola reflects and imposes on other cultures exclusively American values and promotes the American way of life, despite the fact that the company-manufacturer has long become multinational. The American way of life represents the ideal model of the world, in which everything becomes possible, if you have a dream. America is a country of unlimited possibilities, where all are equal. Such a belief in the unlimitedness of its capabilities takes on hyperbolic forms and is manifested in the statements of an advertising campaign about the superiority of people using the advertised product⁹. Advertising products Coca-Cola exploits man's fantasies and dreams of youth, friendship, its sense of belonging in a certain social community, as well as the idea of the desired behavior in this social community.

The main distinguishing feature of the advertising campaign of Coca-Cola products are the colors used bright red and white. Red is a color that strongly affects human emotions, while white is neutral and contrasts sharply with red. Red color always attracts attention and stands out against the background of all other colors. In the minds of people, he has connotations associated with such strong emotions as a sense of danger, excitement, love, passion. White color is associated with purity and virtue. The choice of these colors is due, first of all, to the age of the audience, to which advertising is aimed, these are children and young people, they are pure and virtuous, and also capable of strong feelings.

⁶ Hamish Banks (1 january 2016), the research article: "The business of peace: Coca-Cola's contribution to stability, growth, and optimism", page456

⁷ Betül Çal, Richard Adams (24 june 2014), the research article: "The Effect of Hedonistic and Utilitarian Consumer Behavior on Brand Equity: Turkey - UK Comparison on Coca Cola", page476

⁸ Casey Silver (18 may 2010), the research article: "Coca-Cola's Marketing Strategies: Get Them While They're Young", page5

⁹ Galița Raluca (16 march 2016), the research article: "America's cultural changes through Coca-Ola slogans and titles", page 7.

Conclusion.

To conclude, culture is a set of values, ideas, objects of human labor and other significant symbols that help people as members of society communicate, interpret and evaluate situations. Culture as one of the strongest factors of external influence on consumer behavior affects the decision to buy and how the consumer will use this or that product. Manufacturers need to manufacture and sell their products in accordance with the cultural characteristics of consumers of a particular country. Culture is associated with traditions, prohibitions and basic relations existing in a social environment in which certain people are located. It gives the direction of development for the person and her way of life. There are values and norms that are fundamental to the consumer and which determine his behavior. Formation of values in a person begins with the moment of the beginning of socialization, and these values subsequently influence consumption. The basic values show how the product is used in society. They ensure the ability of communicative programs to be associated with trademarks. Great influence is exerted by the family, the church, the school, and also the struggle for survival. Value is also influenced by the media. Internal values of a person are formed under the influence of his personal life position, education, as well as representatives of his generation. The values of one generation are inculcated in the following primarily in the family, school and with the help of religion. This triad plays a key role in the assimilation of social values.

References

1. Michael Solomon, Gary Bamossy, Soren Askegaard, Margaret K. Hogg (2006), the book: "consumer behavior", page 497
2. John C. Mowen (1994), the book: "consumer behavior" (third edition) , page 477
3. Marieke de Mooij (2011), the book: "consumer behavior and culture" (second edition) , page 27
4. Ana Maria Soares, Minoo Farhangmehr, Aviv Shoham (1 October 2006), the research article: "Hofstede's dimensions of culture in international marketing studies", page 278
5. Mark Cleveland, Michel Laroche, Ranim Hallab (1 December 2011), the research article : "Globalization, culture, religion, and values: Comparing consumption patterns of Lebanese Muslims and Christians", page 959
6. H.J. Swatland (2 April 2010), the research article: "Meat products and consumption culture in the West", page 81
7. Sujoy Bag, Manoj Kumar Tiwari, Felix T.S. Chan (24 November 2017), the research article: "Predicting the consumer's purchase intention of durable goods: An attribute-level analysis", page 3
8. Hamish Banks (1 january 2016), the research article: "The business of peace: Coca-Cola's contribution to stability, growth, and optimism", page 456
9. Betül Çal, Richard Adams (24 june 2014), the research article: "The Effect of Hedonistic and Utilitarian Consumer Behavior on Brand Equity: Turkey - UK Comparison on Coca Cola", page 476
10. Galița Raluca (16 march 2016), the research article: "America's Cultural Changes Through Coca-Cola Slogans And Titles", page 7.

UDC: 37.014.55

EDUCATION AND SELF-EDUCATION OF CIVIL SERVANTS OF THE REGION IN THE CONTEXTS OF DEMOCRATIZATION AND DECENTRALIZATION

Bezena I.

*PhD, Head of the Department of Social and Humanitarian Education,
Dnipro Academy of Continuing Education,
Dnipropetrovsk Regional Council, Ukraine, Dnipro*
DOI: [10.24412/2701-8369-2021-7-2-6-11](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-7-2-6-11)

ОСВІТА І САМООСВІТА ДЕРЖАВНИХ СЛУЖБОВЦІВ РЕГІОНУ В КОНТЕКСТАХ ДЕМОКРАТИЗАЦІЇ ТА ДЕЦЕНТРАЛІЗАЦІЇ

Безена І.

*доцент, к.філос.н., завідувач кафедри соціально-гуманітарної освіти
КЗВО «Дніпровська академія неперервної освіти»
Дніпропетровської обласної ради, Україна, Дніпро*

Abstract

The article is devoted to the study of the processes of transformation in the structure of education and self-education among public authorities at the regional level. Since independence, Ukraine has undergone processes of transformational changes in the civil service, the creation of educational institutions network, advanced training and the creation of a favorable environment for professional self-education of government officials at various levels. The basic level of the power vertical becomes a united territorial community, which exercises its own powers being closest to the citizens. It ensures the functioning and creation of social facilities (culture, education, medicine, utilities, etc.). All organizational activities are carried out by officials of local self-government bodies and structural subdivisions of executive bodies at the regional level.

The level of assessment and trust performed by the residents of the territory depends on the coordinated work of public authorities in the region and communal institutions of the community. And the level of work of government depends on the degree of professional activity and the completeness of the powers' exercise, aimed at meeting the demand of citizens for services: education, culture, medicine, social support. Criteria on which the issue of improving the living standards of citizens depends and outline their life prospects. Accordingly, public administration should be carried out by officials, civil servants who have the appropriate educational qualifications, able to develop independently and ensure organizational and administrative activities at a high level.

Анотація

Стаття присвячена дослідженню процесів трансформації структури освіти і самоосвіти посадових осіб органів публічної влади на регіональному рівні. За часи незалежності в Україні пройшли процеси з трансформаційних змін державної служби, створення мережі закладів з навчання, підвищення кваліфікації та створення сприятливого середовища для професійної самоосвіти службовців органів влади різного рівня. Базовим рівнем владної вертикалі стає об'єднана територіальна громада, яка виконує власні повноваження та найближча до громадян. Саме вона забезпечує функціонування та створення соціальних об'єктів території (культури, освіти, медицини, комунальні підприємства тощо). Всю організаційну діяльність здійснюють посадові особи органів місцевого самоврядування та структурні підрозділи органів виконавчої влади регіонального рівня.

Від злагодженої роботи органів публічної влади в регіоні та комунальних закладів громади залежить рівень оцінки й довіри до них з боку жителів території. А рівень роботи органів влади залежить від ступеня професійної діяльності та повноти виконання повноважень направлених на задоволення запиту громадян на послуги: освіти, культури, медицини, соціальної підтримки. Критерії від яких залежить питання покращення рівня життя громадян та окреслюються їх життєві перспективи. Відповідно державне управління має здійснюватися посадовими особами, державними службовцями, які мають відповідну освітню кваліфікацію, спроможних самостійно розвиватися та забезпечити організаційно-розпорядчу діяльність на високому рівні.

Keywords. Regional authorities; community; professional activity; official powers; educational needs; professional education.

Ключові слова. Регіональна влада; громада; професійна діяльність; посадові повноваження; освітні потреби; професійна освіта.

Постановка проблеми в загальному вигляді та зв'язок з важливими науковими чи практичними завданнями. В Україні проходять публічні реформи, які сконцентровані на децентралізацію та демократизацію взаємовідносин інститутів державної та регіональної влади; перевантаження повноважень, відповідальності й нового змісту діяльності місцевої публічної влади; трансформації змісту професійної діяльності посадових осіб влади, формальної і неформальної освіти службовців тощо. Всі процеси реформування публічного простору держави та рігіонів пов'язано із процедурами інтеграції в контексті «Україна-ЄС».

Наразі, основною мотивацією до широкої консолідації зусиль громади постають організаційні проблеми підвищення ефективності самоорганізації, яка має сприяти запровадженню європейських стандартів рівня життя, освіти, медицини, доступності соціальної інфраструктури і ефективного зрушення у подоланні соціально-економічних проблем громади. Особлива місія покладається на організаційну і комунікативну дію публічної системи державної влади, місцевого самоврядування та активне долучення до регіональних процесів всіх громадян. Ключовою фігурою таких комунікацій та організаційної діяльності постає посадова особа публічного управління, яка має постати освіченою, професійною та компетентісно-орієнтованою особистістю.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Дослідження проблем реформи публічної влади та пошуку сучасних моделей розвитку громадянського суспільства і організаційної діяльності в Україні

знаходить своє дослідження, а саме: Авер'янова В., Баймуратова М., Бердавова О., Бородіна Є., Вакуленка В., Гринчука Н., Дмитренка К. Колтуна В., Куйбіді В., Лазора О., Саханенка С., Серьогіна С., Сиченка В., Кулешова О. та ін.. Дослідники узагальнili окремі аспекти теорії і практичних процесів демократизації та діяльності громади освітньому розвитку громади, компетентісного і освітнього розвитку посадових осіб регіональної влади. Актуальними є дослідження представників європейської та американської наукових шкіл: стан й перспективи розвитку публічних інститутів влади, розширення демократичних основ організаційної діяльності центру і рігіонів, можливі перспективи нових процесів. Необхідно відмітити, що для українських реалій є досить гострими питання: повноти дослідження проблем становлення нових моделей системи освіти/самоосвіти посадових осіб місцевої влади; стратегії розвитку територіальної громади, нової регіональної політики та перспективи розвитку мережі закладів освіти.

Формування цілей дослідження. Регіональна влада і організаційні процеси з демократизації й децентралізації потребують видбудування нових моделей, індивідуальних трасекторій професійного і освітнього зростання посадових осіб державного управління та місцевого самоврядування.

Виклад основного матеріалу дослідження. Процеси реформування публічного простору на регіональному рівні оголили старі проблеми із кадровим забезпеченням діяльності органів місцевої влади: регіональні структури державної виконавчої

влади і місцевого самоврядування. Адже регіональна реформа потребує нових моделей поведінки та діяльності посадових осіб публічної влади, які тісно пов'язані з освіченістю, професійністю, демократичністю і комунікативністю представників публічної влади. Бо освітня система громади, місцеве самоврядування і структури державної влади, знаходяться у тісному партнерському організаційному процесі, який зоріентовано на створення ефективних умов для задоволення освітніх і життєвих потреб людини для повноцінної самореалізації [1]. Інакше кажучи, українська стратегія і «національні темпи розвитку ... мусить зосередити зусилля .., якот новаторство, освіта, здатність розумно зрівноважити силу та дипломатію, якість політичного лідерства та привабливість демократичного способу життя» [2, с.146]. Звичайно, публічний простір потребує чіткого стратегічного розуміння послідовності дій, відпрацювання можливих викликів і загроз, окреслення принципів прозорості організаційної діяльності, демократичності управлінських процедур та відповідальності за прийняті рішення.

На сучасному етапі в Україні вже відпрацьовано моделі: нового переліку інституційних питань – повноваження, відповідальність і самодостатності в бюджеті території; нові моделі співіснування, співпраці і розвитку соціальних контрактів між суб'єктами публічного простору, господарювання та громадянськими інститутами; можливості активізації освітнього/самоосвітнього процесу посадових осіб публічної влади; створюються ефективні соціальні інституції для задоволення освітніх потреб службовців тощо. Передусім, як відмічають науковці «на сучасному етапі реформування» вже постало питання щодо «ефективності вирішення питань місцевого значення» та подолання системної кризи публічного простору держави й відновлення життєдайності державної системи управління і адміністрування, яка буде ефективною, гнучкою та послідовною у реалізації рішень направлених на позитивні зміни в регіоні [3, с. 3-4].

На нашу думку, ключовим організаційно-діяльнісним центром регіонального рівня постає система органів місцевого самоврядування (далі – ОМС) та посадові особи цих структур. Окрім того врядування місцевого рівня вже сформовано й наповнено реальним змістом, правом і здатністю регламентувати значну частину публічних справ й відповідально управляти в межах чинного законодавства, в інтересах місцевого населення [4; 5]. Основою у регіональних процесах суспільної трансформації стала Концепція реформування місцевого самоврядування та територіальної організації влади в Україні. Відповідно новими принципами служби в ОМС є наступні положення: служіння територіальній громаді; поєднання місцевих і державних інтересів; верховенства права, демократизму і законності; гуманізму і соціальної справедливості; гласності; пріоритету прав та свобод людини і громадянина; рівних можливостей доступу до служби в ОМС з урахуванням їх ділових якостей та професійної підготовки; професіоналізму, компетентності,

ініціативності, чесності, відданості справі; підконтрольності, підзвітності, персональної відповідальності за порушення дисципліни і неналежне виконання службових обов'язків; дотримання прав місцевого самоврядування; правової і соціальної захищеності посадових осіб місцевого самоврядування; захисту інтересів територіальної громади; фінансового та матеріально-технічного забезпечення служби за рахунок коштів місцевого бюджету; самостійності кадрової політики в територіальній громаді. Державна політика щодо служби в ОМС здійснюється за деякими напрямками, сред яких: організація підготовки та перепідготовки кадрів для публічної служби; правовий та соціальний захист посадових осіб; методичне та інформаційне забезпечення служби [6; 7].

В окреслених концептах публічної реформи посилюється актуальність ідей Юргена Хабермаса (Jürgen Habermas), який всебічно досліджує європейські цивілізаційні зміни в публічному просторі на тлі загальної потреби у поглибленні демократичного розвитку суспільства і формування сучасної, активної і освіченої людини. Певна річ, на думку Ю.Хабермаса «моральні світогляди ефективно обмежують волю тоді ..., коли вони укорінені в етичні саморозуміння, скріплюючого турботу про власне благополуччя із зацікавленістю у справедливості» [8, с.4]. Незаперечною є думка, що значно зростає суспільна і індивідуальна потреба людини у розширенні життєвих рамок відповідальної свободи діяльності, отриманні ефективних результатів життєтворчості через розуміння власної місії в житті та активної суспільної діяльності. Відзначаємо, що Ю.Хабермас запровадив поняття «інструментальна» та «комунікативна дія», пізніше він виокремив їх у чотирьох ключових типах, а саме: стратегічній, нормо-регулювальній, експресивній та комунікативній дії. Оскільки на регіональному рівні для ефективного вирішення спільних проблем потребують об'єднання зусиль громадян, представників ОМС, державної влади та громадських інститутів самоорганізації. Адже регіональний соціальний ліфт комунікативної дії має рухатись між суб'єктами, створювати передумови для подолання проблем.

Останнім часом у розвитку регіонів окреслились стратегічні потреби у швидкості і ефективності вирішення кризових ситуацій розвитку, які в сучасних умовах проявляються паралельно із тенденціями: погіршення якості та доступності до публічних послуг через ресурсну неспроможність ОМС на здійснення власних повноважень; неузгодженість регіональної політики щодо соціально-економічного розвитку та інтересами окремих територій; нерозвиненість окремих форм прямого народовладдя: солідарності дій, захисті прав та інтересів усіх громадян, співпраця суспільних інституцій на території; зниження рівня професійності посадових осіб ОМС через недостатній рівень конкурентоспроможності, престижності посад і ефективності рішень; корпоратизація ОМС, закритість і непрозорість їх діяльності, корупція та соціальна напруга у процесі роботи; правові/інституційні

прогалини в тріаді «повноваження-відповідальність-самодостатність», які неузгоджені з регіональною адміністративно-територіальною реформою.

З окреслених тенденцій посилюються причини актуалізації проблеми загального і стратегічного аналізу потреби у професійно-освітньому розвитку державно-управлінських кадрів, ас саме: складових елементів організації професійного навчання; загальних принципів, методів і технологій аналізу професійної підготовки; вибудуванні ефективної моделі компетентності державних службовців і посадових осіб місцевого самоврядування; розумінні реальної потреби особистості у інтерактивній й інтегрованій освіті. Вказані сукупні професійно-освітні ознаки мають стати основою для створення реєстру для прогнозування: перспектив з розвитку системи підготовки, перепідготовки та підвищення кваліфікації; розроблення стратегій планів професійного навчання працівників, навчальних програм різних форм/видів навчання; розроблення моделей неперервного навчання за профілями/галузями компетентностей [9]. Відповідно окреслений аналіз має стати складовою функції з вивчення, оцінки, систематизації та узагальнення різноманітної інформації про стан кадрового забезпечення, якісний склад, рівень компетентісного формального і неформального розвитку, наявність проблем у професійній діяльності, розуміння перспектив для самостійного розвитку тощо. В окресленому векторі організаційно-кадрової роботи постає певне число запитань, на які мало об'єктивних відповідей.

Разом з тим одна із проблем сучасної публічної служби є ситуація із формуванням регіональних концепцій становлення і реалізації індивідуальної освітньої трасекторії посадової особи державного управління та ОМС, яка має вибудовувати персональний шлях реалізації особистісного потенціалу, що формується з урахуванням його професійної діяльності, здібностей, інтересів, потреб, мотивації до професійно-освітнього зростання, індивідуальних можливостей й досвіду. Без сумніву, що обов'язково мають враховуватися індивідуальні можливості вибору видів, форми і темпу здобуття освіти, суб'єктів освітньої діяльності й запропонованих програм, навчальних циклів та їх рівень складності, методи і засоби навчання, стимули до постійної самоосвіти [10; 11; 12]. Зіставлення окресленого засвідчує, що переважно освіта й самоосвіта службовця сприяє формуванню індивідуальних компетентностей, які є свідченням динамічності комбінації знань, умінь, навичок, способів мислення, світоглядів, цінностей, інших особистісних якостей. В результаті вони визначають здатність особи до публічної соціалізації та ефективної професійної діяльності.

Певна річ, що загальною кваліфікаційною вимогою до кандидатів на посади державних службовців є наявність повної вищої освіти за професійним спрямуванням. У 1992 році для відповідної підготовки, перепідготовки і підвищення кваліфікації кадрового складу службовців публічної влади було створено Інститут державного управління і самоврядування при Кабінеті Міністрів України, який в

подальшому трансформовано в Українську (з 2003 року – Національну) академію державного управління при Президентові України, до її складу входять 4 регіональні інститути.

Станом на 01.01.2021 року у Дніпропетровській області серед закладів вищої освіти діяли 8 установ, які здійснюють підготовку кваліфікованих кадрів за освітньо-професійною програмою: «Управління та адміністрування» зі спеціальністю 281 «Публічне управління та адміністрування» за першим (бакалаврським), другим (магістерським) та третім (PhD) рівнями вищої освіти. Освітньо-професійні програми з підготовки здобувачів вищої освіти (далі – ЗВО) за відповідними рівнями вказаний спеціальності розробляються випускаючою кафедрою за наявності гарантів освітніх програм та професорсько-викладацького складу для забезпечення виконання змісту навчальної програми. На підставі освітньо-професійних програм розробляються: навчальні плани, які формують перелік і обсяг навчальних дисциплін у кредитах ECTS; послідовність їх викладання і форми проведення навчальних занять; форми поточного і підсумкового контролю. Підготовка фахівців за рівнями вищої освіти включають цикли дисциплін: обов'язкові (гуманітарної та соціально-економічної підготовки – 270.0 годин, що складає 9.0 кредитів ECTS; професійний цикл – 930.0 годин, 31.0 – ECTS); вибірковий компонент (дисципліни самостійного вибору закладу освіти: професійний і практичний блоки – 240.0 годин, що складає 8.0 - ECTS; за вибором здобувачів освіти: професійний і практичний блок – 540.0 годин, що складає – 18.0 ECTS). окремо відведено години: дипломування та підсумкову державної атестації (450.0 годин, що становить 15.0 – ECTS); практичну підготовку на конкретному робочому місці (обсяг: 270.0 годин, 9.0 – ECTS) та захист дипломної роботи. Загальний обсяг підготовки ЗВО другого (магістерського) рівня складає 16 місяців та становить – 2700.0 годин, 90.0 кредитів ECTS.

Завдяки окресленому після завершення навчання подає документи на працевлаштування до відповідного органу влади, пройшовши відбіркові процедури приступає до роботи на посаді. Чинним законодавством України передбачено проведення заходів направлених на підвищення кваліфікації посадовців за напрямком професійної діяльності, проходженням короткотермінових курсів (одноденних (8 год.), тижневих (30 год) та індивідуальними планами щодо проходження певних освітніх процедур за моделлю самоосвіти. Відповідно до нормативів визначених Національним агентством України з питань державної служби визначено: 1) за тривалістю та інтенсивністю програми підвищення кваліфікації поділяються на: довгострокові (професійні (сертифікатні)) програми підвищення кваліфікації обсягом не менше двох кредитів ЄКТС; короткострокові програми обсягом 0,2 – 1 кредит ЄКТС; 2) за змістом програми підвищення кваліфікації поділяються на: загальні та спеціальні програмами [13].

За останній час в Дніпропетровському регіоні в рамках співпраці із європейськими інституціями

ЗВО приймають активну участь у освітніх програмах за стандартами Європейського Союзу, які фінансуються за кошти країн-учасників ЄС за освітніми програмами з популяризації національного досвіду у публічному просторі України: Швейцарсько-український проект DESPRO (формування необхідних управлінських і проектних спроможностей у регіонах та у громадах); DOCCU (Швейцарсько-український проект «Розвиток громадянських компетентностей в Україні»); U-LEAD (Німеччина, Польща, Швеція, Данія, Естонія та Словенія: Підтримка реформи децентралізації в Україні/U-LEAD з Європою – програма для України з розширення прав і можливостей на місцевому рівні, підзвітності та розвитку); DOBRE (проект Агентства США з міжнародного розвитку (USAID); Програма «Децентралізація приносить кращі результати та ефективність». Покращене стратегічне планування; Місцевий економічний розвиток (далі – МЕР); Проектний фонд МЕР; Покращення комунальних послуг; Фонд Інфраструктури; Фонд міжмуніципального співробітництва; Фонд заохочувальних грантів; Покращена робота ОМС; Бюджетування та управління фінансами; Покращення в залученні громадян; Місцеві ради молоді; Публічна інформація і комунікація); EGAP (Фонд Східна Європа та Фондом Innovabridge реалізовує Програму: Електронне урядування задля підзвітності влади та участі громади) тощо.

У січні 2021 року було продовжено активну освітньо-просвітницьку діяльність за ініціативою Програми «U-LEAD з Європою»/«U-LEAD with Europe»: «Кроки для керівників», участь у цьому проекті разом зі 150-ма лідерами громад інших областей України беруть участь в тому числі – 19 голів сільських, селищних та міських рад Дніпропетровського регіону. Організатори проекту приймали заявки від нових об'єднаних територіальних громад, а після їх реєстрації провели фінальний конкурсний відбір для безпосередньої участі у різних заходах визначених програмою співпраці. Так, європейським проектом передбачено проведення 11 онлайн-семінарів та 4 інтерактивних ворк-шопів, за підсумками навчання учасники підготували власні проекти громади, здійснивши захист, в подальшому реалізують в громаді через багаторівневе співфінансування. У лютому вже пройшов вебінар за темою «Стратегічне лідерство та управління», координацію всіх передбачених заходів будуть здійснювати регіональні офіси Програми «U-LEAD з Європою», які відкрито в областях України [14]. Сучасні кроки для керівників – це системний/якісний підхід до формування професійних знань і навичок через розуміння ключових вимірювань, пріоритетів та результатів діяльності місцевої/регіональної влади.

У такий спосіб здійснивши порівняльні характеристики відомостей діючих ОМС у Дніпропетровській області, відмічаємо, що у 2015 році, їх було 308 рад, з них: 288 – сільських та 20 – міських, то, станом на 01.03.2021 року, в результаті реформи ОМС сформовано – 75 громад, до їх числа входять, як міські, так і сільські громади [15; 16; 17]. Отри-

мані результати свідчать, що проходять процеси забезпечення кадровими фахівцями органів регіональної влади, окреслюються ефективні організаційні процедури з підготовки, перепідготовки і підвищення кваліфікації посадових осіб в контексті демократизації діяльності, дебюрократизації управлінських процесів, ефективності і професійності роботи, попередження корупції і посилення уваги до стратегічного планування діяльності тощо.

Висновки із цього дослідження і подальші перспективи. Таким чином, дослідивши процеси структурних змін в ході демократизації і децентралізації, відмічаємо, що публічні органи влади прийшли до розуміння нових тенденцій й змісту системи освіти державних службовців та посадових осіб місцевого самоврядування. Встановлено, що нові моделі освітніх інституцій перебувають у процесах пошуку нових освітніх систем на регіональному і загальнодержавному рівнях. Одна із ефективних моделей трансформації організаційної структури ЗВО з підготовки, перепідготовки та підвищення кваліфікації посадовців відповідно до освітніх і професійних стандартів Європейського Союзу.

За результатами дослідження відзначаємо позитивні та негативні тенденції у сфері вищої освіти з організації змістової й якісної підготовки та підвищення кваліфікації посадових осіб на регіональному рівні, серед яких: нормативне врегулювання професійної та освітньої діяльності посадових осіб органів влади; посилення відповідальності за ефективність організаційної діяльності; відсутність ефективної моделі процедури підвищення кваліфікації посадових осіб за відповідними освітніми програмами; неготовність посадових осіб формувати індивідуальну траекторію підвищення освітнього рівня в контекстах демократизації і децентралізації регіональної влади; вибудування кошторису місцевих бюджетів направлених на підготовку, перекваліфікацію та підвищення кваліфікації посадових осіб тощо.

References

1. Borodin, Ye. I., Bezena, I. M. (2019) Mark E. Henson on the ways of democracy and decentralization of public state institutions. Public Administration and Customs Administration. Scientific and practical journal of public administration. 2019. №3 (22). 290c.
2. Brzezinski Z. (2012) Strategic vision: America and the crisis of global power / Translated from English by G. Leliv. Lviv: Chronicle. 2012. 168c.
3. Seryogin S. M., Goncharuk N. T. (2015) Theoretical bases and main directions of local government reform and decentralization of power in Ukraine. Theory and practice of public administration and local self-government. Electronic scientific professional publication. 2015. №2. [Published in Ukrainian]. URL: http://el-zbirn-du.at.ua/index/zmist_2015_2/0-22
4. EUROPEAN CHARTER Local Government. (1997) Ratified. Law of Ukraine. Information of the Verkhovna Rada of Ukraine. 1997. №38. Ст.249. [Published in Ukrainian]. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/994_036#Text

5. Bezena, I. M., Sychenko, V. V., Rybkina, S. O. (2020) Mechanisms of public administration democratization and the career development of officials of authorities: regional aspect. *Public Administration and Customs Administration. Scientific and practical journal of public administration.* № 2, 2020. C. 50-57. DOI <https://doi.org/10.32836/2310-9653-2020-2.9>
6. On approval of the Concept of reforming local self-government and territorial organization of power in Ukraine (2014). Order of the Cabinet of Ministers of Ukraine from 01.04.2014 p. №333-p. [Published in Ukrainian]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/333-2014-%D1%80#Text>
7. On service in local self-government bodies (2001). Law of Ukraine. Information of the Verkhovna Rada of Ukraine, 2001, №33, ct.175. [Published in Ukrainian]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2493-14#Text>
8. Habermas, Jürgen. (2003) Die Postnationale Konstellation. Politische Essays. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1998. S. 91-163). Логос, 2003, № 4-5 (39). URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/39/09.pdf>
9. Encyclopedic Dictionary of Public Administration / Ed. Y. Kovbasyuk, V. Troshchynsky, Y. Surmin. Kiev, 2010. 820c. [Published in Ukrainian].
10. On Education. Law of Ukraine (2017). [Published in Ukrainian]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2145-19/print>
11. Akimova L., Khomiuk N., Bezena I., Lytvynchuk I., Petrove O.. Planning of Socio-Economic Development of the Territories (Experience of European Union). *International Journal of Management (IJM).* Volume 11, Issue 4, April 2020, pp. 638-646.
12. On local self-government in Ukraine. Law of Ukraine (2020). [Published in Ukrainian]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/280/97-%D0%B2%D1%80>
13. On approval of the Regulations on the system of professional training of civil servants, heads of local state administrations, their first deputies and deputies, local self-government officials and deputies of local councils. Resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine from 06.02.2019 №106. [Published in Ukrainian]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/106-2019-%D0%BF#Text>
14. On approval of the Procedure for the organization of advanced training of civil servants, heads of local state administrations, their first deputies and deputies, local self-government officials. Order of the National Agency of Ukraine for Civil Service dated 26.11.2019 11211-19, registered in the Ministry of Justice of Ukraine on 02.01.2020 for №5/34288. [Published in Ukrainian]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0005-20#Text>
15. Decentralization provides opportunities - Dniproproetrovsk region: the formula for success (2020). The site of the Dniproproetrovsk CRMS. [Published in Ukrainian]. URL: <https://decentralization.gov.ua/areas/0562>
16. State Statistics Service of Ukraine Information on local governments as of 2015. [Published in Ukrainian]. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua/>
17. Bezena I. M. (2019) Democratization of public administration and info-media development of its officials' competences. State and regions. Series: "Public Administration". № 2, 2019. C.58-64. [Published in Ukrainian]. DOI <https://doi.org/10.32840/1813-3401-2019-3-5>

ECONOMIC AND ENVIRONMENTAL ANALYSIS OF KAZAKHSTAN'S CARBON DIOXIDE EMISSION REDUCTION BASED ON A COMPUTABLE GENERAL EQUILIBRIUM MODEL

Bolor-Erdene Turmunkh

*School of Economics and International Trade, Hunan University
Changsha city, P.R. China*

DOI: [10.24412/2701-8369-2021-7-2-11-25](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-7-2-11-25)

Abstract

Throughout the world have been looking for reducing significant ways for Global warming and greenhouse gas (GHG) emissions. Kazakhstan is located in Central Asia, has been managed the natural resource management badly, that is influenced by environmental degradation for many years. Kazakhstan is being faced with difficulty to stop carbon dioxide (CO₂) emissions due to its growing power plant energy consumption. A detailing and accurate calculation of CO₂ emissions in Kazakhstan in terms of production and consumption is the first step in further action. The efficient use of petroleum products plays an important role in reducing total CO₂ emissions in the power plant energy sector. This study uses a simulation calculation and a Computable general equilibrium (CGE) model because it takes into account the interaction between power energy products and the economy. In 2005 Social Accounting Matrix (SAM) table of Kazakhstan was used for simulation. This study contains three scenarios of Business as Usual (BaU) and CO₂ emissions that were developed and predicted by the production-based CO₂ emission inventory in Kazakhstan from 2020 to 2035. An Input-Output (IO) table covering 18 industries in Kazakhstan which were including information on five power energy generating industries. Depend on the simulation results, policymakers emphasize that controlling the growing energy consumption and CO₂ emissions in Kazakhstan, improving fuel efficiency is to be an important strategy. Implementing a coal resource tax policy is an appropriate measure to further reduce CO₂ emissions, and there is an urgent need to develop renewable energy.

Keywords: Computable general equilibrium model; Social Accounting Matrix; Fossil fuel subsidy; Carbon emission; Kazakhstan

1. INTRODUCTION

The Kyoto Protocol (1997) represented the first historic agreement to control GHG emissions. Since the first commitment of the Kyoto Protocol expired in 2012, the world has been exploring more effective ways to reduce GHG emissions, with the active participation of developed and developing countries focusing on reducing CO₂ emissions. This was followed by the Paris Agreement, signed during the 2015 United Nations Climate Change Conference (UNFCCC), which outlined a global response to climate change by 2020. According to the Paris Agreement, Kazakhstan will meet its unconditional target of a 15 percent reduction in greenhouse gas emissions by December 31, 2030 (compared to 1990) and conditional by December 31, 2030 (compared to 1990). committed to target and reduce greenhouse gas emissions by 25 percent (Kazakhstan 2015; UNFCCC, 2019).

Many researchers have been analyzing CO₂, CH₄, and N₂O emissions from major countries around the world, and CO₂ accounts for 60 percent of the world's total GHG emissions since the 1970s, economic growth has been increasing in recent years, energy demand has got up, and environmental pollution has become a major contributor to GHG emissions and global climate change (Tang et al., 2017). Due to the rapid pace of global industrialization, excessive energy consumption is a major cause of CO₂ emissions.

Kazakhstan has been a steadily growing country in terms of population and gross domestic product (GDP) since 2000. Kazakhstan annually exports more than 100 billion tons of oil equivalent to three types of energy resources (coal, oil, and gas) to the world market (Wang et al., 2019). As Kazakhstan has an important energy export status, we will further analyze CO₂ emissions from domestic and foreign markets using an environmentally friendly expanded output model. Research on energy and environmental issues in Kazakhstan began in 2010, and most of the research has been empirical (Amirov et al., 2018; Bolor-Erdene T. 2020; Diyar et al., 2014; Karatairi et al., 2018; Li et al., 2019; Russell et al., 2018; Nugumanova et al., 2017; Nurgaliyeva, 2016; Wang et al., 2019). For example, Bolor-Erdene T. (2020) examines the relationships between non-renewable and renewable energy consumption, CO₂ emissions, and economic growth in Kazakhstan, using 1990 to 2014 data from the World Development Indicators. It performs tests to verify the existence of the long run relationships among the variables and examines short and long run causal relationships. It finds that increased fossil fuel use is the main cause of increased CO₂ emissions.

The CGE model has the unique advantage of simulating energy policy through a comprehensive analysis of general equilibrium compared to other methods. The CGE model is widely used in various energy taxes and environmental policies. In particular, there is some research on the centralization of coal resource taxes based on the CGE model. Targeted studies on the economy of Kazakhstan and CO₂

emissions using the CGE model are very limited. In contrast, China's SAM table, CGE model, and provincial and city-level census of CO₂ emission tax policy implementation have been relatively complete, and specialized studies have been conducted (Feng and Zhang, 2018; Li et al., 2020; Liu et al., 2015). These independent research articles are an effective addition to the general information of international agencies, as they are often focused on specific countries.

The purpose of this study is to prepare a SAM table based on the 2005 IO table in Kazakhstan, to develop a CGE model, and improve three scenarios of BaU scenario and CO₂ emissions for 2020 to 2035, CO₂ emissions forecasting, macroeconomic and commodities forecasting, and socio-economic calculations. This study is expected to make a significant contribution to literature in Kazakhstan and internationally. The article is divided into five sections. Following this introduction in Section 1, there is a review of related literature in Section 2. Section 3 describes the discusses the methodology. Section 4 discusses the data of sources. Section 5 provides the simulation results and discussion of the finding, while Section 6 concludes with some recommendations and suggestions for future research.

2. LITERATURE REVIEW

Many studies have been conducted on the economic and environmental analyses of different individual countries' energy subsidies, CO₂ emissions, and economic growth using the CGE model. The empirical literature abounds with studies that investigate the environmental effects of energy use and economic growth for both developed and developing countries using the IO table and SAM, model specifications, methodologies, and functional forms.

Several studies focus on the impacts of economic policies on energy subsidies and CO₂ emission. Farajzadeh and Bakhshoodeh (2015) analyze the economic and environmental implications of the elimination of energy subsidies in Iran applying a CGE model. The subsidy reform was investigated under two scenarios namely, redistributing total subsidy revenue back to households and allocating it to households and producers proportionally. The results show that the elimination of energy subsidies via resource reallocation causes a fall in GDP relative to the initial equilibrium by at least 15 percent, while the general level of prices tends to increase by more than 10 percent compared to the initial level. Gelan (2018) examined the economic and environmental impacts of reducing electricity subsidies in Kuwait. A SAM was constructed together with energy consumption with CO₂ emission were compiled, and then calibrated with a CGE model. The subsidy deducted from the electricity sector was allocated to users according to their share in the base year's total expenditure on electricity. The results indicated that such transfers would reduce the adverse economic effects, CO₂ emissions fell by 0.5 percent. The GDP and household welfare effects were reversed, rising by 0.4% and 0.1% respectively. For Romania, Silviu

(2015) builds a CGE model capturing the mechanisms through which the availability of energy resources affects the economy. The analysis focuses on fossil energy resource depletion. The model is an open economy general equilibrium model with bilateral trade and a nested constant elasticity of substitution (CES) production function to capture the impacts of depletion. The effects on the main relevant economic indicators like GDP, sectorial production, household consumption, welfare is analyzed. Jendrzejewski (2020) integrates values of natural capital into Supply and Use Tables to illustrate depletion of forest due to natural disaster. It further applies the CGE model to demonstrate the economy-wide effects of a real event in which a hurricane felled almost 80 thousand hectares of trees in Polish forests in 2017. The model results correspond with the statistical data published after the mentioned event. Furthermore, they align with findings of previous studies, which applied different methodical approaches and show that without natural capital accounting the macroeconomic estimates provide misleading information about economic performance. Nong (2019) examine the economy-wide effects of this policy on the Australian economy by employing a national environmental and economic general equilibrium model so that Australians and the international audience would be aware of the impacts and how the reverse auction and carbon subsidy work as a policy to reduce emissions at large scales across all sectors in a country. Results show that Australia only experiences a relatively small impact on its economy. Real GDP only declines by 0.3% to 0.4% overall scenarios. Woldie and Siddig (2019) simulate the macroeconomic and distributional impacts of exchange rate devaluation in Ethiopia using a dynamic single country CGE model. We find that although devaluation helps exports to be more competitive in the short term, thereby increasing export earnings, over the long term the policy is found to have a contractionary and inflationary impact in a developing country like Ethiopia. For Malaysia, Pui and Othman (2017) investigate whether an environmental tax on petroleum products could induce more energy-saving and emission control. This research applies the CGE modeling for the simulation, as it takes into account the interaction between petroleum products and the economy as a whole. The simulation results found that fuel efficiency improvement could produce a double dividend effect with simultaneous benefits on the economy and environmental quality. Moreover, He et al., (2015) defines energy policies as the compilation of energy prices, taxes, and subsidy policies. Moreover, it establishes the optimization model of China's energy policy based on the dynamic CGE model, which maximizes the total social benefit, to explore the comprehensive influences of a carbon tax, the sales pricing mechanism, and the renewable energy fund policy.

In most of the panel analyses that examined in the literature to study the impacts of fossil-fuel subsidy reform has been the use of a computable general equilibrium model (Fujimori et al., 2014; Lee, 2020; Li and Masui, 2019; Nong, 2020; Zhang et al., 2018). For example, Fujimori et al., (2014) present how energy end-

use technologies are treated within the model and analyze the characteristics of the model's behavior. Energy service demand and end-use technologies are explicitly considered, and the share of technologies is determined by a discrete probabilistic function, namely a Logit function, to meet the energy service demand. Coupling with detailed technology information enables the CGE model to have a more realistic representation of energy consumption. Zhang et al., (2018) present the model structure and mathematical formulation of AIM/Transport and explains how it was integrated with the CGE model by an iterative algorithm, taking into consideration the feedback between AIM/Transport and AIM/CGE. Li and Masui (2019) combine a data envelopment analysis, a dynamic CGE model with estimated secondary material flows for a circular economy, based on economist Joseph Schumpeter's macroeconomic theory, to develop a novel soft-link model to determine the efficiency of forty-three dark-fermentative technologies of biohydrogen, and technology improvement impacts on biohydrogen output and supply price for six major emerging Asian countries. This study finds that the efficiency of continuous technology significantly exceeds that of batch technology. The models and results of this study provide guidelines and references for decision-makers in industry and government who are responsible for reforming future energy policy. Nong (2020) shows that incorporation of non-CO₂ emissions in the model significantly alters the results of which the economy of South Africa experiences higher costs compared to the case that only has CO₂ emissions. Results also show that South Africa only experiences small tradeoffs from introducing the carbon tax in all scenarios. Lee (2020) combines a data envelopment analysis, a dynamic CGE model with estimated secondary material flows for the circular economy, based on economist Joseph Schumpeter's macroeconomic theory, to develop a novel soft-link model to determine the efficiency of forty-three dark-fermentative technologies of biohydrogen, and technology improvement impacts on biohydrogen output and supply price for six major emerging Asian countries. This study finds that the efficiency of continuous technology significantly exceeds that of batch technology. The models and results of this study provide guidelines and references for decision-makers in industry and government who are responsible for reforming future energy policy.

3. METHODOLOGY

3.1. CGE model

The present article follows from this literature on CGE models. CGE models are complete mathematical representations of an economy, comprising the actions of households, producers, government, investors, and exporters. Each of these agents participates in markets for supplying and demanding commodities and factors and has an underlying behavior that determines their decisions. Previous studies like Peng et al., (2019), Latorre et al. (2018), Liu et al. (2017), Tan et al. (2019), Wang et al. (2020), and Zhang et al. (2018) for a comprehensive review of CGE models and their applications. The General Algebraic Modeling System (GAMS) is used to solve the CGE model. Figure 1 displays the general structure of the CGE model in this

study. The CGE model in this paper consists of four blocks: Production and Consumption, as well as Factor and Commodity markets. The main structure of the

CGE model in this paper is derived from Huang et al., (2020). The framework and most of the equations of it are from Wang et al., (2017).

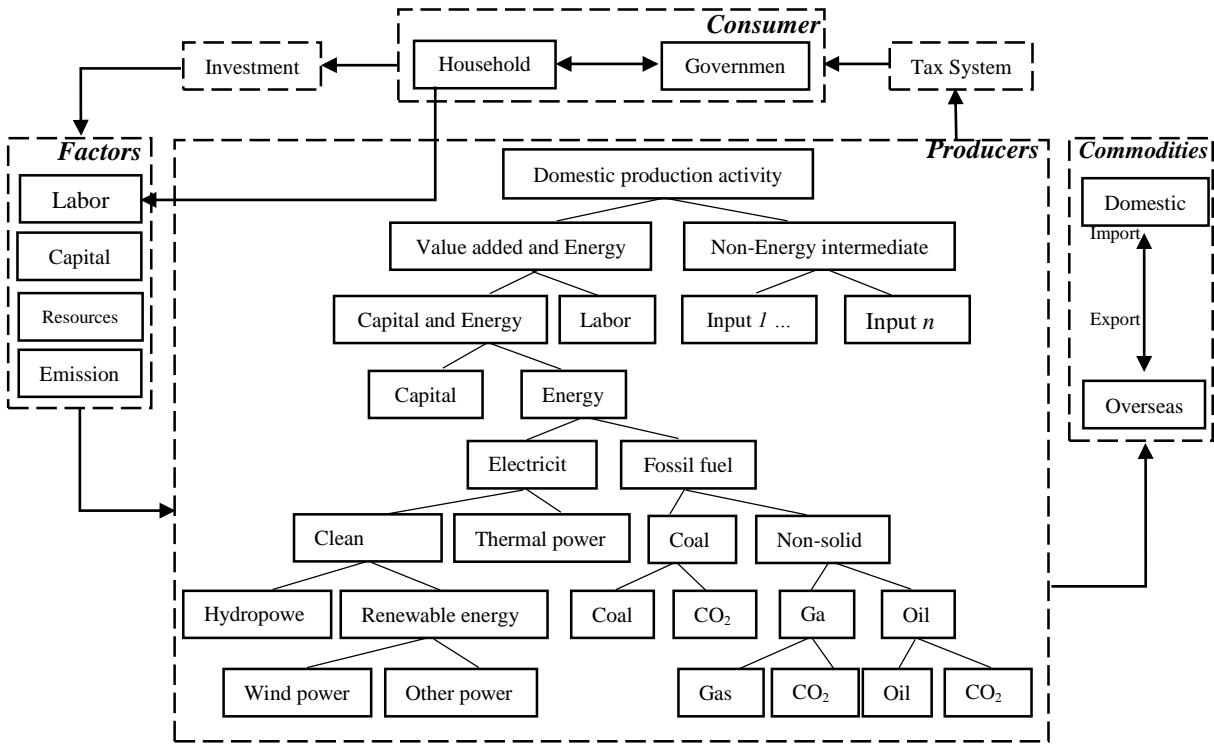

Figure 1: Structure of the Kazakhstan CGE model.

On the Production block of the model, first multi-level nested functions are adopted to describe the inputs and outputs that are generated during production activities. As shown in Figure 1, the technology of production is represented by a nested Leontief production function between the value-added and intermediates. This means that the value-added cannot be substituted by the intermediates and that the substitution between these two inputs is zero. The Leontief production function is expressed as the following equation:

$$Y_i = \left(\frac{INT_{1,i}}{\varphi_{1,i}^{INT}}, \dots, \frac{INT_{j,i}}{\varphi_{j,i}^{INT}} \right) \quad (1)$$

where, Y_i is aggregate marketed quantity of domestic output of sector i ; $INT_{1,i}, \dots, INT_{j,i}$ are quantity of intermediate input from sector j to sector i ; $\varphi_{1,i}^{INT}, \dots, \varphi_{j,i}^{INT}$ are the input requirement coefficients.

The substitution relationship between labor and capital is described by a CES production function. At the next nested level, the capital input is decided by natural capital, which in this study refers to ores of rare earth, and monetary capital with a CES function. The CES function can be expressed as follows:

$$VA_i = A \left(\sum_{i=1}^n \alpha_i F_i^{-p} \right)^{-\frac{1}{p}} \quad (2)$$

where, VA_i is quantity of value added to sector i ; F_i is the i -th input factor; A, α and p are the parameters. The electricity sector is further disaggregated into five different technologies, including coal power, gas electricity, nuclear power, hydroelectricity, and renewable

energies. The CO_2 emission amount is calculated based on the consumption of different fossil fuel goods. The elasticities of substitution used in this paper are adopted from some classic CGE model studies (Wesseh et al., 2016 and He et al., 2015).

On the Consumption block of the model, this paper includes two representative consumers: government and households. For household consumption, the model includes both urban and rural households. Households' income mainly comes from labor wages, returns of capital, and transfers from the government and enterprises. The government's income comes from all kinds of taxes and its expenditures include the purchase of commodities, transfer payments, and savings. Government consumption of commodities and services is also determined by the extended Linear Expenditure System (ELES) function. The ELES function is expressed as follows:

$$C_i = P_i X_i + b_i \left(YR - \sum_{i=1}^n P_i X_i \right) \quad (3)$$

where C_i is the expenditure on the i -th commodity or service; P_i is the price of the i -th commodity or service; X_i is the basic demand for the i -th commodity or service; b_i is the parameter that denotes; YR is disposable revenue. In addition, for investment, the neoclassical closure assumption is adopted. Investment is endogenous and equal to total savings from households, government, enterprises, and foreign agents.

Finally, in the commodity market and the factor market, the equilibrium price makes the optimal supply and demand equation, and the economic system reaches

a stable equilibrium. In the dynamic mechanism, the model considers four driving factors: labor growth, capital accumulation, supply changes of natural resources, and improvement of production technologies. The CGE model solves the general equilibrium where all the factor markets and commodity markets clear and all the account's expenditure equals their income at the same time.

3.2. CO₂ emission scenarios

Three scenarios of GHG emissions were developed to assess the impact of all policies and measures. All scenarios assume annual GDP growth of an average of 3.5% till 2020 and 3% after 2020. There are three scenarios of the development of Kazakhstan's energy system treated in this study, with one BaU scenario. The countermeasure (CM) scenarios are ones where there is an emission reduction target. The difference between those three scenarios is in the treatment of the mitigation actions for GHG emissions. In scenario CM1, a scenario without measures, this scenario reflects a possible change in CO₂ emissions without any measures to reduce them. Further economic growth is enabled by cheap coal as a fuel for energy production. This scenario assumes that GHG emissions depend on the overall rate of GDP and population growth. This scenario is based on the following assumptions all processes leading to improved energy efficiency in the process of optimization based on the achievement of reduced costs are not taken into account. On the other hand, in a scenario CM2, the scenario with current measures, this scenario includes adopted and planned measures and policies aimed directly at reducing CO₂

emissions or have an indirect impact on the reduction of CO₂ emissions. This scenario includes adopted and planned measures and policies aimed directly at reducing greenhouse gas emissions or have an indirect impact on the reduction of GHGs all new existing or planned power plants that lead to a reduction in CO₂ emissions, i.e. gas, renewable, and alternative energy sources are put into operation. Moreover, in scenario CM3, a scenario with current and additional measures, this scenario reflects a possible change in CO₂ emissions without any measures to reduce them. This scenario includes possible measures and policies that are directly aimed at reducing CO₂ emissions capacities to be installed by 2025 according to the renewable energy sector development targets are doubled by 2035 (50% in 2030 and the remaining 50%).

4. DATA OF SOURCES

4.1. Basic data

The data covers all the Kazakhstan's for the years between 2005 and 2019. The datasets used in this study include the Kazakhstan IO table, energy historical data, SAM table, Socioeconomic data, and CO₂ emission data (Table 1). Socioeconomic data, such as population and GDP, were obtained from the shared Socioeconomic database. The data has a cross-section dimension of Kazakhstan and a time series dimension of 15 years. Hence, it is the most up-to-date and comprehensive dataset used in the literature. The IO table presents the sectoral production and consumption structure. Considering the data accessibility and completeness, this paper uses public data sources and chooses the year 2005 as the base year.

Table 1

Data source of this study	
Data	Sources
Macroeconomic SAM data, IO table	Kazakhstan National Statistical Agency, 2007
Socioeconomic data	Kazakhstan statistical yearbook, 2019
Energy historical data	Energy Outlook for Asia and the Pacific, 2013
CO ₂ emission data	World Bank data indicator, 2005-2019

4.2. Input-Output table

The input-output table is the data source for this CGE model. This paper has assessed the data of 18 production sectors and 13 commodities obtained from the

2005 IO table of Kazakhstan released by the Kazakhstan National Statistical Agency. For this study, the input-output relationships among the sectors in 2007 are assumed to be stable. The classifications can be seen in Table 2.

Table 2

Sectors and Commodities in the IO table			
Sector/Commodity	Category	Sector/Commodity	Category
S1 Agriculture	Non-Energy	S10 Other manufacturing	Non-Energy
S2 Forestry	Non-Energy	S11 Electricity, gas and water	Energy
S3 Fishery	Non-Energy	S12 Construction industry	Non-Energy
S4 Coal, Lignite and Peat	Energy	S13 Trade	Non-Energy
S5 Crude oil Extraction	Energy	S14 Hotels and Restaurants	Non-Energy
S6 Other mining	Energy	S15 Transport	Non-Energy
S7 Food, Clothing and Tobacco	Non-Energy	S16 Post and Communications	Non-Energy
S8 Fuels and Chemicals	Energy	S17 Financial services	Non-Energy
S9 Metals and metal products	Non-Energy	S18 Public and other services	Non-Energy

4.3. Social accounting matrix (SAM)

A SAM is an invaluable tool in bringing together whatever data there are and in helping to fashion a quantitative description of the initial position in an economy (Pyatt and Round, 1985). SAM is the most important data source of the CGE model. The SAM of Kazakhstan in the present paper is established using

2005 as the base year. The data obtained from the 2005 IO tables of Kazakhstan and Kazakhstan National Statistical Agency yearbook of 2007. With the additional information of capital flow adopted from Hare and Naumov, (2008), the 2005 SAM is constructed as shown in Table 3.

Table 3

Macro SAM of Kazakhstan in the year 2005 (Unit: in billions of Kazakh Tenge).													
	COM	ACT	CAP	LAB	HHD	GOV	TCON	TEXP	TCAP	TINC	INV	ROW	TOTAL
COM	3925.5	3925.5			2205.9	435.0				1101.6		1781.7	7668.1
ACT	5841.4												7623.1
CAP		1964.8											1964.8
LAB		1429.2											1429.2
HHD			1964.8	1429.2			122.2						3516.2
GOV					276.8		78.7						918.7
TCON						81.0							78.7
TEXP							81.0						81.0
TCAP								110.5					110.5
TINT									112.0				112.0
TINC										259.7			259.7
INV											107.2		1101.6
ROW		1748.0										1888.9	
TOTAL	7668.1	7623.1	1964.8	1429.2	3516.2	918.7	78.7	81.0	110.5	112.0	259.7	1101.6	1888.9

Notes: COM: commodities or products, ACT: activities or industries, CAP: capital, LAB: Kazakhstan labor, HHD: households, GOV: government, TCON: taxes on final consumption, TEXP: taxes on export duties, TCAP: taxes on capital, TINT: taxes on intermediate consumption, TINC: taxes on income, INV: investment, TOTAL: control totals of each account. Source: Kazakhstan National Statistical Agency (2007).

5. RESULT AND DISCUSSION

5.1. Macroeconomic and sectoral impact

The economic growth of Kazakhstan has been booming rapidly with coal, oil, and gas production since 2005. However, the world economy was grown gradually from 2012 to 2013, but the external and economic situation of Kazakhstan had not been very well since 2014, the world economy has been volatile, with China and Russia, the main trading partners, slowing and economic demand declining compared to 2012 and 2013 (Wang et al., 2019). However, the rapid growth of domestic investment, the rapid growth of the service sector, and the relatively high growth of the heavy industry and construction sectors have contributed to the significant development of Kazakhstan's economy.

Table 4 shows the simulation results of Kazakhstan's macroeconomic indicators, household consumption, government consumption, export, import, and sectors using the CGE model. This section of the study uses the SAM table to discuss Kazakhstan's macroeconomic and energy production in Coal, Lignite, and Peat (S4), Crude oil Extraction (S5), Other mining (S6), Fuels and Chemicals (S8) and Electricity, gas, and water (S11) sectors were modeled using the CGE model. Simulation results show that increased demand for the Crude oil Extraction (S5) sector is having a positive impact on Kazakhstan's economy and other sectors. An 18 percent increase in oil exports

boosted domestic production by 12.9 percent. The results show that 40 percent of real GDP growth since 2005 has been in the oil sector. A 1 percent increase in Fuels and Chemicals (S8) exports also saw a 1.7 percent increase in domestic production, with no significant change.

In other sectors, the construction industry (S12), financial services (S17) public, and other services (S18) are expected to expand. At the same time, similar industries, such as other Mining (S6) and competing with intermediate inputs, would grow faster if there was no demand from the oil industry. Some of the appreciation of the exchange rate resulting from increased export earnings has had a positive effect on cheap imports and increased domestic demand for high-consumption producers and end-users. Although some sectors benefited less than others, overall economic activity, measured by total output, grew by 3 percent as the oil sector expanded. Electricity, gas, and water (S11) rose 2.9 percent. There have been several improvements and reductions in this simulation. This progress in the oil sector is primarily stimulating the production and services of sectors that are strongly linked to the oil sector. On the other hand, sectors that are not particularly closely linked to the oil sector but compete with the same intermediate inputs and factors of production may face higher prices if they do not encourage cheaper imports.

Table 4

Simulation results: Impact on macro-variables, by sector

	Final con-sumption	Export	Import	Total demand for commodities	Total domestic production	Domestic production sold on the domestic market
S1	2.4	(0.4)	7.9	1.8	1.0	1.6
S2	3.0	(0.1)	5.8	1.8	1.3	1.4
S3	3.1	0.7	5.3	1.9	1.9	1.9
S4	1.4	(2.7)	9.5	0.4	(0.7)	0.2
S5	0.0	18.0	(3.5)	7.6	12.9	9.6
S6	2.5	(5.4)	1.7	(3.4)	(3.7)	(3.6)
S7	3.5	(0.4)	5.9	3.3	1.1	1.1
S8	4.0	1.0	4.5	3.2	1.7	1.9
S9	1.5	(5.8)	11.9	2.2	(4.1)	(1.7)
S10	4.2	(3.6)	5.2	4.0	(2.0)	(1.4)
S11	2.9	0.5	6.4	2.0	1.9	1.9
S12	3.5	2.8	9.6	5.5	4.4	4.4
S13	2.8	1.1	8.6	2.9	2.4	2.9
S14	3.1	0.0	0.0	3.5	3.5	3.5
S15	3.4	1.0	6.5	2.8	2.4	2.4
S16	3.0	1.1	8.2	3.2	2.7	2.8
S17	3.1	4.3	11.9	7.0	6.1	6.2
S18	2.5	2.6	12.2	5.0	4.8	4.9

Note: () - negative number. CGE model Simulation results for Kazakhstan. Source: Compiled by the author based on Macro SAM data of Kazakhstan in the year 2005.

The sector with the lowest growth in Agriculture (S1). Other mining (S6) and Other manufacturing (S10) are expected to shrink. The rapid growth of Crude Oil Extraction (S5) does not mean that Other Mining (S6) and Other Manufacturing (S10) are shrinking. It could be correctly explained that their output would have increased by the same percentage if Crude Oil Extraction (S5) had not developed rapidly. As shown in

Figure 2, the Coal, Lignite, and Peat (S4) sectors need to be looked at more simply to explain why some industries have shrunk as a result of the Crude Oil Extraction (S5) demand shock. When this model is in equilibrium, the supply of coal is equal to the relative price of the intermediate and the demand for the relative factor. Inward growth in oil exports means an increase in domestic oil output. This suggests that exports to

sectors with the strongest impact of the oil shock, such as the construction industry (S12) and Financial services (S17), may increase slightly. An increase in oil output will require an increase in intermediate inputs, capital, and labor, which will increase the price of these intermediate inputs and factors of production. Coal, Lignite, and Peat (S4) mines use capital products similar to those of oil refineries but provide almost no intermediate input. So it is unlikely that the demand for

their products will change, but will face increasing factors and good intermediate prices, as well as a real appreciation of the exchange rate. Coal output should be reduced to restore the balance between demand and lower prices at relatively new prices. Expanding coal exports is expected to boost output. In particular, it is possible to export gaseous fuels instead of solid fuels for energy production, which is creating added value.

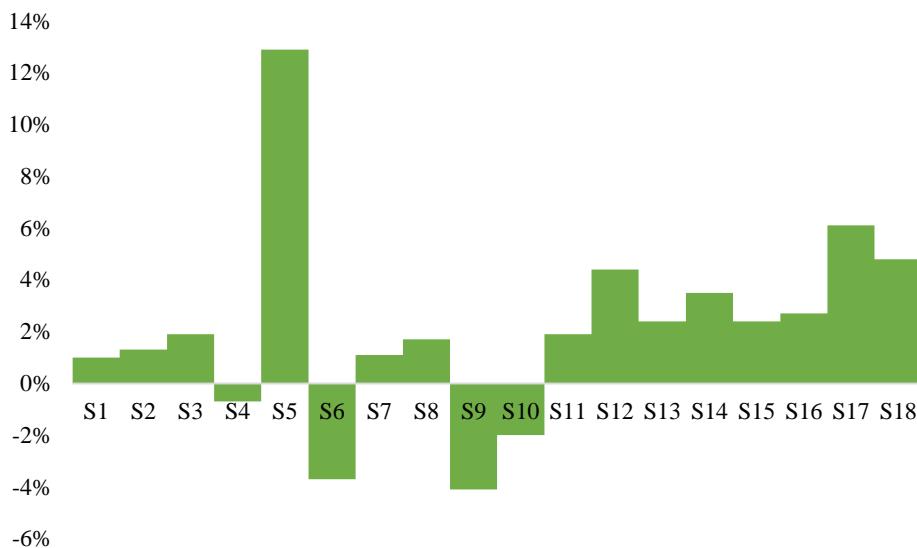

Figure 2: Impact on total domestic production (% change). Source: CGE model for Kazakhstan.

Another essential point of CGE modeling is the macroeconomic assumption used in the model. Table 1 shows the Projection of Population and GDP in this paper. For the population and GDP, we used actual values

from the Kazakhstan statistical yearbook from 2005 to 2019, and the projection from 2020 to 2035 was calculated (Table 5).

Table 5

Projection of Population and GDP, 2005-2035 (million people).			
	Population (million)	Population Growth rate (%)	GDP (Billion US\$)
2005	15.1	0.83%	109.4
2010	16.3	1.31%	148.1
2015	17.5	1.15%	186.3
2020	18.9	0.89%	165.5
2025	19.7	0.65%	202.6
2030	20.6	0.52%	237.9
2035	21.4	0.49%	280.2

Sources: Compiled by the author based on World Bank data (2005-2020).

The GDP projection from 2020 to 2035 was calculated by assuming that the GDP growth during this period was around 5%. This figure reflects GDP growth corrected by the National Bank and Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan to fit the new economic growth assumption, with a range of around 5%. Kazakhstan's government decided to slow economic growth in line with global economic trends. To make sure the model worked consistently, we compared the GDP from the statistics and the GDP expected with the

GDP calculated by the model in the BaU case (Figure 3). Driven mainly by the exports of mineral resources, Kazakhstan's GDP is projected to reach \$280.2 billion (constant 2010 \$) in 2035, increasing from \$109.4 billion in 2010 at an annual rate of 8.6%. The population will increase moderately at 0.8% per year through 2035, reaching 21.4 million in 2035 from 15.1 million in 2005. As a result, Kazakhstan's GDP per capita will reach \$13,093, more than double the 2005 level of \$7,245.

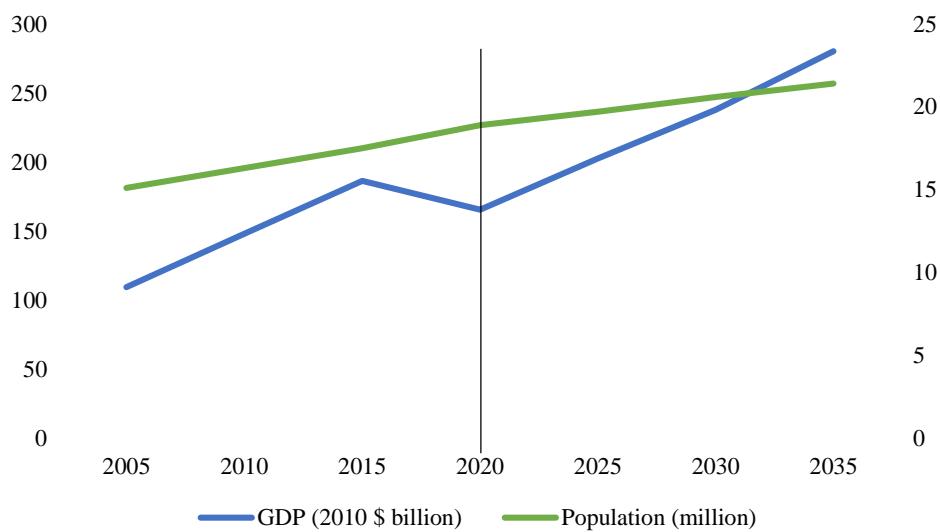

Figure 3: Projection of Population and GDP Source: Author's calculations.

As a result of the deployment of advanced technologies for energy savings, Kazakhstan's primary energy demand in the alternative case will increase moderately at 1.0% through 2035, reaching 95.2 Mtoe in

2035. This means that Kazakhstan has the potential to save about 12.9 Mtoe (or 13%) in 2035 compared with the primary energy demand in the BaU case in 2035 (Figure 4).

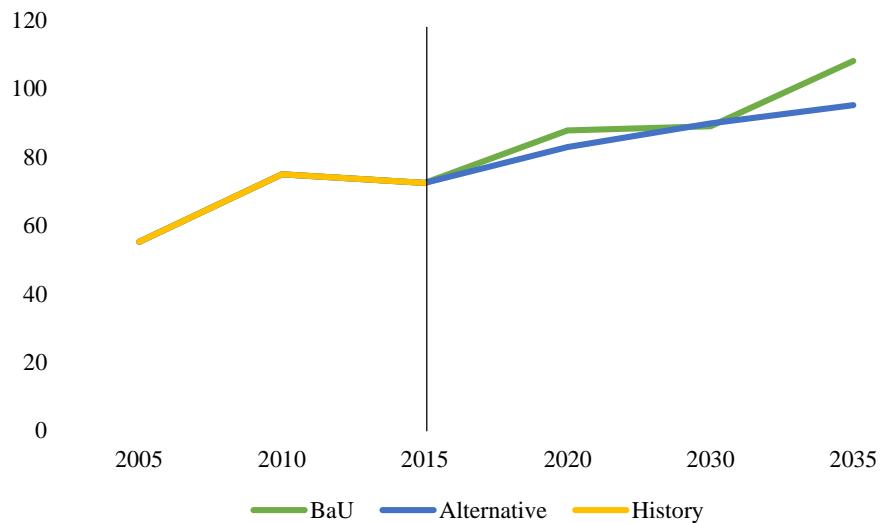

Figure 4:
Comparison of Primary Energy Demand, Mtoe = million tons of oil equivalent. Source: Author's calculations.

In the BaU case, as shown in Table 6. The primary energy demand of Kazakhstan is projected to increase from 55.2 Mtoe in 2005 to 108.1 Mtoe in 2035 at an

annual rate of 1.4%. With such steady growth, Kazakhstan's per capita energy demand will increase from 3.65 Mtoe per person in 2005 to 5.05 Mtoe per person in 2035.

Table 6

Historical data

<i>Historical data</i>							
	Mtoe	Share (%)			AAGR (%)		
		2005	2010	2015	2005	2010	2015
TOTAL	55.2	75.0	72.4	100	100	100	1.4 (0.2)
Coal	27.1	34.5	35.3	49.1	46.0	48.8	1.3 0.1
Oil	12.7	17.1	13.8	23.0	22.8	19.1	0.4 (1.1)
Natural gas	14.6	22.6	22.5	26.4	30.1	31.1	2.2 0.0
Hydro	0.6	0.7	0.7	1.1	0.9	1.0	0.8 0.0
Others	0.2	0.1	0.1	0.4	0.1	0.1	(3.5) 0.0
<i>Business-As-Usual Case</i>							
	Mtoe	Share (%)			AAGR (%)		
	2020	2030	2035	2020	2030	2035	2020-2035 2030-2035
TOTAL	87.8	89.0	108.1	100	100	100	1.0 1.0
Coal	39.1	41.0	51.2	44.5	46.1	47.4	1.3 1.1
Oil	20.5	17.5	23.5	23.3	19.7	21.7	0.7 1.5
Natural gas	27.1	29.7	32.3	30.9	33.4	29.9	0.9 0.4
Hydro	0.9	0.7	0.9	1.0	0.8	0.8	0.0 1.3
Others	0.2	0.1	0.2	0.2	0.1	0.2	0.0 3.5
<i>Alternative Case</i>							
	Mtoe	Share (%)			AAGR (%)		
	2020	2030	2035	2020	2030	2035	2020-2035 2030-2035
TOTAL	82.9	89.8	95.2	100	100	100	0.7 0.3
Coal	35.2	38.4	41.5	42.5	42.8	43.6	0.8 0.4
Oil	20.1	21.2	22.3	24.2	23.6	23.4	0.5 0.3
Natural gas	26.5	28.4	30.3	32	31.6	31.8	0.7 0.3
Hydro	0.9	0.9	0.9	1.1	1.0	0.9	0.0 0.0
Others	0.2	0.9	0.2	0.2	1.0	0.2	0.0 (7.5)

Note: () - negative number, AAGR - average annual growth rate, Mtoe - million tons of oil equivalent, Other - include geothermal, solar, wind, and renewables. Sources: Compiled by the Author based on Asian Development Bank estimates.

Energy resources directly affect the structure of energy supply and supply, which is a major contributor to air and environmental pollution. Fossil fuel combustion is a major source of CO₂ emissions in Kazakhstan, and the structure of fuel production and consumption of solid fuels is intensifying CO₂ emissions. Coal alone accounts for 40 percent of total primary energy consumption, while oil and natural gas account for 30 percent. This shows that coal dominates Kazakhstan's energy consumption, and countries with similar energy consumption often have difficulty reducing air pollution. To change Kazakhstan's energy consumption trends, the country's economic development must also be taken into account.

5.2. Environmental impact

This section examines how fossil fuels are harmful to the environment and CO₂ emissions, and how CO₂ emissions can be reduced through energy. Kazakhstan's current energy structure is not improving significantly, and huge amounts of traditional energy resources, such as coal, are still being used for economic growth. Kazakhstan has many large fossil coal mines, and CO₂ emissions from coal-fired power plants are much higher than in other countries. The most polluting energy product is a fossil fuel. Natural gas and coal are used by all households. The use of raw coal and natural gas as energy is a source of CO₂ emissions.

CM1, CM2, and CM3 scenarios are based on technical and economic modeling of processes related to fuel combustion and CO₂ emissions. Figure 4 shows the three scenarios of CO₂ emissions (2020-2035) with real data on CO₂ emissions in from 2005 to 2020 and other colors in the yellow line. CM1 scenario is not effective enough to reduce CO₂ emissions. Emission levels in BaU and CM1 scenarios did not differ significantly. A similar explanation is given for emissions and activities under CM2 and CM3 scenarios. Although the emission rates of these two scenarios do not differ significantly in numerical values, the CO₂ emissions for the CM3 scenario are relatively low compared to the CM2 scenario.

In other words, the higher the emissions from operations, the more efficient the energy sector must be to achieve its goal of reducing CO₂ emissions. If the CM1 scenario is established, improving energy efficiency and reducing emissions are needed to achieve the goal. Improving energy efficiency means that the economy must produce the same or more products with less or the same energy input. According to this study, if productivity is improved, the reduction in CO₂ emissions in 2035 will be around 359.2 Mtoe CO₂ eq under CM1, compared to only 318.5 Mtoe CO₂ eq (equivalent) and 289.1 Mton CO₂ eq for CM2 and CM3 (Figure 5).

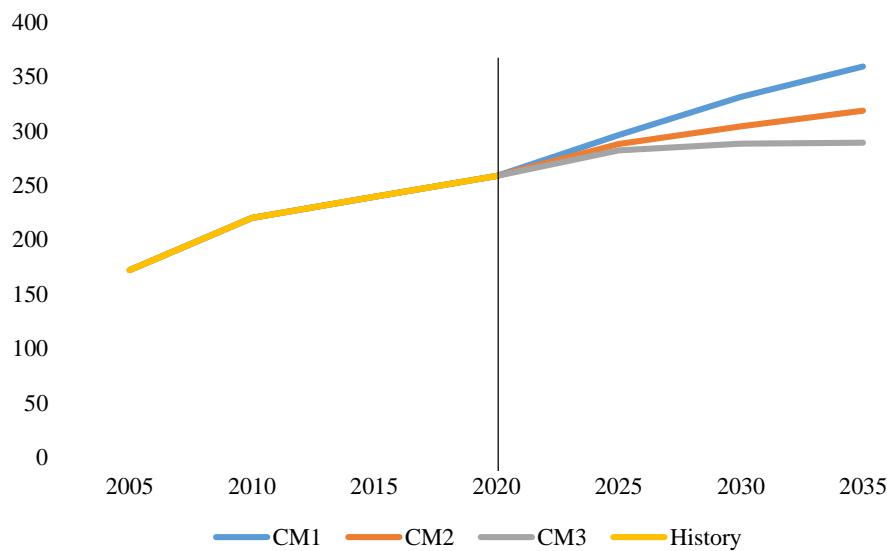

Figure 5:
Historical data and forecast of CO₂ emissions, Mtoe - million tons of equivalent. Source: Author's calculations.

In the future, CO₂ emissions from power plants are expected to decrease the most. It should be noted that the CM2 scenario results in a relative reduction in CO₂ emissions compared to the CM1 scenario concerning the overall economic changes, which are related to GDP growth. This highlights the potential economic and environmental degradation and policy conflicts that may arise from the reform of the electricity tax. The potential emissions of the Kazakh government from the energy sector can be compared with the assumption that the CO₂ emissions will fluctuate around 289.1-359.2

Mtoe CO₂ eq. Based on this hypothesis, CM2 and CM3 scenarios approximate the results.

Therefore, it can be concluded that reforestation and land protection are as important as achieving energy efficiency. As Kazakhstan is a developing country, it is very difficult to achieve high energy efficiency, which is a very long process. These results show that if we focus only on intensification, without taking into account the level of savings and reduction of environmental damage in other sectors of Kazakhstan, it will be a significant burden on the energy sector.

Table 7

History data and Scenario of CO₂ emissions

	2005	2010	2015	2020	2025	2030	2035
CM1	172.4	220.3	239.7	258.7	296.2	331.2	359.2
CM2	172.4	220.3	239.7	258.7	287.9	304.1	318.5
CM3	172.4	220.3	239.7	258.7	282.2	288.4	289.1

Note: Million tons CO₂ – equivalent, Source: Compiled by the author based on World Bank data (2005-2019).

Table 7 presents the results of the scenarios without measures (CM1), with current measures (CM2), and with current and additional measures (CM3) from the processes associated with fuel combustion, as well as inventory results. The impact of current and planned policies on greenhouse gas emissions varies from year to year. For example, the main possibility of a reduction in greenhouse gas emissions by 2020 is due to the conversion of electricity and heat generating companies to gas. The following factors can have the greatest impact on GHG emissions between 2025 and 2030 in a significant order. These include increasing the efficiency of existing energy technologies and introducing new technologies. Use of low-emission natural gas for electricity and heat generation. Targeted renewable energy sectors. These will enable emissions reductions, which could reduce CO₂ emissions per ton in all sectors.

Figure 6 shows Kazakhstan's GDP and CO₂ emissions data for 2005-2020 and the growth forecasts for GDP and CO₂ emissions for 2020-2035, averaging the CM1, CM2, and CM3 scenarios. Kazakhstan's GDP declined in 2015, while CO₂ emissions continued to rise. GDP growth has been shown to have an indirect effect on CO₂ emissions. However, it is unlikely that CO₂ emissions will be reduced before 2030. By 2035, Kazakhstan's carbon emissions are likely to reach a maximum of 359.2 Mtoe, which is 2.08 times higher than in 2005. Kazakhstan's energy sector and some heavy and light industries need to be reformed, and the share of renewable energy will significantly reduce the role of coal in the country's economic development and increase its benefits. With the development of wind and solar energy, CO₂ emissions will continue to decline.

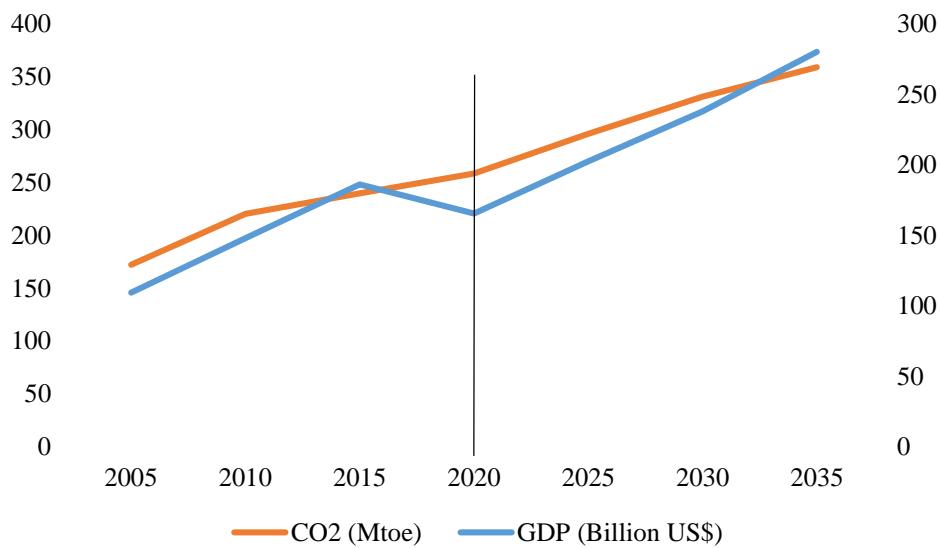

Figure 6: Historical data and forecast of GDP (Billion US\$) and CO₂ emissions, Mtoe - million tons of equivalent. Source: Author's calculations.

The gap between the economic and environmental effects of electricity tax reform is determined by the mix of energy available in Kazakhstan's economy. Kazakhstan's economy as a whole is heavily dependent on fossil fuels, and power plants are largely dependent on coal, oil, and gas to generate electricity (Figure 7). Kazakhstan is developing renewable energy sources such as wind and solar energy but has not yet reached all consumers. Improving fuel efficiency is effective in reducing CO₂ emissions, especially in energy-intensive industries, by promoting more efficient energy use. This approach is particularly effective in supporting oil

refining and land transportation to reduce energy consumption in the short term.

Research and development investments in biofuels and the redistribution of fuel taxes are leading the refinery to reduce energy consumption. The land transport sector reduces energy consumption by about 4 percent over time (Pui and Othman, 2017). Such investments will lead to a significant increase in energy consumption in other energy-intensive sectors. Controlling CO₂ emissions in energy-intensive industries could help Kazakhstan save energy and reduce emissions.

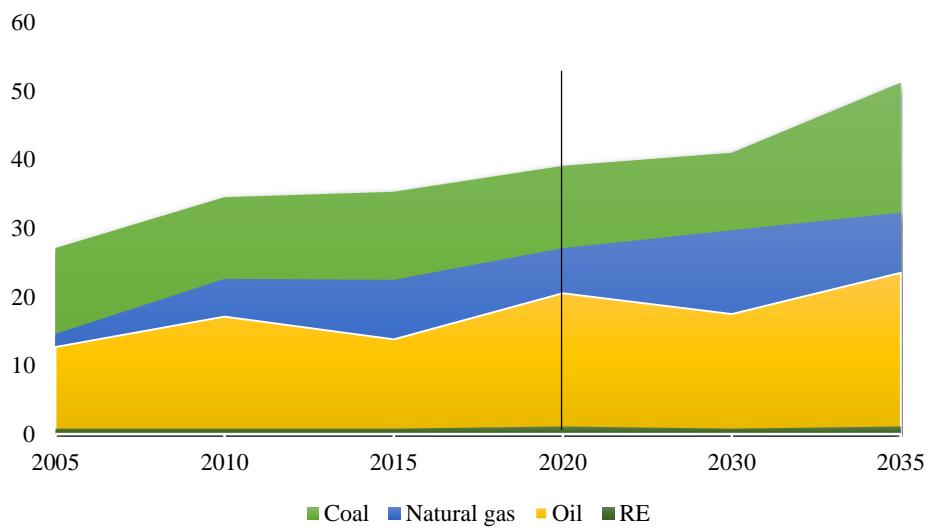

Figure 7: Kazakhstan's Primary Energy Demand. Source: Author's calculations.

The industrial sector is divided into energy production, heavy industry, light industry, and other sectors. Energy production emits 70 percent of the total CO₂ emissions from coal combustion, while other industries emit 30 percent (Wang et al., 2019). Except for 2015, a year of economic flexibility in Kazakhstan, the industrial sector has always played an important role in CO₂ emissions. For a developing economy with energy production, energy consumption will be the

main driver of the country's economic development. On the one hand, the reform of the coal resource tax will significantly reduce all the pollutants considered, which will help Kazakhstan to improve the environment. Kazakhstan is similar to other Central Asian countries, such as Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan in terms of economic structure and CO₂ emissions, but is quite rich economically.

Kazakhstan is facing serious environmental problems. It is estimated that the removal of all fossil fuel subsidies worldwide could reduce CO₂ emissions by 6.9 percent by 2020 through energy production and use (Wesseh et al., 2016). The coal resource tax continues to be effective in reducing CO₂ emissions over time by directing energy-intensive industries to use fewer energy raw materials. Conversely, lower energy taxes increase most CO₂ emissions from production processes. More than 85 percent of industrial CO₂ emissions are due to lower energy taxes. More than 44 percent of CO₂ emissions come from industrial-based products and the rest from agriculture (Farajzadeh and Bakhshoodeh, 2015). In terms of emissions reductions, energy tax reductions are limited to reducing emissions from energy consumption, while some pollutants tend to increase emissions from production processes and final consumption.

6. CONCLUSION AND RECOMMENDATIONS

According to the 2005 Input-Output table in Kazakhstan, the study developed a Computable general equilibrium (CGE) model using the Business as Usual (BaU) scenario and three carbon dioxide (CO₂) emission scenarios to make a forecast for 2035. Improving the efficiency of Kazakhstan's main energy products, such as coal, natural gas, and petroleum products, has been studied to determine energy efficiency, CO₂ emission control, and further emissions in a growing economic environment. The study developed a CGE model that provides detailed information on Kazakhstan's economy and CO₂ emissions, as well as the electricity and energy sectors. This simulation can be used in economic activities as a result of the implementation of environmental protection policies, which may reduce the estimates due to good environmental policies. A regional energy excise tax scheme has been proposed to control the total amount of energy by reducing the use of energy resources. These results suggest that from a production perspective, even the supply of coal is more dependent on imports, indicating that coal-related fuels are a major contributor to CO₂ emissions. Accordingly, energy production and heavy industry are the main CO₂ emitters. As Kazakhstan remains a growing economy, cleaners are more expensive, and the public tends to choose cheaper energy, but carbon emissions are expected to increase by 2030.

Based on the above analysis, this study recommends the following recommendations. Kazakhstan needs to focus on reducing CO₂ emissions in each sector and implement the latest advanced technologies to reduce CO₂ emissions as much as possible, taking into account the country's economic potential. To develop a low-carbon dioxide economy, the government of Kazakhstan needs to implement a coal resource tax reform based on statistics. A coal resource tax is useful for saving energy at the expense of having a small negative impact on the economy. This will accelerate the green transition of the energy sector by gradually shifting environmental taxes, carbon taxes, coal, and natural gas taxes to environmentally-friendly electricity generation technologies. This tax policy was able to limit the recovery of energy resources to some extent. This study

suggests that improving the interaction between economic growth, energy consumption, and CO₂ emissions will require policies that are beneficial to both the environment and the economy. It is expected that shortly, at least until the coal and oil sectors are disconnected from energy sources and technological innovations are made, economic growth will lead to an increase in the consumption of petroleum products. Therefore, the most important policy is to develop a renewable energy system that will gradually replace coal. Kazakhstan has been developing renewable energy since the beginning of this century, but the production of renewable energy, such as coal, is still not well developed. To achieve low CO₂ emissions, Kazakhstan needs a comprehensive strategy to support the development of renewable energy. First of all, the government needs to increase financial support for renewable energy. There is also a need for low-carbon, renewable energy economic growth. It would be more effective if Kazakhstan could explore new opportunities for economic growth, such as new jobs in renewable energy, new industries, and supply chains. Finally, there is a need for international cooperation in the field of green economy and renewable energy.

References

1. Amirov A., Kozhukhova, M., Koshebaeva, G., Biryukov, V. and Zhiyenbayev M., 2018. Economic and energy security of the Republic of Kazakhstan. International Journal of Energy Economics and Policy, 8(6), 16-21. <https://doi.org/10.32479/ijEEP.6935>
2. Bolor-Erdene Turmunkh. 2020. Renewable and Non-Renewable Energy Consumption, CO₂ Emissions and Economic Growth in a Developing Country: Empirical Evidence from Kazakhstan. Asian Development Perspectives, 11(2), 1-16. DOI: <https://doi.org/10.22681/ADP.2020.11.2.106>
3. Diyar, S., Akparova, A., Toktabayev, A. and Tyutunnikova, M., 2014. Green Economy–Innovation-based Development of Kazakhstan. Procedia-Social and Behavioral Sciences, 140, 695-699. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.04.497>
4. Farajzadeh, Z. and Bakhshoodeh, M., 2015. Economic and environmental analyses of Iranian energy subsidy reform using Computable General Equilibrium (CGE) model. Energy for Sustainable Development, 27, 147-154. <https://doi.org/10.1016/j.esd.2015.06.002>
5. Feng, S. and Zhang, K., 2018. Fuel-factor nesting structures in CGE models of China. Energy Economics, 75, 274-284. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2018.08.030>
6. Fujimori, S., Masui, T. and Matsuoka, Y., 2014. Development of a global computable general equilibrium model coupled with detailed energy end-use technology. Applied Energy, 128, 296-306. <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2014.04.074>
7. Gelan, A., 2018. Economic and environmental impacts of electricity subsidy reform in Kuwait: A general equilibrium analysis. Energy Policy, 112, 381-398. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2017.10.032>
8. He, Y.X., Liu, Y.Y., Du, M., Zhang, J.X. and Pang, Y.X., 2015. Comprehensive optimization of

- China's energy prices, taxes and subsidy policies based on the dynamic computable general equilibrium model. *Energy Conversion and Management*, 98, 518-532. <https://doi.org/10.1016/j.enconman.2015.03.010>
9. Huang, H., Roland-Holst, D., Wang, C. and Cai, W., 2020. China's income gap and inequality under clean energy transformation: A CGE model assessment. *Journal of Cleaner Production*, 251, 119626. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.119626>
10. Jendrzejewski, B., 2020. Bioeconomic modelling—An application of environmentally adjusted economic accounts and the computable general equilibrium model. *Land Use Policy*, 92, 104431. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2019.104431>
11. Karatair, E., Rojas-Solórzano, L.R. and Kerimray, A., 2018. Renewable energy in Kazakhstan rises in the shadow of fossil fuels. *MRS Bulletin*, 43(9), 656-658. <https://doi.org/10.1557/mrs.2018.215>
12. Kazakhstan, 2015. In: Intended Nationally Determined Contribution - Submission of the Republic of Kazakhstan. UNFCCC. <http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/kaz190349.pdf>
13. Kyoto Protocol, 1997. In United Nations framework convention on climate change. Kyoto Protocol, Kyoto, 19, 497. <https://unfccc.int/resource/docs/convkp/kpeng.pdf>
14. Latorre, M.C., Yonezawa, H. and Zhou, J., 2018. A general equilibrium analysis of FDI growth in Chinese services sectors. *China Economic Review*, 47, 172-188. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2017.09.002>
15. Lee, D.H., 2020. Efficiency and economic benefit of dark-fermentative biohydrogen production in Asian circular economies: Evaluation using soft-link methodology with data envelopment analysis (DEA) and computable general equilibrium model (CGE). *International Journal of Hydrogen Energy*, 45(6), 3688-3698. <https://doi.org/10.1016/j.ijhydene.2019.08.250>
16. Li, G. and Masui, T., 2019. Assessing the impacts of China's environmental tax using a dynamic computable general equilibrium model. *Journal of cleaner production*, 208, 316-324. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2018.10.016>
17. Li, H., Semeyutin, A., Lau, C.K.M. and Gozgor, G., 2019. The relationship between oil and financial markets in emerging economies: The significant role of Kazakhstan as the oil exporting country. *Finance Research Letters*. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2019.04.028>
18. Li, X., Yao, X., Guo, Z. and Li, J., 2020. Employing the CGE model to analyze the impact of carbon tax revenue recycling schemes on employment in coal resource-based areas: Evidence from Shanxi. *Science of The Total Environment*, 720, 137192. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.137192>
19. Liu, J.Y., Lin, S.M., Xia, Y., Fan, Y. and Wu, J., 2015. A financial CGE model analysis: Oil price shocks and monetary policy responses in China. *Economic Modelling*, 51, 534-543. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2015.08.025>
20. Liu, J.Y., Xia, Y., Fan, Y., Lin, S.M. and Wu, J., 2017. Assessment of a green credit policy aimed at energy-intensive industries in China based on a financial CGE model. *Journal of Cleaner Production*, 163, 293-302. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2015.10.111>
21. Nong, D., 2019. A general equilibrium impact study of the Emissions Reduction Fund in Australia by using a national environmental and economic model. *Journal of cleaner production*, 216, 422-434. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.01.193>
22. Nong, D., 2020. Development of the electricity-environmental policy CGE model (GTAP-E-PowerS): A case of the carbon tax in South Africa. *Energy Policy*, 140, 111375. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111375>
23. Nugumanova, L., Frey, M., Yemelina, N. and Yugay, S., 2017. Environmental problems and policies in Kazakhstan: Air pollution, waste and water (No. 366). IOS Working Papers. <http://hdl.handle.net/10419/162149>
24. Nurgaliyeva, L., 2016. Kazakhstan's economic soft balancing policy vis-à-vis Russia: From the Eurasian Union to the economic cooperation with Turkey. *Journal of Eurasian Studies*, 7(1), 92-105. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.10.008>
25. Hare, P. and Naumov, A., 2008. August. A study of changing income distribution in Kazakhstan using a new social accounting matrix and household survey data. In 30th General Conference of The International Association for Research in Income and Wealth, Portoroz, Slovenia, August, 24-30. <https://ideas.repec.org/e/pha140.html>
26. Peng, J.T., Wang, Y., Zhang, X., He, Y., Taki, M., Shi, R. and Zhu, X.D., 2019. Economic and welfare influences of an energy excise tax in Jiangsu province of China: A computable general equilibrium approach. *Journal of cleaner production*, 211, 403-411. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2018.11.267>
27. Pui, K.L. and Othman, J., 2017. Economics and environmental implications of fuel efficiency improvement in Malaysia: A computable general equilibrium approach. *Journal of cleaner production*, 156, 459-469. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2017.04.067>
28. Pyatt G., and Round, J. I., (eds), 1985. Social Accounting Matrices: A Basis for Planning, The World Bank, Washington D C. https://www.un.org/en/development/desa/policy/mdg_workshops/eclac_training_mdgs/round_2003_sams_chapter14.pdf
29. Russell, A., Ghalaenay, M., Gazdiyeva, B., Zhumabayeva, S., Kurmanbayeva, A., Akhmetov, K.K., Mukanov, Y., McCann, M., Ali, M., Tucker, A. and Vitolo, C., 2018. A spatial survey of environmental indicators for Kazakhstan: an examination of current conditions and future needs. *International Journal of Environmental Research*, 12(5), 735-748. <https://doi.org/10.1007/s41742-018-0134-7>
30. Silviu, D.A., 2015. Simulating the economic impact of resources depletion using a computable general equilibrium model for Romania. *Procedia Economics and Finance*, 22, 618-626. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00272-5](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00272-5)
31. Tan, L., Wu, X., Xu, Z. and Li, L., 2019. Comprehensive economic loss assessment of disaster based on CGE model and IO model—A case study on Beijing

- “7.21 Rainstorm”. International Journal of Disaster Risk Reduction, 39, 101246. <https://doi.org/10.1016/j.ijdrr.2019.101246>
32. Tang, L., Shi, J., Yu, L. and Bao, Q., 2017. Economic and environmental influences of coal resource tax in China: A dynamic computable general equilibrium approach. Resources, Conservation and Recycling, 117, 34-44. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2015.08.016>
33. UNFCCC, 2019. Report on the Individual Review of the Annual Submission of Kazakhstan. https://unfccc.int/sites/default/files/resource/arr2019_KAZ.pdf
34. Wang, X., Ge, J., Li, J. and Han, A., 2017. Market impacts of environmental regulations on the production of rare earths: A computable general equilibrium analysis for China. Journal of Cleaner Production, 154, 614-620. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2017.03.200>
35. Wang, X., Zheng, H., Wang, Z., Shan, Y., Meng, J., Liang, X., Feng, K. and Guan, D., 2019. Kazakhstan's CO₂ emissions in the post-Kyoto Protocol era: Production-and consumption-based analysis. Journal of environmental management, 249, 109393. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2019.109393>
36. Wang, Y., Hu, J., Pan, H. and Failler, P., 2020. Ecosystem-based fisheries management in the Pearl River Delta: Applying a computable general equilibrium model. Marine Policy, 112, 103784. <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2019.103784>
37. Wesseh Jr, P.K., Lin, B. and Atsagli, P., 2016. Environmental and welfare assessment of fossil-fuels subsidies removal: A computable general equilibrium analysis for Ghana. Energy, 116, 1172-1179. <https://doi.org/10.1016/j.energy.2016.10.053>
38. Woldie, G.A. and Siddig, K., 2019. Macroeconomic and distributional impacts of exchange rate devaluation in Ethiopia: A computable general equilibrium approach. Heliyon, 5(12), e02984. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2019.e02984>
39. Zhang, L., Li, Y. and Jia, Z., 2018. Impact of carbon allowance allocation on power industry in China's carbon trading market: Computable general equilibrium-based analysis. Applied energy, 229, 814-827. <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2018.08.055>
40. Zhang, R., Fujimori, S., Dai, H. and Hanaoka, T., 2018. Contribution of the transport sector to climate change mitigation: insights from a global passenger transport model coupled with a computable general equilibrium model. Applied energy, 211, 76-88. <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2017.10.103>

BASIC ASPECTS OF THE USE OF INTELLECTUAL SYSTEMS IN THE ACTIVITIES OF A HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

Pilipenko E.F.

Senior Lecturer

Tashkent State University of Economics

Uzbekistan, Tashkent,

Islam Karimov Avenue 49

DOI: [10.24412/2701-8369-2021-7-2-25-27](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-7-2-25-27)

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СИСТЕМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

Пилипенко Е.Ф.

Старший преподаватель

Ташкентский государственный

Экономический университет

Узбекистан, Ташкент

Проспект Ислама Каримова, 49

Abstract

This article shows that in the modern period digital technologies, including artificial intelligence, have an impact on the functioning of economic objects. Digital technologies have gained a great influence in the organization of the educational process and the management of a higher educational institution. The author presents the main aspects of the influence of intelligent systems on the educational and management activities of a higher educational institution, which contributes to the training of highly qualified specialists for the national economy.

Аннотация

В настоящей статье показано, что в современный период цифровые технологии, в том числе и искусственный интеллект оказывают воздействие на функционирование объектов экономики. Большое влияние цифровые технологии получили в организации учебного процесса и управлении высшим учебным заведением. Автором представлены основные аспекты влияния интеллектуальных систем на образовательную и управленческую деятельность высшего учебного заведения, что способствует подготовке высококвалифицированных специалистов для национальной экономики.

Keywords: intelligent system, efficiency of decision-making, quality, information reliability, efficiency, optimization, transparency, accounting, control.

Ключевые слова: интеллектуальная система, оперативность принятия решений, качество, достоверность информации, эффективность, оптимизация, прозрачность, учет, контроль.

В условиях формирования цифровой экономики управление немыслимо без применения цифровых технологических решений. Государственное управление в свою очередь базируется на подготовке высококвалифицированных кадров в области управленических процессов. В этой связи актуальным направлением является применение интеллектуальных систем в деятельности высшего учебного заведения.

Термин «искусственный интеллект» (artificial intelligence) был предложен в 1956 году. Слово intelligence означает «умение рассуждать разумно», а вовсе не «интеллект», для которого есть термин intellect.

Искусственный интеллект (ИИ) – это одно из направлений информатики, целью которого является разработка аппаратно-программных средств, позволяющих пользователю-непрограммисту ставить и решать свои, традиционно считающиеся интеллектуальными, задачи, общаясь с компьютером на ограниченном подмножестве естественного языка.

ИИ занимается изучением разумного поведения (у людей, животных и машин) и пытается найти способы моделирования подобного поведения в любом типе искусственно созданного механизма. Несмотря на то что термину больше полувека, единого определения его не существует.

Основной целью развития цифровой экономики и в частности сектора ИКТ является формирование в стране единого информационного пространства, как одного из этапов перехода к цифровой экономике, обеспечивающей создание условий для повышения эффективности функционирования экономики, государственного и местного управления, обеспечения прав на свободный поиск, передачу, распространение информации о состоянии экономического и социального развития общества.

Для достижения этой цели необходимо решение определённых задач, таких как дальнейшее совершенствование системы «Электронное правительство», постоянное развитие телекоммуникационной инфраструктуры, совершенствование законодательной базы и системы государственного регулирования в сфере информатизации, а также ряда других.

Данные вопросы рассматриваются в трудах таких ученых, как Андрюшкевич О.А., Денисова И.М. [1], Балацкий Е.В., Екимова Н.А.[2], Бегалов Б.А., Бекмуратов Т.Ф., Васильева Э.К., Гулямов С.С., Дадабаева Р.А., Грей К.Ф., Ларсон Э.У. [3], Жуковская И.Е. [4], Долженко А.И., Шполянская И.Ю., Глущенко С.А. [5], Лапидус Л.В. [6] и т.д.

В последние годы в системе образования Республики Узбекистан проводятся работы по интеграции цифровых технологий, научно-методического обеспечения учебного процесса и научных

исследований в целях объединения наработок системы образования с интеллектуальными системами, что вызвано желанием сформировать в Узбекистане открытое образовательное пространство, доступное для широких слоев населения.

Интеллектуальная система (ИС) – автоматизированная информационная система, основанная на знаниях, или комплекс программных, лингвистических и логико-математических средств для реализации основной задачи – осуществления поддержки деятельности человека и поиска информации в режиме продвинутого диалога на естественном языке [2].

Основной упор делается на создание технически оснащенной, единой информационной образовательной среды, которая должна обладать гибкой и легко адаптируемой организационной структурой, оптимальной для использования в учебном процессе.

С развитием процессов цифровизации и интернационализации экономики перед высшим образованием встали новые цели - подготовка профессиональных кадров, способных эффективно работать в изменившихся условиях глобального рынка.

В условиях формирования цифровой экономики образование должно соответствовать следующим критериям: качество; расширение учебных планов и обучение своих студентов в условиях более полного применения информационно-коммуникационных технологий; расширение региональной сети вуза для эффективного использования своих ресурсов и исследований за счет участия студентов и преподавателей в международном процессе обмена знаниями, диверсификация и рост финансовых поступлений через привлечение инвесторов, заинтересованных в профессиональных кадрах вуза[3].

Внедрение интеллектуальной системы в вузе постепенно приведет к формированию таких организационных и управляющих структур и способов взаимодействия между ними, функционирование которых позволит избежать дублирования процессов, документов и существенно ускорит принятие оперативных и адекватных решений. В конечном итоге это позволяет реализовать цели, способствующие повышению качества обучения, демократизации управления вузом, снижению затрат на организацию и управление учебным процессом, созданию региональных и межвузовских информационных систем, обеспечивающих более интенсивный обмен информационными ресурсами в регионе и отрасли [4].

Поэтому для высшего учебного заведения на первый план выходят задачи создания на базе обобщений и развития достигнутых результатов использования научно-исследовательских разработок в образовательном процессе единой концепции построения информационно-образовательной среды,

а также разработки методов проектирования и внедрения информационной образовательной среды в учебный процесс с целью дальнейшего повышения эффективности обучения, расширения сферы экспорта образовательных услуг и адекватной реакции на возрастающую динамику изменения знаний.

References

1. Andryushkevich O.A., Denisova I.M. Features of the formation of national innovation systems // Analysis and modeling of economic processes / ed. V.Z. Belenky, N.A. Trofimova. Moscow: TsEMI RAN. 2013. S. 24–48.
2. Balatsky E.V., Ekimova N.A. Innovative and technological matrices and national strategies for economic development // Manager. 2019, T. 10. No. 5.P. 9–19. DOI: 10.29141 / 2218-5003-2019-10-52.
3. Gray C.F., Larson E.W. Project management. A practical guide. - M.: Business and service, 2003. - 528p.
4. Zhukovskaya I.E. The main directions of improving the methodology for the application of advanced information and communication technologies in the statistical activities of the Republic of Uzbekistan in the context of the formation of the digital economy. Statistics and Economics. 2020; 17 (5): 68-80. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2020-5-68-80>.
5. Dolzhenko A.I., Shpolyanskaya I.YU., Glushenko S.A Analiz kachestva mikro-servisov informatsionnoy sistemy na baze nechetkoy modeli // Prikladnaya informatika. 2019. №5 (83).
6. Lapidus L.V. Tsifrovaya ekonomika: upravleniye elektronnym biznesom i elektronnoy kommersiyey. Monografiya. – M.: INFRA-M, 2018. - 381 s.

THE DEVELOPMENT OF THE DOMESTIC ORGANIC MARKET IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Tsebro T.V.,

Graduate student

Grodno State Agrarian University

Tereshkova St., 28

Darashkevich I.N.

Candidate of Economic Sciences

Grodno State Agrarian University

Tereshkova St., 28

DOI: [10.24412/2701-8369-2021-7-2-27-31](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-7-2-27-31)

Abstract

Modern conditions for the development of the agricultural economy of the Republic of Belarus make it possible to ensure expanded production of goods and raw materials not only to ensure basic food security, but also form an urgent agenda for improving the quality and safety of such products for citizens.

In recent years, the production of environmentally friendly or organic food products has become a particularly relevant area. Such production is aimed both at achieving a certain specified quality and at harmonious development of agricultural production in conditions of formation of a safe environment.

Keywords: Organic agriculture, market, agricultural economy, production, certificate.

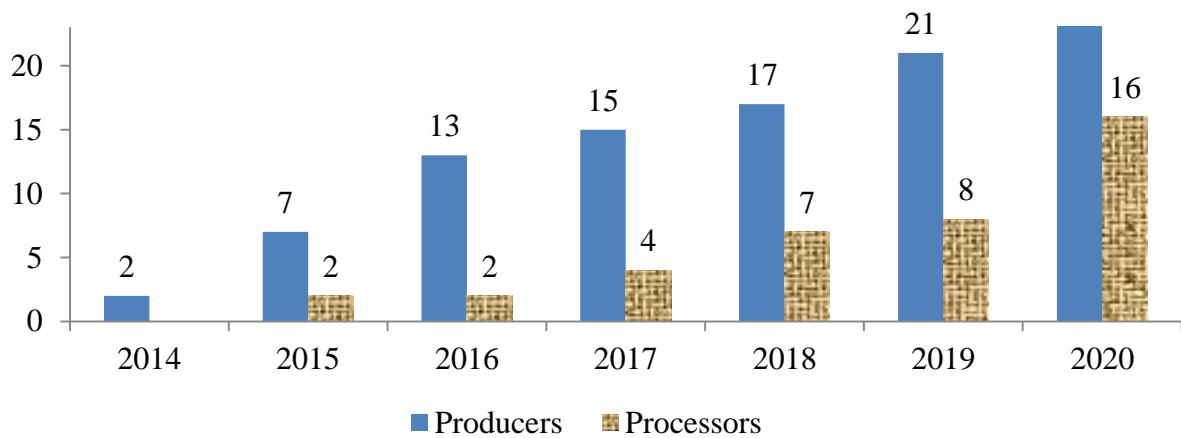
Organic agricultural products in Belarus are grown on agricultural lands, and wild on the lands of the forest fund. The lack of a developed national organic land certification system makes it difficult to obtain reliable information.

As of November 20, 2020, in Belarus according to the national system, only 1 enterprise was certified – Zdorovaya Strana LLC (LLC «Zdorovaya Strana») (Grodno region) for one type of organic products (rye food) [4].

In the conditions of lack of official statistical information for our research, we analyzed national farm-

ers and agricultural organizations with an organic certificate according to EU requirements, as well as farms in the process of certificate renewal or transition period [4].

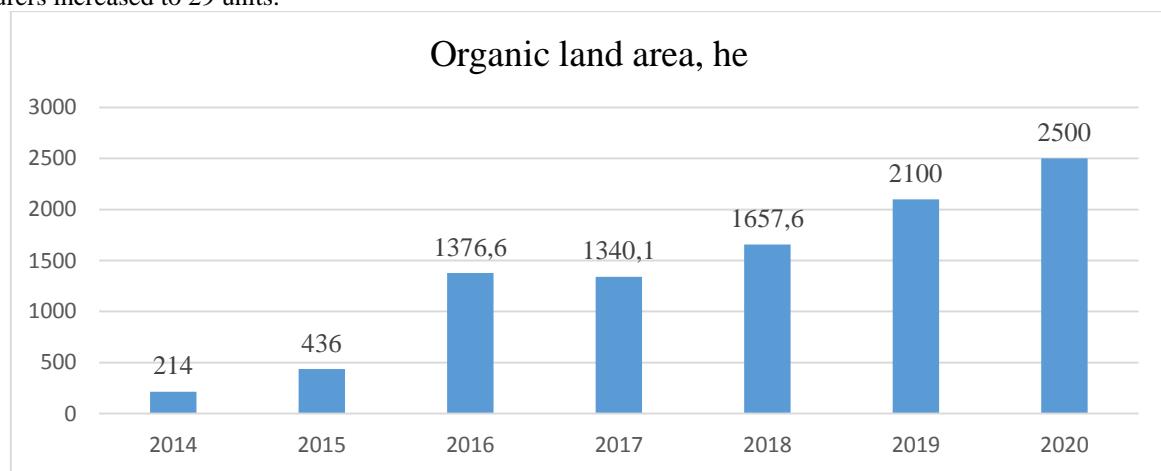
In Belarus, there is a positive trend in the number of organic farms engaged in the production of agricultural products: in 2014 there were 2 units, in 2017 - 15, in 2020 - 29 units [2]. Thus, every year 5-7 new organic farms of various profiles appear in the country. The number of organizations engaged in the procurement and processing of organic products is also increasing (Pic.1).

Pic.1. - Dynamics of organic producers and processors in the Republic of Belarus

As of 01.08.2019, there were 21 certified producers in Belarus, including 13 farm and 3 personal subsidiary farms of the population. However, according to the Center for Environmental Solutions in 2020 in the Republic of Belarus, the number of certified manufacturers increased to 29 units.

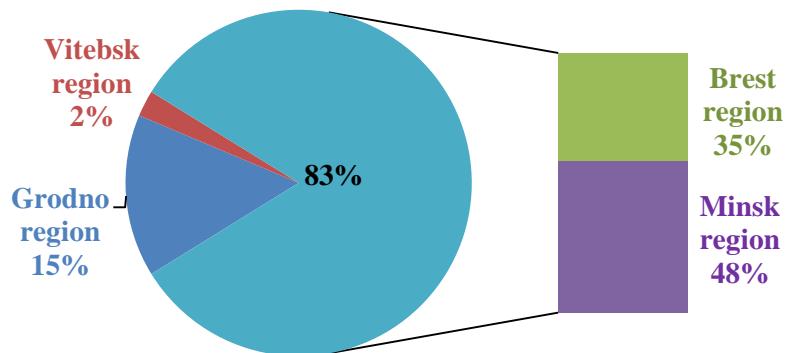
The area of organic land is also increasing; in 2014 it amounted to 213 he, in 2016-2017 - about 1400 he and in 2020 (according to preliminary estimates) - 2,500 he (Pic. 2).

Pic.2. - Dynamics of organic land area, he

Organic production is developing in 4 of the 6 regions of the country. Minsk (1007 he) and Brest (723.8

he) regions are leading, which account for 83% of all organic lands of the republic (Pic.3).

Pic.3. - Structure of organic lands of the Republic of Belarus by regions, %

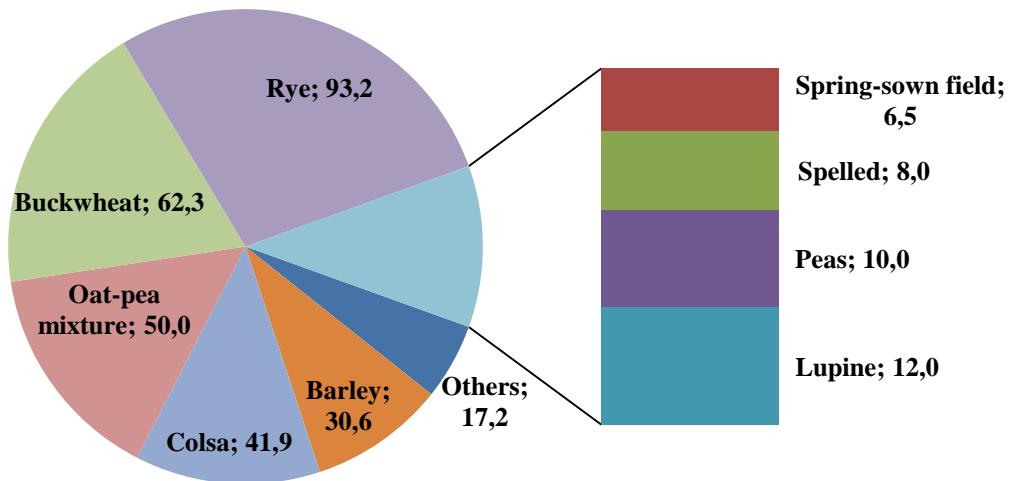
The largest number of manufacturers with a certificate is registered in the Minsk region - 11 units, which is more than twice the same indicator in the Brest region.

Significant differences are observed in farm sizes. In Brest region, the average size of organic farm is almost 1.5 times higher than the average republican level (100.1 hectares) and is located at 144.8 he. Vitebsk region has the smaller average organic farm size – about 51 he.

Farms engaged in organic production specialize mainly in crop production. The list of crops cultivated in the republic contains over 55 items.

The biggest territories belong to grain and leguminous crops, under which 349 hectares of organic land

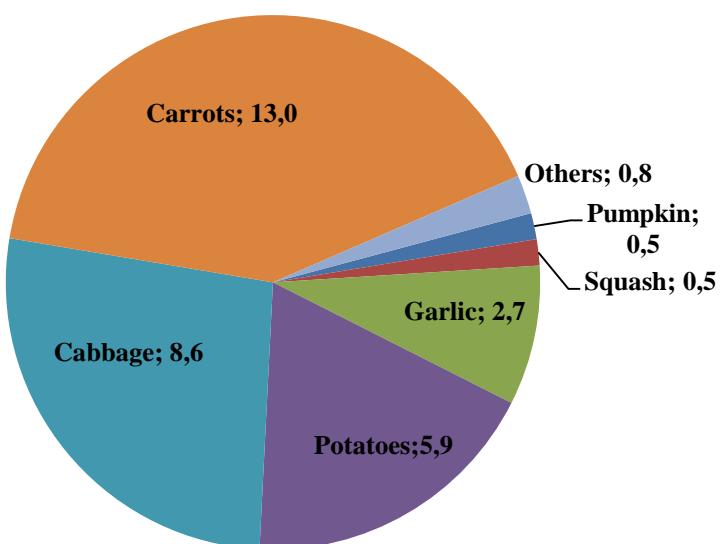
were occupied. The largest share in the structure is rye - 93.2 ha and buckwheat - 62.3 ha, the gross collection of which in 2020 was 176 tons and 78 tons, respectively (Pic.5).

Pic.5. - Structure of organic areas under grain and leguminous crops in the Republic of Belarus, 2020, ha

About 25 types of certified organic vegetable crops are produced in the republic, but the total land area occupied by them does not exceed 32 hectares. The largest areas are occupied by carrots (13.0 ha), cabbage (8.6 ha) and potatoes (5.9 ha) (Pic.6). The volume of production of these crops in 2018 was 280 tons, 236 tons and 90 tons, respectively.

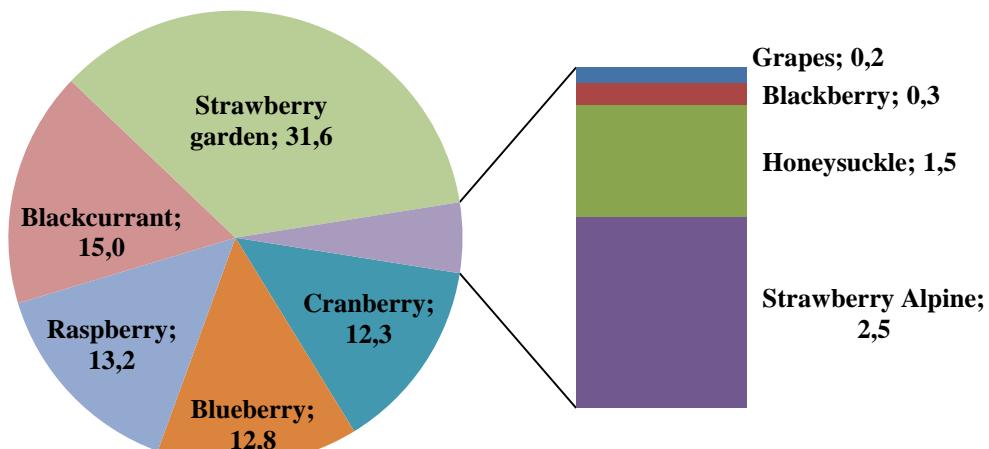
The country is actively developing an organic fruit and berry direction. The area of perennial fruit plantations is 0.4 hectares, including 0.1 ha - apple trees, 0.3 ha - cherries, in addition, 0.5 ha is planted with hazelnuts.

Pic.6. - Structure of organic areas under vegetable crops in the Republic of Belarus, 2018, ha

The total area under berry crops is about 90 hectares, in the structure of which 35% is garden strawberries (31.6 ha), 17% black currants (15 ha), (Pic.7). In terms of production volumes, garden strawberries are

the leader - over 55 tons, and blueberries - over 16 tons, the volumes of raspberries and black currants are at the level of 4 tons [3].

Pic.7. - Structure of organic areas under berry crops in the Republic of Belarus, 2020, he

A promising segment of organic products is flax, for the cultivation of which the republic has favorable soil and climatic conditions, long traditions and a scientific base.

Recently, Belarusian farmers have begun to offer organic livestock products: eggs, poultry. In 2018, 3,000 pieces of certified eggs, 3,000 liters of goat's milk, 1600 kg of beef, 150 kg of honey, 15 kg of wax and 6 kg of pollen were received. Animal husbandry is well developed in the country and subject to the introduction of the principles of organic production as a new vector of development.

Considering the resource base for the production of organic berry products, it should be noted that it includes both organic berries grown in farms and wild berries, the reception system of which is established in the population throughout the country.

According to the World of Organic Agriculture-2018 handbook, 2742 hectares of Belarusian land are organic, on which wild berries and mushrooms are harvested [1].

According to the Ministry of Agriculture and Food of the Republic of Belarus, 27.8 thousand hectares have been certified for the production of organic products in Belarus, of which 21.2 thousand hectares are areas under wild plants in forests, 1.6 thousand hectares under agricultural plants.

However, these data, according to domestic experts, are far from complete. The total area of the forest for harvesting wild plants and birch juice is 576 thousand hectares or about 8% of the total area of forests in Belarus free from radioactive pollution. The lands of the Belarusian forest have significant potential, for example, up to 50 thousand tons of berries and fruits, about 60 thousand tons of edible mushrooms and about 90 thousand tons of medicinal raw materials grow on them annually; biological resources of birch juice amount to 480 thousand tons [5].

The maximum resources of fruit and berry plants are located in the Minsk (28%) and Gomel (26%) regions. In the whole republic, the largest reserves are estimated for blueberries - 33 thousand tons (66.0%), and cranberries - 11.2 thousand tons (22.5% of the biological reserve of all main species).

The volume of birch juice harvests does not exceed 3-4% of its total biological resources. The main producers of this type of products are organizations that are part of the system of the Ministry of Forestry, which do not position their products as organic due to the lack of certificates. These enterprises procured in 2016 - 15.4 thousand tons, in 2017 - 18.9 thousand tons; in 2018 - 13.0 thousand tons of birch juice. The decrease in procurement volumes in 2018 to 70% of the 2017 level occurred due to the short-term movement period due to specific natural conditions. Certified harvester, according to expert estimates, harvested only 852.2 tons of birch juice in 2018.

In terms of annual harvests of wild berries, blueberries (up to 5 thousand tons) and cranberries (1 thousand tons) occupy a leading position. At the same time, in 2018, organizations reporting to the Ministry of Forestry harvested 155.8 tons of wild fruits and berries, and certified traders - about 1056 tons of only one blueberry [5].

Thus, the production and circulation of environmentally friendly (organic) products in the Republic of Belarus is in the initial stage of formation. The main certification burden is borne by farms that produce a variety of products over a total area of about 2500 hectares. Organic production is developing in 4 of the 6 regions of the country. The leaders are Minsk (1007 he) and Brest (723.8 he) regions [5].

Despite the availability of production capacities for processing wild plants, it should be noted that the existing potential is not used to enter the market for organic products, since processing enterprises do not separate ordinary berries grown by the traditional method and organic ones, including wild ones, when harvesting raw materials.

Currently, regional authorities, represented by regional executive committees, are developing measures to organize and develop the production of organic products, taking into account the peculiarities of each region.

References

1. FiBL & IFOAM – Organics International, 2018: The World of Organic Agriculture. Frick and Bonn. [Electronic resource]. – Publ. date 10.03.2020.

https://shop.fibl.org/CHde/mwdownloads/download/link/id/1202/?ref=1_1202 – Date of access: 29.01.2020.

2. Batova N.N. Development of the concept of "green" economy// "Green" economy: problems and ways of development: materials of the international scientific and practical conference (Minsk, April 5, 2017). - Minsk: AZHUR Group LLC, 2017. – Page. 11-17.

3. Batova, N.N. Organization of sales of organic products in Belarus: actual channels and promising forms of promotion/Technology and technology of food production: materials XIII International. scien. - tech. conf., April 23-24, 2020, in 2 vols., Mogilev/Educational Institution "Mogilev State Food University"; redcol.: A.V. Akulich (ed. ed.) [et al.]. - Mogilev:

MGUP, 2020. – T.2 – Page. 314-315.

4. Doroshkevich I.N., Tsebro T.V. Specifics of the development of the organic production market in the Republic of Belarus/I.N. Doroshkevich, T.V. Tsebro//Modern scientific research: topical issues, achievements and innovations. Collection of articles of the XV International Scientific and Practical Conference. Penza, 2020. Page. 117-120.

5. Portal of the Ministry of Forestry of the Republic of Belarus, 2019. Use of secondary forest resources. [Electronic resource] Access mode: <https://mlh.by/our-main-activites/forest/ispolzovanie-vtorostepennykh-resources-leza/> Access date: 18.02.2021.

FEATURES OF DIGITAL DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Xashimxodjayev S.I.,
PhD in Economics,

*Tashkent State University of Economics
Uzbekistan, Tashkent,
Islam Karimov Avenue 49*

Belalova G.A.
Senior Lecturer

*Tashkent State the University of Economics
Islam Karimov Avenue 49*
DOI: [10.24412/2701-8369-2021-7-2-31-34](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-7-2-31-34)

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Хашимходжаев Ш.И.,
*Кандидат экономических наук,
Ташкентский государственный
экономический университет
проспект Ислама Каримова 49*

Белалова Г.А.
*Старший преподаватель
Ташкентский государственный
экономический университет
проспект Ислама Каримова 49*

Abstract

This article examines the features of the formation of the digital economy in the Republic of Uzbekistan. The author shows that today it is information and communication technologies that are the main factor in economic growth, a lever for the development of strategically important industries, a means of improving management efficiency, and an important condition for increasing the competitiveness of the economy. The article formulates tasks, the solution of which will ensure the formation of a single information space in the country, as one of the stages of the transition to the digital economy.

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности формирования цифровой экономики в Республике Узбекистан. Автором показано, что на сегодняшний день именно информационно – коммуникационные технологии являются основным фактором роста экономики, рычагом развития стратегически важных отраслей, средством повышения эффективности управления, важным условием повышения конкурентоспособности экономики. В статье сформулированы задачи, решение которых обеспечит формирование в стране единого информационного пространства, как одного из этапов перехода к цифровой экономике.

Keywords: digital economy, information and communication technologies, blockchain technology, e-government, efficiency, quality, openness, optimality, workflow, databases.

Ключевые слова: цифровая экономика, информационно-коммуникационные технологии, технология «блокчейн», электронное правительство, эффективность, качество, открытость, оптимальность, документооборот, базы данных.

В условиях развития цифровой экономики важное значение приобретает совершенствование применения в отраслях и сферах национальной экономии информационно-коммуникационных технологий, являющихся базовым компонентом современных информационных систем. Об актуальности данного положения свидетельствует принятие целого ряда Указов и Постановлений Президента Республики Узбекистан.

Технологии «блокчейн» (технологии распределенного реестра данных), «искусственный интеллект», использование возможностей суперкомпьютеров, а также деятельность по криpto-активам являются одним из направлений развития цифровой экономики во многих странах мира. Технологии «блокчейн» постепенно внедряются не только во многие сектора экономики, но и в систему государственного управления и другие общественные отношения».

Практика показывает, что на сегодняшний день именно информационно – коммуникационные технологии (ИКТ) являются основной базовой составляющей роста экономики, рычагом развития стратегически важных отраслей, средством повышения эффективности управления, фактором повышения конкурентоспособности экономики. При помощи целевых программ и других мер государство поддерживает и способствует развитию отрасли. В свою очередь, развитие отрасли ИКТ, как в нашей стране, так и за рубежом, способствует развитию новой экономической среды, цифровой экономики.

Как свидетельствует опыт, для развития человеческого общества необходимы материальные, инструментальные, энергетические и другие ресурсы, в том числе и информационные. Настоящее

время характеризуется небывалым ростом объема информационных потоков. Это относится практически к любой сфере деятельности человека. Наибольший рост объема информации наблюдается в промышленности, торговле, банковско-финансовой и образовательной сферах. Например, в промышленности рост объема информации обусловлен увеличением объема производства, усложнением выпускаемой продукции, используемых материалов, технологического оборудования, расширением внешних и внутренних связей экономических объектов в результате концентрации и специализации производства.

ИКТ - система методов и способов сбора, накопления, хранения, поиска, обработки, анализа, выдачи данных, информации и знаний на основе применения современных программных и технических средств в соответствии с требованиями, предъявляемыми развивающимися объектами экономики.

Отрасль ИКТ, как и любая, динамично растущая, многокомпонентная, разнородная система - довольно сложный объект для структуризации. Учёными многих стран уже были сделаны многочисленные попытки построить модель отрасли ИКТ. Однако до сих пор еще единый подход к структуре отрасли ИКТ отсутствует. Так, еще несколько лет назад не акцентировалось внимание на сегменте системной интеграции, а сегодня это одна из наиболее перспективных и быстро развивающихся областей.

На рис. 1 представлены основные данные по развитию услуг связи и информатизации в Республике Узбекистан за период с января по ноябрь 2020 года.

Рис. 1. Основные показатели развития услуг связи и информатизации в Узбекистане за период январь – ноябрь 2020 года

Источник: www.stat.uz – официальный сайт Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике.

На данный момент участники рынка ИКТ применяют два основных критерия для сегментации отрасли. Первый - по товарам и услугам, второй - по видам деятельности. С точки зрения процесса оборота информации (создания, обработки, приема-передачи, потребления), рынок ИКТ можно сегментировать на следующие укрупненные части (сегменты): технические средства; средства связи и сетевое оборудование; программные средства; услуги в сфере ИКТ; сопровождающие товары и услуги в сфере ИКТ. При рассмотрении отрасли ИКТ, как совокупности материальных (оборудование) и нематериальных товаров (интеллектуальный продукт, программное обеспечение). Такая структура наиболее полно отражает классификацию отрасли с точки зрения оборота товаров и услуг: здесь учтены процессы конвергенции и новые тенденции в интернет-бизнесе.

Кроме того, следует отметить, что сегменты «Интернет» и «Телекоммуникации» входят по частям в другие подотрасли: «Оборудование», «Программное обеспечение», «ИТ-услуги» и т.д.

В этой связи необходимо дальнейшее совершенствование мер по взаимодействию хозяйствующих субъектов, с учетом возможностей мирового рынка ИКТ, на базе комплексного исследования особенностей их функционирования в условиях развития цифровой экономики, основными характеристиками которой являются:

- формирование инновационной, основанной на знаниях и применении современных ИКТ, экономики;
- информатизация органов государственного и местного управления с целью повышения качества принимаемых управленческих решений и эффективности оказания услуг населению и бизнесу;
- развитие человеческого капитала, повышение образовательного уровня населения;
- информатизация социально-культурной сферы с целью обеспечения возможностей дистанционного медицинского обслуживания и образования, работы на дому, удовлетворения потребностей населения в общении, культурной, развлекательной и справочной информации.

Как показывает практика, переход к устойчивому развитию экономики во многом зависит от расширяющейся интеграции ИКТ в общество и широкомасштабного использования информационных ресурсов.

Основной целью развития цифровой экономики и в частности, сектора ИКТ является формирование в стране единого информационного пространства, как одного из этапов перехода к цифровой экономике, обеспечивающей создание условий для повышения эффективности функционирования экономики, государственного и местного управления, обеспечения прав на свободный поиск, передачу, распространение информации о состоянии экономического и социального развития общества.

Для достижения этой цели желательно решение следующих задач:

- дальнейшее совершенствование системы «Электронное правительство», обеспечивающей

информационное взаимодействие систем разных уровней с выходом в глобальные международные информационные сети, а также реализацию прав граждан и юридических лиц на свободное получение открытой информации из этой системы;

- постоянное развитие телекоммуникационной инфраструктуры;

- развитие ИКТ и формирование экспортно-ориентированной отрасли информационных технологий (ИТ-индустрии). Разработка передовых информационных технологий в рамках соответствующих государственных научно-технических программ, создание по единым принципам автоматизированных информационных систем в различных секторах экономики и государственном управлении, а также разработка механизмов по стимулированию выхода этих разработок на мировые рынки;

- совершенствование законодательной базы и системы государственного регулирования в сфере информатизации, создание правовых основ для широкого использования информационно-коммуникационных технологий во всех сферах общественной жизни страны;

- создание условий для совершенствования деятельности государственных органов и органов местного управления и повышения эффективности их работы по управлению социально-экономическими процессами за счет создания автоматизированных информационно-аналитических систем, обеспечивающих формирование информационных ресурсов, в первую очередь информационных ресурсов, имеющих государственное значение, необходимых для оперативного принятия решений на соответствующих уровнях;

- активизация внедрения и распространения информационно-телекоммуникационных технологий для обеспечения ускоренного развития конкурентоспособного производства товаров и услуг, оптимизации товаротранспортных потоков, ориентированных на внутренние и внешние рынки. Информационная поддержка технического перевооружения объектов промышленного производства, создания высокотехнологичного конкурентоспособного оборудования;

- постоянное развитие системы подготовки и переподготовки специалистов по информационно-телекоммуникационным технологиям и квалифицированных пользователей;

- содействие развитию культуры и средств массовой информации посредством внедрения информационно-телекоммуникационных технологий. Создание условий для пропаганды достижений культуры, как в стране, так и за рубежом путем формирования информационных ресурсов Национальной библиотеки, других ведущих библиотек, ресурсов культурологического профиля и представления их в национальном секторе Интернет, создание электронной энциклопедии культуры Узбекистана.

- совершенствование системы информационной безопасности страны. Создание новых средств

защиты информации, а также разработка нормативно-методических материалов и типовых комплексных решений, направленных на обеспечение информационной безопасности.

Таким образом, следует отметить, что дальнейшее развитие ИКТ позволит добиться большей цифровизации отраслей и сфер национальной экономики, обеспечит цифровую грамотность населения, рост доли интернет-пользователей, совершенствование подготовки кадров в сфере ИКТ, более полный охват бизнес-структур ИКТ, улучшение электронной коммерции, совершенствование системы «Электронное правительство», что в конечном итоге приведет к росту общественного производства и более эффективному функционированию национальной экономики в целом.

References

1. Balatsky E.V., Ekimova N.A. Innovative and technological matrices and national strategies for economic development // Manager. 2019, T. 10.No. 5.P. 9–19. DOI: 10.29141 / 2218-5003-2019-10-52.
2. Vasilyeva E.K., Lyalin V.S. Statistics. Textbook. M.: Unity, 2015 .-- 399 p. (Electronic resource

<https://institutiones.com/download/books/2280-statistica-vasileva.html>.

3. Gorbashko E.A. Impact of digitalization on the quality of life from the standpoint of sustainable economic development. // Collection of articles on the results of the XIV international scientific-practical conference "Modern management: problems and prospects". SPb : Publishing house of SPbGEU, 2019, pp. 29-35.

4. Gray C.F., Larson E.W. Project management. A practical guide. - M.: Business and service, 2003. - 528 p.

5. Zhukovskaya I.E. The main directions of improving the methodology for the application of advanced information and communication technologies in the statistical activities of the Republic of Uzbekistan in the context of the formation of the digital economy. Statistics and Economics. 2020; 17 (5): 68-80. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2020-5-68-80>.

6. Khashimhodzhaev Sh.I. The impact of digital transformation on economic processes in the Republic of Uzbekistan. Collection of articles on the results of the XIV International Scientific and Practical Conference "Modern Management: Problems and Prospects". - SPb : Publishing house of SPbGEU, 2019 - 801 p.

POULTRY INDUSTRY DEVELOPMENT IN KAZAKHSTAN

Abdikerimova G.I.,

*Candidate of economic sciences, Associate Professor
M.Auezov South Kazakhstan University*

Kulanova D.A.,

*Candidate of economic sciences, Associate Professor
M.Auezov South Kazakhstan University*

Yesbolova A.

*PhD in Economics
M.Auezov South Kazakhstan University*

DOI: [10.24412/2701-8369-2021-7-2-34-38](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-7-2-34-38)

Abstract

The paper aims to contextualize the current state poultry industry in Kazakhstan. There were analyzed statistical data as well as policy documents and reports. The special attention was paid for examination of strengths and weaknesses of this industry. It has been stated that one of the most effective branches of agro-industrial complex in Kazakhstan is a poultry industry, which provides the greatest return of production per unit of the spent material resources. The branch of poultry industry is characterized by lack of seasonality of production that provides uniform flow of the income and use of manpower, and also uninterrupted supply of the population with production outputs. From the economic point of view, a major factor of development of poultry industry is existence of the balanced market.

Keywords: poultry industry, animal breeding, feed, economy, development, competitiveness, strategy, Kazakhstan

Introduction

In agriculture, poultry farming plays an important role and as an industry meets the needs of the population for the necessary food products. At the same time, the effective functioning of the poultry industry in Kazakhstan requires the development of a business mechanism, effective distribution and the most efficient combination of used resources, the introduction of progressive technologies that provide competitive advantages in the industry [1].

Methods. The analyses presented in this paper are based on the Program for the Development of Agriculture in the Republic of Kazakhstan for the years 2013-2020. Additionally, information from scientific and statistical journals, laws and regulations of the regional and municipal authorities are used. The statistical data were collected from reports of the Ministry of Agriculture and Committee on Statistics of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan.

The research was conducted on the basis of different scientific methods: sampling, grouping, and comparative systems analysis as well as abstract-logical method.

Results. The poultry industry in Kazakhstan over the years of independence has gone a difficult way of reform. Therefore, since 1990 there was a sharp decline in the number of birds: in 1995 - by 65.3% compared to 1990, 1998 – more 20% compared to 1995. The situation began to straighten out only in 1999, when the number of birds increased compared to 1998 - 6.3% and amounted to 18.1 million heads, 2018 - 44.3 million heads. At the same time, it should be noted that in 1991 there were 59.9 million heads in the country, which is 1.4 times more or 15.6 million birds higher than in 2018.

According to the Committee on the Ministry of National Economy of Kazakhstan statistics of 2018, 73.1% of the total number of birds is in agricultural enterprises, the remaining 25.8% is in households and 1.1% is concentrated in peasant (farm) farms of the country.

In the country, poultry meat production in all categories of farms increased 2.2 times in the period 2007-2018 or increased - 77.5 thousand tons, egg production also increased by 75.4%. The main producers of poultry meat in the republic are specialized poultry enterprises and poultry farms, according to the results of 2018, the share in production amounted to 94.3% or 192.2 (in slaughter weight) thousand tons. In households 25% of poultry meat produced for the period 1990-2000. The highest proportion of the population's personal subsidiary to the total poultry meat in the country was in 1997, when the share of specialized poultry enterprises reached a minimum level. The production of eggs in Kazakhstan in farms of all categories in 2018 amounted to 5591.4 million units, or 1.3 times more than in 2014. The volume of eggs production in 2015 was 2.7 times higher than the value of 2000 (1692.0 million units) [2].

The main reasons for the decrease in production in poultry farms and enterprises, in particular in the production of poultry meat and eggs, were the policy of disbanding poultry production during the reform years, the shortage of feed and the increase in imports of poultry products at dumping prices. The increase in revenues in Kazakhstan market of cheap imported poultry meat at dumping prices causes damage, and as a result, has a number of negative consequences: a decrease in its production; reduced marketing of poultry raw materials and food; the dependence of the food supply of the population on imports; rising unemployment in the countryside.

The volume of imports of meat products in 2018 amounted to 132.2 thousand tons, which in value terms is \$ 88.3 million US dollars [3]. Thus, the poultry industry remains insufficiently protected by the state from the expansion of imports. Therefore, in 2019, poultry meat in Kazakhstan rose by 11.6% (December 2019 by December 2018). Currently, broiler chicken meat ranges from 1100-1200 тенге/kg, house chicken meat - from 1500 to 2000 тенге/kg, ham from 800 to 1100 тенге/kg, and imported 550-680 тенге/kg. It follows that meat market traders are interested in the supply of imported poultry meat, as they have a much greater profit than from domestic [4].

The problem of feed shortages concerns the entire poultry industry. Kazakhstan has huge areas of agricultural land necessary for the feed production. The pastures area is 182 million hectares, natural and seeded hayfields - 4.8 million hectares. At the same time, there is a weak trend in the growth of sown areas for fodder crops, although the level of 1990 it seems not to achieve, which was 11 065.5 thousand hectares. So, in the cost of poultry production, fodder still occupy more than 70%, which is mainly due to an increase in selling prices for feed, the cost of which in 2000 - 16 тенге/kg, 2015 year -40 тенге/kg, 2018- 60 тенге/kg [5].

Table 1

Total poultry numbers by types of farms, in million birds

Title/Year	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Rate of increase/decrease 2018 to 2011, %
Agricultural enterprises	14,5	15,1	15,5	17,9	19,1	20,4	21,4	22,8	157,2
Peasant (private) farms	0,3	0,3	0,2	0,3	0,3	0,3	0,4	0,4	133,3
Household's plots	13,3	14,1	14,3	14,4	13,4	12,8	12,4	11,8	88,7
All types of farms	28,3	29,5	30,1	32,8	32,9	33,5	34,2	35,0	124

Source: Committee on statistics of MNE RK

It should be noted, that large poultry farms are one of the main consumers of feed, including feedstuffs. At the current stage of development of the industry, an optimal, balanced diet of poultry will provide a yield of 290-310 eggs per year. Moreover, the live mass of young animals is more than 2 kg at a feed consumption of respectively 140 g per one egg and 2 kg per 1 kg of lead can be obtained in 7 weeks. Feed plants in many regions have ceased to function [6].

At the same time, a feature of poultry farming is the speed of growing poultry. Studies show that, taking into account the biological cycle of cattle reproduction in the country, it takes about 15-20 years, to increase pork production to 20 years. Meanwhile, with appropriate feeding of the bird, it takes 50-60 days to obtain a broiler weighing 1.3-1.4 kg [7].

According to the data presented in the table 1, in 2018 most of the birds are in agricultural enterprises (65%), other 34% in household's plots (in comparison

with 2011 the number of bird in farms of the household's plots reduced 11,2%) and 1,2% in peasant (private) farms. In general the poultry numbers increased during 2011-2018 in all categories of farms by 24%. Following the results of 2018 the share of agricultural

enterprises in production of meat poultry are 94,3% or 126,6 thousand tons of poultry meat and eggs – 70,5% or 3 026,1 million eggs. The main indicators of development of poultry industry in Kazakhstan are presented in the Table 2.

Table 2

The main indicators of development of poultry industry in Kazakhstan

Title/ Year	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Rate of in- crease/ decrease 2018 to 2011, %
Poultry meat production, thousand ton									
Agricultural enterprises	55,7	55,7	70,3	94,4	94,4	115,7	128,3	126,6	227,3
Peasant (pri- vate) farms	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	100
Household's plots	8,4	9,4	8,9	8,8	7,5	7,2	7,4	7,4	88
Farms of all types	64,3	65,3	79,4	103,0	102,0	123,1	135,8	134,2	208,7
Egg production, million									
Agricultural enterprises	1341,8	1626,7	1935,7	2358,7	2371,8	2356,0	2576,3	3026,1	225,5
Peasant (pri- vate) farms	16,6	14,7	14,6	13,6	11,7	15,0	17,0	18,9	113,8
Household's plots	1305,8	1347,7	1356,1	1348,0	1335,0	1302,4	1302,6	1246,2	95,4
Farms of all types	2664,2	2989,1	3306,4	3720,3	3718,5	3673,4	3896,0	4291,2	161

Source: Committee on statistics of MNE RK

Table 2 shows that production of poultry meat in all categories of farms during the period 2011 - 2018 increased by 2 times or 70,9 thousand tons and production of eggs - 61% for the similar period.

At the same time, the indicator for 2018 on production of poultry meat decreased to 2017 by 1,6 thousand tons. The main reason for decrease in production of poultry meat is increasing in a livestock of laying hens, which as a result led to increase in production of eggs by 570,8 million for this period.

In our opinion, poultry farming is able to satisfy the capacity of the meat market with its own products to the greatest extent compared to other animal husbandry industries. In recent years, only in poultry farming has there been a consistent increase in its own meat production. From 2010 to 2018 the share of own production in the total volume of eggs consumed increased and amounted to 93.5%, which allows poultry farming to move its own production to the level of food security [8].

This allows us to conclude: in order to meet the needs of the population for poultry meat products, it is necessary to increase the number of poultry and increase the production of feed. But there is also an innovative approach to the development of the industry - to create large high-tech processing industries based on the latest organizational and economic, financial levers of management. In economically developed countries, contracting is the most universal and flexible form of integration of agriculture and industry. In the United States, production contracting is the most developed,

i.e. larger poultry enterprises conclude contract agreements with farmers for the opening of batches of poultry. The company provides the farmer with everything necessary for successful work - chickens, feed, bedding, fuel and lubricants and veterinary services.

The participation of farmers consists in the provision of premises and poultry maintenance. Most contract farmers receive a bonus (incentive fee) that compensates them for the costs of caring for the poultry they grow; in the countries of the European Union - contracting for the sale of products. The basis of the agro-industrial association (AIA), created based on contracting, are the so-called family farms with an average number of chickens - carriers of 25-30 thousand heads in the USA and from 10 to 20 - 25 thousand heads in the most EU countries. In the USA, 55% of chicken eggs are produced under the contract system, and in some states - up to 80% [9]. However, the production of eggs under contractual arrangements from EU countries has been developed in the Netherlands (50%) and France (55%). The provision of services to family egg farms, the logistics of AIA is part of the integration ties of the Netherlands. At the same time, the functions of the integrator firms include material and technical support for all links of the AIA; financing, monitoring and providing various services to contracted farmers [10]. In the EU countries, cooperative agro-industrial associations have been greatly developed as a link between fragmented agriculture and monopolized industry and trade [11]. In modern conditions, the most appropriate, in our opinion, may be the formation of cross-industry

corporations. The creation of such corporations will improve the management of industrial and poultry enterprises in order to attract investment, use innovation, increase profitability, improve information support and develop marketing activities. In a competitive market, an enterprise that increases the production of its own poultry meat, reduces the cost of production, introduces modern resource-saving and innovative technologies and chooses the right development strategy [12].

Strategies for the development of integration processes in the poultry production complex should be developed in two directions: a) the development of integration between interconnected, separate organizations and enterprises with the creation of a poultry production complex; b) development of domestic integration of production with deep integration of all interconnected production processes within the poultry enterprise (corporations, holdings, etc.), centrally oriented to the final result of obtaining the finished poultry product and its implementation [13].

The conducted researches show that in general poultry industry in Kazakhstan is one of the most perspective branches of agri-food system, having the growth potential and abilities for ensuring the stable competitiveness. It is argued however that although the governmental policy focus on technical and market factors, which are crucial to facilitate the development; the center of gravity should be replaced into the supply chain orientation. The integrated and holistic approach to the sector development would in better way create the conditions for development of individual chain elements and a supply chain, a whole. It was identified that the institutional factors related especially to creation of the system focused on the network relations, which is able to catcher the information and distribute the knowledge about the market as well as be agile and thus resistant to fluctuations of the markets, both domestic and international.

Meat poultry industry is one of the most perspective directions of agribusiness. The existence of considerable volume of import, the predicted growth of internal consumption "opening" an additional niche almost for 100 thousand tons by 2020, open opportunities for occurrence of new participants of the market.

For increase in production and providing the local markets for poultry enterprises of the meat direction it is required to carry out modernization of lethal shops with application of the lines conforming to the modern requirements of production sanitation and ecology providing the improved trade dress of meat, its quality and release of the cooled production including:

- i. replacement of the outdated equipment, including application of modern energy saving and ecologically safe installations;
- ii. the further re-equipment of workshops of finished goods directed on expansion of the range and use of modern methods of consumer packing;
- iii. modernization of treatment facilities for minimization of ecological consequences from activity of shops of slaughter and processing;
- iv. retrofitting of laboratory base of the enterprises for toughening of quality control at all stages of

processing of meat raw materials and release of finished goods that will demand certain measures of the state support and will allow these poultry enterprises to compete in the region with the brought in frozen production.

In general, poultry farming is one of the most perspective branches of agro-industrial complex of Kazakhstan having the high market potential and attractive profitability.

References

1. Yesbolova A.Y. The state and justification of the prospects for the development of the poultry industry in Kazakhstan//Bulletin of KazEU. - Almaty: "Economics", 2016. - No. 3 (110). - pp.40-50.<https://articlekz.com/article/20216>
2. Agriculture, forestry and fisheries in the Republic of Kazakhstan/Statistical collection-2014-2018/in Kazakh and Russian, 216 p. Retrieved from: <http://stat.gov.kz>
3. Meat from which countries Kazakhstan citizen eat. Retrieved from: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/myaso-iz-kakih-stran-edyat-kazahstantsyi-360976/
4. Poultry meat in Kazakhstan will not fall significantly until autumn. Retrieved from: <https://kursov.kz/news/otraslevye-temy/2020-01/myaso-pticy-v-kazakhstane-suschestvenno-ne-podesheveet-do-oseni>
5. Kazakhstan - Republic of grain and feed/GAIN Report Number: KZ-1903,2019. Retrieved from https://apps.fas.usda.gov/newgainapi/api/report/downloadreportbyfilename?filename=Grain%20and%20Feed%20Annual_Astana_Kazakhstan%20-%20Republic%20of_4-18-2019.pdf
6. ETGV Moraes, A Pishnamazi (2019). Energy and protein dilution in broiler breeder pullet diets reduced offspring body weight and yield. *Poultry Science*, 98(6), 2555–2561. DOI: 10.3382/ps/pey603 Retrieved from <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6527511/>
7. Trusov Y.Optimization of management decisions in egg poultry in a crisis//Economics of agricultural and processing enterprises. - 2010. - No. 6. - pp. 76-80. Retrieved from <https://www.dissertcat.com/content/metody-proektirovaniya-i-kriterii-otsenki-tehnologii-utilizatsii-navoza-pometa-obespechivay>
8. Regions of Kazakhstan in 2018/Statistical yearbook/in Kazakh and Russian, 451 p. Retrieved from: <http://stat.gov.kz>
9. Shahbandeh M. (2020) Poultry industry in the United States. Retrieved from: <https://www.statista.com/topics/6263/poultry-industry-in-the-united-states/>
10. Upton M. Scale and structures of the poultry sector and factors inducing change: intercountry differences and expected trends / University of Reading, United Kingdom. Retrieved from: http://www.fao.org/AG/AGAinfo/home/events/bangkok2007/docs/part1/1_2.pdf
11. Vetrivel S.C., Chandrakumarmangalam S. The role of poultry industry in Indian economy //Rev. Bras. Cienc. Avic. – 2013. – Vol.15, N.4. – P. 287-293.

12. Yesbolova A., Maciejczak M. and others. System based Development of the Poultry Sector in Kazakhstan in Mid Term Perspective//Journal of Applied Economic Sciences. – ISSN-L 1843– 6110 ISSN 2393– 5162. – 2016. – Volume XI, Issue 5(43). – C.804-810. DOI: 10.14505/jarle.v7.3(17).26
13. Yesbolova A. and others. Issues and Prospects of Poultry Industry Development in Kazakhstan //Journal of Advanced Research in Law and Economics. ISSN: 2068 – 696X. – 2016. – Volume VII, 3(17). – C.685 – 697. DOI: [https://doi.org/10.125/jarle.v7.3\(17\)](https://doi.org/10.125/jarle.v7.3(17))

MODERN APPROACHES OF APPLICATION OF DIGITAL ANALYTICAL PLATFORMS IN THE ACTIVITIES OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Zhukovskaya I.E.

Doctor of Economic Sciences (DSc)

Tashkent State University of Economics

Uzbekistan, Tashkent,

Islam Karimov Avenue 49

DOI: [10.24412/2701-8369-2021-7-2-38-41](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-7-2-38-41)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ПЛАТФОРМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Жуковская И.Е.

доктор экономических наук

Ташкентский государственный экономический университет

Узбекистан, г. Ташкент,

проспект Ислама Каримова 49

Abstract

This article is devoted to modern approaches to the use of digital analytical platforms in the activities of higher education institutions. The author presents the definition of a digital analytical platform, its structure, an analysis of the strengths and weaknesses of its functioning. In addition, it is shown that during the period of digital transformation and the spread of coronavirus infection COVID 19, digital platforms are an effective tool in distance learning for students, one of the main channels of effective interaction between students, teachers and university administration.

Аннотация

Настоящая статья посвящена современным подходам использования цифровых аналитических платформ в деятельности высших учебных заведений. Автором представлено определение цифровой аналитической платформы, ее структура, проведен анализ сильных и слабых сторон ее функционирования. Кроме того, показано, что в период цифровой трансформации и распространения коронавирусной инфекции COVID 19, цифровые платформы являются эффективным инструментом в дистанционном обучении студентов, одним из основных каналов эффективного взаимодействия студентов, преподавателей и администрации вузов.

Keywords: digital transformation, digital analytical platform, quality of education, optimization of the educational process, distance learning, digital technologies, qualifications, efficiency, network technologies, specialized software products.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровая аналитическая платформа, качество образования, оптимизация учебного процесса, дистанционное обучение, цифровые технологии, квалификация, эффективность, сетевые технологии, специализированные программные продукты.

Формирование цифровой экономики оказывает свое влияние на развитие всех отраслей и сфер мировой экономической системы.

В Республике Узбекистан только за последнее время принято сразу несколько правительственный решений о развитии цифровой экономики в стране. Тем самым создана прочная нормативно – правовая база для формирования цифровой экономике.

В современный период цифровая трансформация оказывает серьезное влияние на развитие отраслей и сфер национальной экономики, в том числе и на совершенствование системы высшего образования. В Республике Узбекистан принят

Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Концепции развития системы высшего образования Республики Узбекистан до 2030 года». На основании которого планируется повышение качества высшего образования и всестороннее совершенствование всех составляющих системы высшего образования [1].

Цифровизация экономики подразумевает использование инновационных методов, средств, механизмов и инструментов для ее эффективного развития. Большое значение в этом процессе приобретает применение в образовательной и

управленческой деятельности высших учебных заведений передовых информационно-коммуникационных технологий.

Данной тематике в научной литературе посвящен большой круг трудов ученых. Это работы таких ученых, как Н. Виннер, К.С. Лаудон, О. Махлуп, Дж. Ф. Нейман, М. Хаммер, К. Шеннон, У. Эшби и др. Вопросам применения цифровых технологий в оптимизации менеджмента компаний также посвящен большой круг научных работ. Так, в работе N. Couldry и A. Powell проведен многосторонний анализ понятия «большие базы данных», а также представлена историческая хронология возникновения этого понятия в научных исследованиях. Ученые B. Hesse, R. Moser и W. Riley рассматривают возможности, угрозы и технологии внедрения больших данных в модернизацию управленческих и социальных процессов.

Российские и отечественные ученые также неоднократно в своих научных изысканиях обращаются к исследованию эффективного применения современных ИКТ в деятельности экономических субъектов, а также при разработке инновационных методологических решений и технологических механизмов на основе использования передовых ИКТ в условиях цифровой трансформации мировой экономической системы. К их числу относятся такие

исследователи, как Андрюшкевич О.А., Денисова И.М. [2], Балацкий Е.В., Екимова Н.А.[3], Бегалова Б.А., Бекмуратов Т.Ф., Васильева Э.К., Гулямов С.С., Дадабаева Р.А., Лялин В.С.[4], Горбашко Е.А. [5], Грей К.Ф., Ларсон Э.У. [6], Жуковская И.Е. [7], Долженко А.И., Шполянская И.Ю., Глушенко С.А. [8], Лапидус Л.В. [9] и т.д.

Наряду с этим, вопросы эффективного применения цифровых технологических решений в высшем образовании еще недостаточно изучены.

В настоящее время все больше распространение получает такое понятие, как цифровые аналитические платформы. Цифровые платформы представляют собой набор интегрированных инструментов, базирующихся на цифровых технологиях, обеспечивающих оптимизацию управления экономическими объектами, как внутри информационной системы, так и во внешнем окружении.

Другими словами, цифровая платформа позволяет объединить на основе комплексного использования передовых технологий и программного обеспечения множество составляющих, в частности таких, как производство, население, товары, услуги, финансы в едином информационном пространстве, обеспечивающим их эффективное функционирование на экономическом рынке (рис. 1).

Рис. 1. Основные составляющие цифровой платформы

Источник: Разработано автором на основе изучения специальной литературы

Исследования показывают, что в современный период на экономическом рынке функционируют и развиваются цифровые платформы. Это платформы, функционирующие, в системе «Электронное правительство», платформы, задействованные в осуществлении электронных платежей, в области высшего и среднего образования и т.д.

Совмещение всех сервисов в одном IP-адресе в сети позволяет не только оптимизировать систему аутентификации, контроль доступа, биллинговую

систему, но и обеспечить более высокий уровень сетевой и кибербезопасности, разработки аналитических отчетов [9].

На сегодняшний день учеными предложено несколько классификаций цифровых платформ по различным признакам. Например, по функциональным признакам выделяют такие виды платформ, как операционные, инновационные, агрегированные, социальные, интегрированные, инвестиционные, мобилизационные, обучающие. А по масштабу деятельности - глобальные, региональные, национальные [5].

Современная действительность показывает, что применение цифровых платформ в различных отраслях и сферах национальной экономики уже имеет множество положительных сторон [6]. Но, в

тоже время ещё необходимы исследования и практические рекомендации для их эффективного внедрения и оптимального функционирования на экономическом рынке (табл.1).

Таблица 1.

SWOT-анализ внедрения и использования цифровых платформ в национальной экономике Республики Узбекистан

Сильные стороны	Слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> -повышение открытости, прозрачности и достоверности данных, операций и различных видов транзакций, в том числе предоставление государственных услуг различным категориям пользователей; -улучшение качества электронного документооборота; -единая методологическая база; -проведение аналитического анализа на высоком профессиональном уровне; -улучшение качества жизни населения 	<ul style="list-style-type: none"> -отсутствие эффективных инструментов регулирования деятельности субъектов экономики в области применения цифровых платформ; -недостаточная проработанность национального и международного законодательства в области применения цифровых платформ; -недостаточное количество квалифицированных специалистов в области разработки и использования цифровых платформ
Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none"> -изменение структуры экономики на основе использования инноваций, передовых ИКТ, повышение производительности традиционных отраслей; -стимулирование развития новых видов бизнеса и развитие рынков; - стимулирование роста экспорта на основе цифровых платформ 	<ul style="list-style-type: none"> -недостаточная проработанность инструментов контроля над действиями владельцев цифровых платформ; -монополизация цифровой инфраструктуры; -возможна потеря контроля над внутренним рынком в случае незаконных вторжений иностранных цифровых платформ

Источник: Разработано автором на основе изучения специальной литературы

В качестве примера приведем процесс дистанционного обучения, который в настоящее время осуществляется в Ташкентском государственном экономическом университете (ТГЭУ). В университете разработана своя собственная цифровая платформа, позволяющая представить материал по дисциплинам учебного плана для студентов и магистрантов всех курсов и групп. Профессорско-преподавательским составом ТГЭУ на образовательной платформе размещены видео и аудио-лекции, презентации, гlosсарии, необходимый учебный материал для выполнения самостоятельных работ. Образовательная платформа позволяет студентам оценить свои знания по изученной теме, ответив на вопросы, которые преподаватели разместили на определенных страницах платформы. Такая форма организации учебного процесса позволяет осуществлять обучение студентов, производить мониторинг освоения ими учебного материала, кроме того, существует совершенствование знаний профессорско-преподавательского состава в области современных цифровых технологий [8].

Цифровые платформы являются важным инструментом в условиях формирования цифровой экономики. Разработанные для различных отраслей и сфер национальной экономики, в том числе и для системы высшего образования, цифровые платформы способствуют открытости, прозрачности, достоверности данных, улучшению качества предоставления государственных услуг различным категориям пользователей, проведению аналитического анализа на высоком профессиональном

уровне, улучшению качества внутриведомственного и межведомственного информационного взаимодействия, улучшению социального и экономического развития страны.

References

1. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan "On approval of the Concept for the development of the higher education system of the Republic of Uzbekistan until 2030". // Popular word. 09.10.2019
2. Andryushkevich O.A., Denisova I.M. Features of the formation of national innovation systems // Analysis and modeling of economic processes / ed. V.Z. Belenky, N.A. Trofimova. Moscow: TsEMI RAN. 2013. S. 24–48.
3. Balatsky E.V., Ekimova N.A. Innovative and technological matrices and national strategies for economic development // Manager. 2019, T. 10. No. 5. P. 9–19. DOI: 10.29141 / 2218-5003-2019-10-52.
4. Vasilyeva E.K., Lyalin V.S. Statistics. Textbook. M.: Unity, 2015. -- 399 p. (Electronic resource <https://institutions.com/download/books/2280-statistika-vasileva.html>).
5. Gorbashko E.A. Impact of digitalization on the quality of life from the standpoint of sustainable economic development. // Collection of articles on the results of the XIV international scientific-practical conference "Modern management: problems and prospects". SPb.: Publishing house of SPbGEU, 2019, pp. 29-35.
6. Gray C.F., Larson E.W. Project management. A practical guide. - M.: Business and service, 2003. - 528p.

7. Zhukovskaya I.E. The main directions of improving the methodology for the application of advanced information and communication technologies in the statistical activities of the Republic of Uzbekistan in the context of the formation of the digital economy. Statistics and Economics. 2020; 17 (5): 68-80. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2020-5-68-80>.
8. Dolzhenko A.I., Shpolyanskaya I.YU., Glushenko S.A Analiz kachestva mikro-servisov informatsionnoy sistemy na baze nechetkoy modeli // Priladnaya informatika. 2019. №5 (83).
9. Lapidus L.V. Tsifrovaya ekonomika: upravleniye elektronnym biznesom i elektronnoy kommersiyey. Monografiya. – M.: INFRA-M, 2018. - 381 s.

MODERN ASPECTS OF USING THE POTENTIAL OF HIGH-TECH COMPANIES IN THE DEVELOPMENT OF THE REGIONAL ECONOMY

Zhukovsky A.D.

lecturer of the MBA program top manager,

Institute for Management and Regional Development

Russian Academy of National Economy

and public service under the President of the Russian Federation,

Moscow, Russian Federation

DOI: [10.24412/2701-8369-2021-7-2-41-43](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-7-2-41-43)

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛА ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ КОМПАНИЙ В РАЗВИТИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Жуковский А.Д.

преподаватель программы МВА топ-менеджер,

Институт управления и регионального развития

Российской Академии народного хозяйства

и государственной службы

при Президенте Российской Федерации,

г. Москва, Российская Федерация

Abstract

This article is devoted to the development of high-tech companies in the modern economic market. The author presents the definition of a high-tech company, shows that with the development of the digital economy, high-tech companies are more and more efficient in their activities in the economic market and have a multilateral positive impact on the development of regions. In addition, the article shows that high-tech companies, through their own scientific developments, the introduction of advanced solutions in the activities of industries and spheres of the regional economy, contribute to the development of the business environment, training of the personnel of economic objects, the quality of life of the population of the regions.

Аннотация

Данная статья посвящена вопросам развития высокотехнологичных компаний на современном экономическом рынке. Автором представлено определение высокотехнологичной компании, показано, что с развитием цифровой экономики высокотехнологичные компании все более эффективно осуществляют свою деятельность на экономическом рынке и оказывают многостороннее положительное влияние на развитие регионов.

Кроме того, в статье показано, что высокотехнологичные компании посредством проведения собственных научных разработок, внедрения передовых решений в деятельность отраслей и сфер экономики регионов, способствуют развитию деловой среды, обучению кадрового состава экономических объектов, качеству жизни населения регионов.

Keywords: high-tech company, regional economy, efficiency, scientific developments, digital solutions, qualifications, optimization, production, optimization, quality of life of the population.

Ключевые слова: высокотехнологичная компания, экономика региона, эффективность, научные разработки, цифровые решения, квалификация, оптимизация, производство, оптимизация, качество жизни населения.

В настоящее время в экономике регионов все чаще и чаще появляются высокотехнологичные компании.

Под высокотехнологичной компанией подразумевается такая компания, основным капиталом которой является интеллектуальный капитал,

включающий особые составляющие, как интеллектуальная собственность и высококвалифицированный персонал.

Как показывает практика, базовой характеристикой высокотехнологичных компаний является

потребление ими различного рода инноваций: технологических, организационных, маркетинговых, процессных, продуктовых и т.д. Данный факт позволяет заключить, что конкурентоспособность высокотехнологичных компаний обеспечивается за счет использования научных разработок и открытий, результатов собственных или чужих исследований по передовым сферам деятельности.

Кроме того, опыт свидетельствует, что высокотехнологичные компании проводят самостоятельные научные исследования, внедряют их в различные отрасли и сферы экономики, что оказывает большое влияние на развитие экономики страны в целом, а также способствует расширению деловых и коммерческих связей, как внутри страны, так и за ее пределами.

Вопросам развития высокотехнологичных компаний и их влияния на экономику региона и страны посвящен большой круг научных работ зарубежных и отечественных ученых. К их числу можно отнести работы таких ученых как Абрамов А.Е., Радыгин А.Д., Чернова М.И. [1], Баринова В.А., Бортник И.М., Земцов С.П., Инфимовская С.Ю., Сорокина А.В. [2], Белоусов Д.Р., Абрамова Е.А., Апокин А.Ю., Михайлена К.В., Пенухина Е.А., Фролов А.С. [3], Голованова С.В., Леонова Л.А., Земцов С.П., Чернов А.В. [4], Дмитриев М.Э., Ромашина А.А., Чистяков П.А. [5], Власова Н.Ю., Адамайтис С.А., Баринова В.А., Кидяева В.М., Коцюбинский В.А., Семенова Р.И., Федотов И.В., Царева Ю.В. [6], Гаврилова С.В. [7], Acs Z.J., Parsons W., Tracy S. [8], Brown R., Mawson S.

Таким образом, анализ литературы показывает, что в условиях формирования цифровой экономики использование инновационных и цифровых решений является залогом эффективного развития как отдельно взятого объекта экономики, так и экономики страны в целом. Использование передовых технологических механизмов в совершенствовании деятельности высокотехнологичных компаний оказывает позитивное влияние на развитие регионов страны.

В современный период присутствие высокотехнологичных компаний на экономическом рынке позволяет отметить следующие положительные черты:

- высокотехнологичные компании осуществляют эффективную инновационную деятельность, создают новые инновационные продукты и услуги, оптимально используют все виды ресурсов;

- разрабатывают новые технологические решения, внедряют их в производство, разрабатывают инновационные услуги, что способствует созданию новых рабочих мест в регионах и увеличению производительности труда;

- создают продукты с высокой добавленной стоимостью, эффективно реализующиеся на отечественном и зарубежном рынке и способствующие росту конкуренции [5];

- способствуют развитию смежных отраслей экономики.

Отличительными признаками высокотехнологичных компаний на экономическом рынке являются:

- высокий потенциал развития, способствующий долгосрочной жизнеспособности высокотехнологичной компании на экономическом рынке, влияние на расширение потребностей в новых инновационных решениях и выход на новые рынки;

- развитая информационная база для принятия грамотных управленческих решений (научные разработки, патенты, изобретения, лицензии, новые технологии, опыт предприятий – лидеров на экономическом рынке и т.д.);

- многовариантный, интерактивный, экспериментальный, более оптимальный подход к принятию управленческих и производственных решений;

- инновационный, основанный на методах экономико-математического моделирования, гибкий алгоритм управления;

- высокая приверженность стратегическому управлению;

- постоянное развитие, обучение, самообразование работников высокотехнологичной компании и т.д. [7].

Таким образом, можно отметить, что высокотехнологичность компаний определяется ориентацией стратегии развития на инновационные составляющие. Причем, инновационная деятельность высокотехнологичных компаний охватывает все ключевые бизнес – процессы компании.

Практика показывает, что, основываясь на инновационных технологических и управленческих решениях высокотехнологичные компании производят новые продукты и услуг высшего качества.

Как показывают исследования ученых, к высокотехнологичной продукции относятся разработки для различных отраслей и сфер экономики, обладающие изобретательским, запатентованным уровнем (ноу-хау), что предоставляет право изобретателям получать дополнительную прибыль и являются рационализаторами на рынке до тех пор, пока не появится новая уникальная продукция высшего класса.

Опыт свидетельствует, что высокотехнологичные компании производят высокотехнологичные товары, которые обладают большим спросом на рынке, но имеют небольшой жизненный цикл [8].

Проведенные исследования констатируют, что высокотехнологичные компании в своей деятельности используют передовые технологические решения, множество инновационных разработок, осуществляют выпуск новой качественной продукции при минимальных издержках производства.

В тоже время в условиях глобальных вызовов новой экономики основная политическая задача заключается не в искусственном поддержании уровня занятости, а в создании таких рабочих мест, которые предъявляют новые требования к компетентности специалистов, владеющих знаниями в области современных цифровых технологий.

Анализ рынка высокотехнологичных компаний показал, что основными критериями для них являются:

- уровень научности;
- наукоотдача;
- индекс высоких технологий и инновационный индекс
- ориентация на коммерциализацию научной деятельности.

В частности, высокотехнологичные компании в регионах Российской Федерации позволяют обеспечить следующие преимущества:

- способствуют созданию инновационной экосистемы для организации и ведения бизнеса;
- обеспечивают взаимосвязь науки, бизнеса и городской инфраструктуры;
- способствуют развитию производства инновационных товаров и услуг;
- служат связующим звеном между крупными корпорациями, промышленными предприятиями, научными и образовательными организациями, представителями бизнеса и специальными службами по развитию городской инфраструктуры.

Кроме того, высокотехнологичные компании способствуют привлечению инвестиций в регионы страны, разрабатывают новые формы взаимодействия с крупными корпорациями, осуществляют обучение персонала, проводят отраслевую экспертизу, предоставляют возможности заключения различных сделок между предприятиями и организациями в системе смарт – контрактов с помощью использования цифровых технологий и т.д.

Таким образом, высокотехнологичные компании являются проводниками на экономическом рынке, которые позволяют осуществлять взаимодействие посредством цифровых платформ и других технологических решений с целью разработки и выведения на рынок нового продукта или услуги, кооперации партнеров, производителей, заказчиков.

References

1. Abramov A.E., Radygin A.D., Chernova M.I. Companies with state participation in the Russian market: ownership structure and role in the economy // Voprosy ekonomiki. 2016, No. 12. S. 61-87.
2. Barinova V.A., Bortnik I.M., Zemtsov S.P., Infimovskaya S.Yu., Sorokina A.V. Analysis of the factors of competitiveness of domestic high-tech companies // Innovations. 2015, No. 3 (197). S. 25-31.
3. Belousov D.R., Abramova E.A., Apokin A.Yu., Mikhailenko K.V., Penukhina E.A., Frolov A.S. The future of Russia: macroeconomic scenarios in a global context // Foresight, 2013, no. 7 (2). S. 6-25.
4. Zemtsov S.P., Chernov A.V. Basic factors in the development of high-tech companies // NEA Journal, No. 1 (41), 2019, p. 68-99.
5. Dmitriev M.E., Romashina A.A., Chistyakov P.A. The role of spatial policy in accelerating economic growth // Social sciences and modernity. 2018, No. 5. P. 31-47.
6. Zemtsov S.P., Adamaytis S.A., Barinova V.A., Kidyaeva V.M., Kotsyubinsky V.A., Semenova R.I., Fedotov I.V., Tsareva Yu.V. // National report "High-tech business in the regions of Russia". 2019, Issue 2. M.: RANEPA, AIRR.
7. Gavrilova S.V. Conceptual foundations for defining the high-tech sector of the economy and the functioning of high-tech companies // Economics, Statistics and Informatics - 2015 - No. 2 [Electronic resource] // URL: <https://statecon.rea.ru/jour/article/viewFile/383/365> (date of treatment 12/06/2020)
8. Acs Z.J., Parsons W., Tracy S. High-Impact Firms: Gazelles Revisited, Corporate Research Board // LLC Washington, DC 20037 for under Contract No. SBAHQ-06-Q-0014 - June 2017.

PEDAGOGICAL SCIENCES

TECHNOLOGIES FOR THE USE OF WORKBOOKS IN A PROFESSIONAL EDUCATIONAL ORGANIZATION

Alekseeva L.P.

candidate of pedagogical sciences.

South Ural State

humanitarian and pedagogical

University, Chelyabinsk 454074

st. Bazhova 46-a

DOI: 10.24412/2701-8369-2021-7-2-44-46

ТЕХНОЛОГИИ ПРИМЕНЕНИЯ РАБОЧИХ ТЕТРАДЕЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Алексеева Л.П.

кандидат педагогических наук.

Южно-Уральский государственный

гуманитарно-педагогический

университет, г. Челябинск 454074

ул. Бажова 46-а

Abstract

The introduction of workbooks into the arsenal of didactic tools provides the teacher with a real opportunity to optimize the educational process. It allows the teacher to establish a "feedback" with the students, check the effectiveness of the work done, requires students to be active in thought, helps to better prepare for intermediate certification and allows you to develop independence as a professional and personally significant quality. It encourages students to be more conscientious in completing the assignments in the notebook. In such cases, it is most advisable to offer students the following options for tasks: including missing keywords in the definitions, filling in tables, transforming schemes, algorithms for performing any operations.

Аннотация

Введение рабочих тетрадей в арсенал дидактических средств предоставляет преподавателю реальную возможность оптимизировать учебный процесс. Она позволяет преподавателю установить «обратную связь» с обучающимися, проверить эффективность проделанной работы, требует от студентов активных мыслительных действий, помогает более качественно подготовиться к промежуточной аттестации и позволяет развить самостоятельность как профессиональное и лично значимое качество. Она стимулирует студентов более добросовестно подходить к выполнению заданий, размещенных в тетради. В таких случаях наиболее целесообразно предложить обучающимся следующие варианты заданий: включение в определения пропущенных ключевых слов, заполнение таблиц, преобразование схем, алгоритмы выполнения каких-либо операций.

Keywords: Workbook. The development of thinking in students. Feedback. Types of tasks. Independent work.

Ключевые слова: Рабочая тетрадь. Развитие мышления у студентов. Обратная связь. Типы заданий. Самостоятельная работа.

Рабочая тетрадь представляет собой средство обучения, являющееся одновременно как средством преподавания, так и средством учения. Они быстрее других откликаются на потребности образовательного процесса и одновременно формируют эти потребности. Введение рабочих тетрадей в арсенал дидактических средств предоставляет преподавателю реальную возможность оптимизировать учебный процесс [2].

Цель применения рабочей тетради в профессиональном обучении – обеспечить пооперационное формирование понятий дисциплины, способствовать активизации учебно-познавательной деятельности студентов на уроках теоретического и производственного обучения.

По В.А. Козакову, внедрение рабочей тетради в практику учебного процесса должно решать следующие задачи [3]:

- продолжение;
- более прочное усвоение теоретических знаний;
- приобретение практических умений и навыков решения не только типовых, но и развивающих, творческих заданий;
- контроль за ходом обучения студентов конкретной учебной дисциплине (профессиональному модулю);
- формирование у студентов умений и навыков самоконтроля.

Г.И. Голобкова отмечает, что методика проведения занятий с применением печатной тетради может быть различной [1]:

1. Рабочая тетрадь может использоваться при изучении нового материала и его закреплении. Изучение нового материала можно осуществить на основе информационного комплекса, составленного для каждой темы, изложенной в рабочей тетради.

2. В рамках комбинированного занятия с помощью рабочей тетради осуществляется повторение и обобщение изученного материала. Такой вариант предпочтительнее для занятий итогового повторения, когда по ходу занятия требуется повторить наиболее важные факты. Обобщение и заключение происходит с помощью заданий к занятию, домашних заданий, самостоятельных работ.

3. Отдельные занятия могут быть посвящены самостоятельному изучению нового материала с помощью рабочей тетради. Такая работа проводится индивидуально. Тем самым происходит привлечение студентов к самостоятельной, исследовательской работе.

По мнению В.В. Корниловой, рабочую тетрадь можно применять на любом этапе учебного занятия. Она позволяет преподавателю установить «обратную связь» с обучающимися, проверить эффективность проделанной работы, требует от студентов активных мыслительных действий, помогает более качественно подготовиться к промежуточной аттестации и позволяет развить самостоятельность как профессиональное и личностно-значимое качество [4].

Е.А. Привалова указывает на то, что преподавателю необходимо тщательным образом изучить учебный материал, по которому составляется рабочая тетрадь, а затем ознакомить обучающихся с её структурой, обратив внимание основные моменты. Преподаватель должен показать, объяснить пользование листами рабочей тетради и провести несколько упражнений по закреплению полученных заданий [6].

Далее, необходимо дать разъяснению по выполнению различных типов заданий тетради, правилах их оформления, заполнению таблиц и пр. Нахождение ответов на поставленные вопросы, графические работы, заполнение таблиц и многое другое при выполнении заданий в листах рабочей тетради, способствуют развитию профессионального мышления, эрудиции, в том числе, если эта работа проводится по строго продуманной системе.

Когда педагог понимает, что группа готова к самостоятельной работе, он обозначает перечень дидактических задач, которые должны быть решены на протяжении всего периода обучения. К ним относятся: заучивание определений, конспектов, воспроизведение таблиц и т. д. [6]

Некоторые материалы листов рабочей тетради могут использоваться как справочные для выполнения различных заданий на аудиторных занятиях и в рамках внеаудиторной работы. Поэтому одной из дидактических задач, которая может быть решена в

процессе самостоятельной работы с рабочей тетрадью, является нахождение ответов на поставленные вопросы.

При изучении и закреплении нового учебного материала, обучающимся после прослушивания лекции может быть предложено выполнить определенные задания в листах рабочей тетради, на основе прослушанной информации и информации учебника, тем самым сразу же составляя конспект по новому учебному материалу. Также на этапе закрепления материала обучающимся может быть предложено выполнение заданий тетради по опорным пунктам конспекта [5].

В рамках аудиторной формы работы после выполнения задания на листах обучающимся предлагается обсудить выполненные задания. Это стимулирует студентов более добросовестно подходить к выполнению заданий, размещенных в тетради. В таких случаях наиболее целесообразно предложить обучающимся следующие варианты заданий: включение в определения пропущенных ключевых слов, заполнение таблиц, преобразование схем, алгоритмы выполнения каких-либо операций и т.д. [5]

Задания для выполнения домашней работы могут быть более сложными и требовать большей самостоятельности студентов. Для домашней работы, как правило, предлагаются задания аналитического характера, в процессе выполнения которых формируются умения выделять скрытые предположения, видеть ошибки и упущения в логике рассуждения, оценивать значимость данных, комбинирования элементов, чтобы получить целое и т.д. В этих целях могут использоваться проблемные, нетипичные вопросы и ситуации, задания поискового характера, для выявления способности обучающихся к продуктивным действиям.

При проведении опроса домашнего задания и самостоятельных работ, разрабатывается значительный объем заданий, позволяющий охватить весь учебный материал, знание которого проверяется. Задания могут предлагаться различного уровня сложности, важно, чтобы часть их строилась таким образом, что, выполняя каждое последующее задание, обучающихся мог бы проанализировать ответы предыдущих заданий. Это даст возможность обучающимся дополнительно осмыслить ответ и попытаться найти возможную ошибку.

При опросе домашнего задания и анализе самостоятельной работы, выполненных в рабочей тетради, может применяться взаимный контроль с использованием эталонов. В зависимости от сложности материала, может применяться взаимоконтроль без эталонов, результаты при этом оцениваются и проверяются преподавателем.

Возможность самоконтроля и взаимоконтроля выполненных работ позволяет:

- формировать у студентов умения и навыки самоконтроля;
- дополнительно, студентам, проработать и усвоить профессиональные знания;
- увидеть собственные ошибки.

По завершении некоторых разделов, с большим объемом информации, студентам может быть предложено тестовое задание в рабочей тетради.

В рамках разрабатываемой рабочей тетради преподаватель может использовать дополнительные сведения: примечания, дополнительные справки, отсутствующие в учебнике, выводы, резюме. Это создаст условия для расширения кругозора обучающихся. Для формирования умения и навыков контроля и самоконтроля можно предложить дополнительные контрольные вопросы и тесты. После каждой темы может быть размещен список дополнительной литературы.

По Е.А. Приваловой, домашние работы, выполненные на основе заданий рабочей тетради, всегда проверяются – преподавателем, либо самими студентами на уровне само- или взаимоконтроля и затем подвергается анализу и оценке преподавателем [6].

Целесообразно размещать задания, не помешая ответов на них. Это дает стимул для дополнительной работы обучающихся над материалами задания, обсуждения решения задания, поиска различных путей решения одной и той же задачи, развития творческого мышления.

Проверка знаний студентов позволяет осуществлять обратную связь между ними и преподавателями, даёт конкретный материал для анализа полноты и качества знаний, помогает своевременно увидеть проблемы, ошибки недочеты в знаниях обучающихся. Проверяя и анализируя знания студентов, преподаватель имеет возможность судить о завершенности или незавершенности процесса обучения по отдельным разделам учебной программы.

В.В. Корнилова отмечает большую роль рабочей тетради в освоении дисциплины у студентов заочной формы обучения и при ликвидации расхождений в учебных планах [4].

В рамках очного обучения, систематическое использование рабочей тетради в работе с обучающимися позволяет отследить пробелы в знаниях студентов и своевременно их скорректировать. Возможна реализация дифференцированного подхода к обучающимся, за счет использования заданий различного уровня сложности.

Таким образом, рабочая тетрадь может использоваться как в рамках аудиторной, так и во внеаудиторной работе. Задания тетради могут применяться на любом этапе занятия, наиболее традиционно их включают на этапе изучения нового материала, закрепления новых знаний, обобщения и повторения уже изученного, в рамках организации самостоятельных работ. В зависимости от этапа занятия,

цели использования осуществляется выбор заданий. Проверка правильности выполнения заданий может осуществляться преподавателем, может в форме взаимопроверки и взаимоконтроля с использованием эталонов, на примере более легких или уже рассмотренных ранее заданий – без эталонов.

Список литературы

- Голобкова, Г.И. Рабочая тетрадь как многофункциональное дидактическое средство в системе самостоятельной работы студентов: автореф. дис. канд. пед. наук [Текст]/ Г.И. Голобкова. – М., 2011. – 28 с.
- Звягин, А.С. Рабочая тетрадь на печатной основе – кто платит? [Текст]/ А.С. Звягин // Образование в лицах. – 2017. – №4. – С. 30 - 33; [Электронный ресурс] – URL:
- Козаков, В.А. Психология деятельности [Текст]/ В.А. Козаков. – Киев: Вища школа, 2008. – 289 с.
- Корнилова, В.В. Рабочая тетрадь как эффективное дидактическое средство обучения будущих бакалавров рекламы и связей с общественностью [Текст]/ В.В. Корнилова // Управленец. – 2015. – №1. – С. 36 - 38.
- Общая и профессиональная педагогика [Текст]/ Под ред. В.Д. Симоненко– М.: Вентана – Граф, 2012. – 368 с.
- Привалова, Е.А. Рабочие тетради как средство повышения эффективности учебного процесса [Текст]: дисс. канд. пед. наук / Е.А. Привалова. – М., 2007. – 244 с.

References

- Golobkova, G.I. Workbook as a multifunctional didactic tool in the system of independent work of students: author. dis. Cand. ped. Sciences [Text] / G.I. Golobkov. - M., 2011 .-- 28 p.
- Zvyagin, A.S. Printed workbook - who pays? [Text] / A.S. Zvyagin // Education in faces. - 2017. - No. 4. - S. 30 - 33; [Electronic resource] - URL:
- Kozakov, V.A. Psychology of activity [Text] / V.A. Kozakov. - Kiev: Vishcha school, 2008 .-- 289 p.
- Kornilov, V.V. Workbook as an effective didactic means of teaching future advertising and public relations bachelors [Text] / V.V. Kornilova // Manager. - 2015. - No. 1. - S. 36 - 38.
- General and professional pedagogy [Text] / Ed. V.D. Symonenko - M .: Ventana - Graf, 2012. - 368 p.
- Privalova, E.A. Workbooks as a means of increasing the efficiency of the educational process [Text]: diss. Cand. ped. nauk / E.A. Privalov. - M., 2007 .-- 244 p.

CASE STUDY METHOD IN TEACHING EFL AT HIGH SCHOOL**Jadmenova D.,***second-year postgraduate**University of International Business**Almaty, Kazakhstan***Tsay Y.***candidate of pedagogical sciences, docent**University of International Business**Almaty, Kazakhstan*DOI: [10.24412/2701-8369-2021-7-2-47-48](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-7-2-47-48)**Abstract**

The article examines case studies as the integrative method of teaching a foreign language and describes the experience of using this method in learning English. The study reveals the features of case study method as a part of the independent educational work of students and a factor in increasing motivation. The authors analyze types of cases, stages of working with it and give practical recommendations of using the case study method in EFL classes.

Keywords: teaching methods, case studies, experience, foreign language.

The most urgent problem in teaching English as a foreign language (EFL) to high school students is the selection of the content of the language material, as well as teaching methods. Teaching methods for students of senior school age should contribute to the development of communication skills, broadening their horizons, the development of independent, search activities, an increase in the level of subject competence, interest in the research material. One of the interactive learning tools for EFL is the method of case study.

In teacher education, case study is a motivating, student-centered approach in which theoretical models and concepts are illustrated through their application to practical situations. Participation in case studies fosters active engagement, participation and critical thinking among participants. Case studies "can be used in any discipline when instructors want students to explore how what they have learned applies to real world situations...[and] require students to answer an open-ended question or develop a solution to an openended problem with multiple potential solutions". [1] Although the case method is very popular in the West, this technology is rather new for Kazakhstani school system.

A case is an event that occurred in a particular field of activity and described by the author in order to facilitate discussion, analysis of the situation and decision-making. The case method is a technique of active learning, which consists in using specific learning situations in organizing the learning process, aimed at formulating a problem and searching for options to solve it followed by analysis in training sessions. The case should include a specific situation (case, problem, real life story), context of the situation (chronological, historical, context of the place), commentary on the situation presented by the author, questions or tasks for working with the case. Applications can also accompany the case.

Researchers identify the following types of cases:

1. Practical cases, which are real life situations, reflected in detail in the educational process. Their educational purpose is to consolidate the knowledge,

skills, and behavioral (decision-making) skills of students in a given situation.

2. Educational cases reflecting typical situations that are most frequent in life. The situation in this type of cases is not real (I am what it could be in life).

3. Research cases that serve as models for gaining new knowledge about the situation and behavior in it. In the specified form of cases, the teaching function is reduced to research procedures.

Yu.P. Surmin notes that the most important feature of the case method in teaching is to increase the effectiveness of the teacher's activities, since the use of case technologies in teaching allows not only realizing one's abilities, but also developing them. The scientist believes that in the process of working according to the case method, there is a unity of the main functions of the teacher's activity: educating, teaching, organizing, research. [2, p. 79]

The case method can be successfully used in foreign language classes, since this method allows to develop all types of speech activity: reading, speaking, writing and listening. Students have a real opportunity to communicate in a foreign language in the process of interacting with other group members and the teacher. It is admitted that the case studies are more effective when they are presented sequentially, so that students receive additional information depending on the situation unfolds and can continue to analyze or criticize the situation or the problem. [3]

At the same time, the success of the case method depends on three main components: the quality of the case, which should be as clear and detailed as possible, the preparedness of the students and the readiness of the teacher to organize work with the case and conduct a discussion.

Let us consider the authors' experience of teaching EFL using the case method. The topic of the lesson is «City life – country life?». This lesson is designed to be conducted in the 9th grade of a secondary school, 2 academic hours. The type of the case is practical. The teacher needed to identify the problematic aspect of the lesson «Living in the city or in the country». A few days

before the lesson, the students were explained the problem area, and proposed the lesson would be conducted in the case-study mode. The class was divided into several small subgroups (4-6 people) and each subgroup was assigned a task to conduct a social survey on the topic "What is better: life in the city or in the countryside?". The teams should compile a comparative table of the advantages and disadvantages of living in the city or the countryside, supporting their reasoning with the examples of people who chose life in the city or in the countryside. Since the level of language training for all students was different, it was advisable to give the study of the case materials as a homework.

The case study was preceded by activities on the topic vocabulary and grammar, which were designed to make the discussions more fruitful and to help the participants clearly express their thoughts to convince the interlocutor or several members of the group that they were right. The students were offered a case, which contained information on how to conduct a social survey, how to compile a comparative table of the advantages and disadvantages of living in the city and in the countryside, a video «City life or country life». The proposed case had the following content:

1. A social survey on the topic "What is better: life in the city or in the countryside?"
2. http://www.bryk.pl/wypracowania/języki/angielski/16518-advantages_and_disadvantages_of_living_in_a_city_and_in_the_countryside.html — comparison of the advantages and disadvantages of living in the city and in the countryside.
3. The article «City life and country life». <https://www.comparemymove.com/blog/your-move/city-life-vs-country-life>
4. The article «Problems of city and country life». <https://in2english.net/2018/03/29/problems-of-city-and-sountry-life/>
5. A video «City or country life». <http://www.youtube.com/watch?v=belx2eExprU>

Based on the application of the case study method, the following learning technology by the case study was derived. The teacher's activity before the start of the lesson involved the development of a case, determining the list of literature necessary for mastering the educational topic, thinking through the lesson scenario; during the lesson - organizing a preliminary discussion of the content of the case, leading group work, organizing a final discussion. The activity of students before the start of the lesson was to receive a case, study the literature, self-preparation.

During the lesson students studied additional information, presented and defended their own versions of solving the problem, listened to and argued the points of view of other participants. One performer

from each team (team leader) gave the message. Then others spoke up, shared opinions, asked questions, whereas the opposite side disputed their opinion. The teacher questioned both groups, guided the students during the discussion. As a result, the students summarized and substantiated the main ideas, coming to a common conclusion.

If any of the team remains unconvinced, the teacher summarizes the discussion on the given topic. Testing students communicative abilities during the discussion gives each participant an opportunity to discover their weaknesses and stimulates the desire to work towards improving knowledge of the language and its use in speech.

Experimental work on using the case studies method in teaching the English language to high school students showed the positive results. Students mastered both the methods of data collection and analysis, acquired skills to work in a team. Case study performance developed learners' reading skills, improved the level of speaking skills and increased information processing skills. As part of the research, we have developed and proposed the following case study topics for the use in EFL classrooms: study abroad; modern artists; digital technologies, etc.

It can be concluded that the case method allows students to activate theoretical knowledge and practical experience, develop the ability to express thoughts, ideas, suggestions, see an alternative point of view and argue their own. At the same time, learners show improved analytical and evaluative skills and willingness to work in a team that promote an understanding of the ambiguity of solving problems in real life.

The use of the case method requires more time from the teacher to prepare for the creation of the case since significant difficulty consists in the lack of educational and methodological literature. However, this method brings great satisfaction to both the teacher and the student at the sight of high performance results.

References

1. Using Case Studies to Teach. Boston University Center for Excellence & Innovation in Teaching: 2013. Available from: <https://www.bu.edu/ctl/teaching-resources/using-case-studies-to-teach/> [Accessed 24th March, 2021].
2. Yu.P. Surmina. Situational analysis, or anatomy of the case method. Kiev: Center for Innovation and Development; 2002. [Published in Russian].
3. The Herriet W. Sheridan. Center for Teaching Learning; 2014. <http://www.brown.edu/about/administration/sheridan-center/teaching-learning/effectiveclassroom-practices/case-studies> [Accessed 24th March 2021].

PHILOLOGICAL SCIENCES

THE PORTRAYAL OF A MOTHER AS A CONTENT VISION FOR A READER IN VASYL STEFANYK'S SHORT STORIES

Kachmar V.M.,

PhD in Philology, Associate Professor

Head of Journalism, Advertising and PR Department

King Danylo University

35 Konovaltsia Str., Ivano-Frankivsk, Ukraine

Manuliak M.S.

Assistant Lecturer at Translation and Philology Department

King Danylo University

35 Konovaltsia Str., Ivano-Frankivsk, Ukraine

DOI: [10.24412/2701-8369-2021-7-2-49-52](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-7-2-49-52)

ОБРАЗ МАТЕРІ ЯК КОНТЕНТ-ВІЗІЯ ДЛЯ ЧИТАЧА В НОВЕЛІСТИЦІ ВАСИЛЯ СТЕФАНИКА

Качмар В.М.,

кандидат філологічних наук, доцент,

завідувачка кафедри журналістики, реклами та ПР

Заклад вищої освіти «Університет Короля Данила»

Івано-Франківськ, Україна

Мануляк М.С.

асистент кафедри перекладу та філології

Заклад вищої освіти «Університет Короля Данила»

Івано-Франківськ, Україна

Abstract

The study investigates the peculiarities of the belles-lettres representation of sensation of the world in Vasyl Stefanyk's short stories through the interpretation of the portrayal of a mother. The research deeply focuses on a woman as a mother, sufferer, wrongdoer. The article also highlights the author's expression conception to a potential reader.

Анотація

У статті досліджується специфіка художньої моделі світовідчуття в новелістиці В.Стефаника крізь призму інтерпретації образу матері. Особлива увага приділяється дослідженням жінки як матері, страдниці, злочинниці. А також окреслено концепцію авторського вираження потенційному читачеві-рецептенту.

Keywords: a short story, psychologism, a woman as a mother, a woman-sufferer, a narration, a reader, a potential reader.

Ключові слова: новела, психологізм, жінка-матір, жінка-страдниця, нарація, читач, імпліцитний читач.

Українська новелістика кінця XIX – початку ХХ століття – доволі видатне і до кінця не досліджене явище в сучасному літературознавстві. Складається враження, що деякі критики намагаються втиснути мистецьку індивідуальність письменників цього часу в Прокrustове ложе власних естетичних уподобань, політичних переконань, нехтуючи оригінальним світом їхньої творчої уяви. Тільки усвідомлення полісмислового характеру творчої палітри письменників того часу, зможе, на думку О.Черненко, відкрити в них вселюдські перспективи, та їхню універсальну вартість [12, с.8].

Українське літературознавство досягло чимало успіхів у царині вивчення спадщини В.Стефаника, О.Кобилянської, М.Коцюбинського, Лесі Українки, та слід зазначити, що ряд важливих проблем у дослідженні їхнього творчого доробку ще чекають на глибокий аналіз. Особливої уваги заслу-

говує психологічний аспект новел В.Стефаника, зокрема, образ матері, який є носієм не тільки символічного, а й психологічного та емоційного значення.

М.Костомаров у праці «Слов'янська міфологія. Вибрані праці з фольклористики й літературознавства» зазначає, що з визначальними світоглядними уявленнями як українців, так і носіїв слов'янської культури загалом, тісно пов'язаний концепт материнства. Мова йде про біологічну функцію жіночого організму, спрямовану на продовження людського роду, та соціальну функцію жінки-матері, яка полягає у вихованні дитини [2, с.221].

Тому й не дивно, що мати виконує роль визначної ланки у збереженні етносу [3, с.137]. Жінка, у новелах В.Стефаника, є не тільки берегинею свого роду, захисницею своїх дітей, а й страдницею, а в деяких моментах і злочинницею. У численних епічних взірцях письменник творить типи, які

орієнтує на загальнолюдські духовні цінності й водночас виокремлює вагомі суспільні, моральні та естетичні проблеми. Так, у новелі «Лесева фамілія» образ жінки нагадує скоріше страдницю, аніж берегиню. Настільки майстерно відображене життя Лесиної сім'ї, що проймає болісне експреоністичне «вираження», а образ матері уособлює глибину трагічності. Для жінки важливим є проблема не тільки нагодувати своїх дітей, вберегти від наступів чоловіка-пияка, а й переживання про недобру славу, що лягла на їхню долю: «Діти, діти, що мемо робити? Тото-м вам постелила сьогодні на увесь вік! І пімрете, та слави не збудетеси! Не годна я цого за вас відмолити» [9, с.21]. За церковними канонами, діти не мають права підіймати руки на своїх батьків, а тут, привселюдно, за намовлянням матері били «бучками» тата. Однак автор зосереджує увагу читача не на образах, а на соціальних проблемах, що спровокували драматизм у сім'ї.

В.Стефаник ніколи не ставив собі за мету апелювати до свідомості читача, викликати в нього певні візії, він, як зазначав свого часу І.Франко в «Літературно-науковому віснику», показав себе не тільки майстром літературної форми і покутського діалекту, але надто добрим знавцем «народної жицької душі». Його оповідання можна вважати поодинокими малюнками життя, «більш ліричні ніж епічні, але лірика Стефаника – то не пуста фраза, а дійсний, срібний, проймаючий тон правдивого, широго і глибокого чуття» [10, с. 333].

Творчості письменника властиве монументальне мислення, яке виражається в мініатюрі. За допомогою потужності слова автор новели «Катруся» майстерно розкриває характер матері, роздвоєність її почуттів. З одного боку – жаль за дочкою, а з іншого – безпорадність, спровоковану реальним відображенням дійсності. Слова жінки є тому підтвердженням: «Гроши минулиси, других заробити не заробиш. Відай, тобі таки нема віходу. Ми, Катруся, геть з усого вийшли. Якби-с вмерла, тай би-м стали як серед води. Коби ті Бог хоть до осені додержев» [8, с.51]. Як наслідок, авторське бачення подій викликає в читача подвійне сприйняття слів матері, тобто письменник застосовує прийом синкриси (співставлення різних точок зору на предмет зображення). Імпліцитний читач спостерігає взаємовідносини між молодою дівчиною, яка вмирає, але має надію на життя, і оточуючими людьми, у яких, через постійну нужду, руйнується людська душа. Оповідана манера дає читачеві шанс «о-мовити ще не-омовлене» (М.Зубрицька). Конфліктна ситуація підсилюється зміщенням акцентів: світ соціальний (батько, мати, сусід) і світ духовний (образ дочки Катруся). Ці точки зору героїв автор звів віч-на-віч і примусив читача мислити поліфонічно. Для батьків смерть дитини – це додаткові витрати, а дівчина мислить надіями: «що підведуси, що ще весни не стратю. Зараз-таки найду собі роботу...» [9, с. 52]. Кінцева фраза новели переходить з площини соціальної у філософську «аптикар має свою аптику, та вмирає» [9, с.54].

Нарація В.Стефаника вражає об'єктивною манерою оповіді, він пише «безлично голі образки з

життя жицькоого». Авторським оцінкам фактично немає місця, а читач має можливість оцінити ситуацію з точки зору власного естетичного, морального світосприйняття. Так, І.Труш пояснює стиль письменника: «Хто бажав би вивчити характер українського народу, шукати його душі в літературі та прозріти душу його у його представників, квінтесенцію нашої літературної продукції пізнавати з лектури тих письменників, які досконало володіли мистецькою формою, тому я назвав би три прізвища: Шевченко, Франко і Стефаник...Вони настільки оригінальні, що читач мусив би дійти до переконання, що творча сила в літературі українського народу і його душа є зовсім індивідуальні і відрізняються від того всього, що дає нам Європа»[11,с.167]. Безпрецедентно, новелістика В.Стефаника – оригінальне явище в українській літературі. В його нараторів простежується постійна дисгармонія і стереоскопічність, що є результатом авторського світовідчууття, яке було набагато складнішим і трагічнішим, аніж це прийнято вважати до цього часу.

Образ жінки-страдниці неабияк виражений у новелі «Сама самісінька» (1897р.). Вмирає хвора стара жінка. Все її існування обмежується чорною подушкою, куснем хліба та збанком води. Ці речові атрибути виступають наочними символами для читача, а образ старої асоціюється з проблемою вселюдської самотності людини. Цей код закладений навіть в самій назві твору. Тому образ жінки фокусується в екзестенцію «всестерплячості і всеболочості». Новела для читача ніби розмикається в часі, знаходиться поза його вимірами, тобто у стражданнях старої вмістилися всі переживання людини від початку і до кінця світу, «всі болі простої, беззахисної істоти, яка тільки існує задля мук, немов у пеклі. Так у невеличкому обсязі новели завдяки потоку свідомості Стефаник виходить на глибинні екзистенціальні проблеми» [1, с.160].

Манера викладу думки письменника не може не викликати захвату. Майстерність Стефаника є «архітвом в мініатюрі», а Г.Вервес вважав новелу «Сама самісінька» спорідненою з живописом. На його думку, трагічна подія повільного вмирання жінки взята тут художником у рамку і відтворена засобами, які тільки доступні живописцям. Найкраще лейтмотив новели визначений самим автором: «новелка з муки жицької».

Про неминучість, односпрямованість життя втілено в образі геройні твору «Нитка». Символічна назва новели набуває знакового змісту безкінечності. Але, «в опівночі очі слабнуть, пальці умлівають, а нитку мусить прясти дальше» [10, с.223]. Притаманним українській прозі лейтмотив молодості використаний і Стефаником у ракурсі зникнення. Однак герояня переконана, що свою нитку життя вона доведе до кінця, бо в помочі має Матір Божу. Та, у розв'язці образ Матері відмовляється допомагати жінці й кличе її за собою. Так обривається нитка, що веде до неминучості, але не приреченості людського життя. Його змінює образ жінки-матері, яка знає мету всього свого життя: «не можна слабнути, вони на мене чекають, всі оті, що

сплять» [10, с.224]. Стефаник не прагне передати читачеві причини гнітючих думок головної геройні, тільки вказує на її молодий вік та спряцьоване тіло. Автор фіксує лише окремі відрізки життя, але при цьому моделює уявлення читача про Долю людського буття. Такий спосіб викладу дозволяє максимально наблизити читача до зображеного. Стефаник, за спостереженнями І.Дробот, є визнаним майстром об'єктивізації душевних станів, його мета - оголити душу й «зацементувати» її найменші, ледь зримі порухи, зробити ці образи душевних станів дотикальними.

Про новелістику В.Стефаника написано чимало. Це праці М.Зубрицького, Т.Бикової, І.Дробот, Т.Біленко, О.Білявської та інших. Вагоме місце займає і літературна критика, що побачила світ ще за життя письменника, зокрема, Леся Українка у статті «Малорусские писатели на Буковине» так пише про Василя Стефаника, що всі його нариси «просякнуті тим животворним духом співчуття автора до своїх персонажів, який надає неповторний колорит художнім творам і якого не може приходити навіть сама об'єктивна форма ...; герой п. Стефаника пасивні або інертні, але вони повні такого живого, захоплюючого страждання, перед яким неможливо залишатися спокійним» [6, с. 122]. В.Стефаник доволі часто наголошував, що він пише не для публіки, бо «кожда його дрібниця граничить з божевіллям, і я нікого так не боюся у світі, як самого себе, коли я творю». Якщо в новелі «Нитка» спрацьовує в образі жінки інстинкт матері, то в новелі «Лан» динаміка нарації полягає в протилежному: в душі геройні, люблячої матері, під впливом жахливих умов життя, знищується найважливіше, що є в жінки – відчування материнства. Тоді із символу берегині жінка перевтілюється у злоччинцю, яка не вберегла своє немовля від смерті. «Лан» є тією новелою, в якій найповніше простежується «камінний стиль» оповіді. Нарація охоплює ледве пів сторінки, але, як слушно зауважив І.Франко, витворює маленькі, проте вражаючі драми. Слушно закцентувати увагу на те, що в цій новелі змістовним є кожне Слово. Твір починається стислим, але барвистим описом панського лану. Оповідь не віщує ніякої небезпеки: «Дитина плаче за шелестом бадилля. Та й звернулося і впало. Впало ротом до корча» [10, с.95]. Однак повтор слова «впало» насторожує читача, надає розповіді певної експресії, культивує тривожний стан.

Паралельно використовує автор прийом грациї, метафоруючи образ сонця, яке «радо би цілу міць свою на єї лиці покласти», щоб вона прокинулася. Імпліцитний читач ніби стає частиною діегезису, співучасником подій, що розгортаються на тлі лану. Автор змусив читача співпереживати і .вочевидь, страждати. «як жорстоко, могутньо і страшно змальовано втому і трагедію матері! Скульптура цього образу камінного сну, з якого не збудить матері навіть крик конячої дитини, інстинкт материнства, можна б виконати з чавуну або брили неотесаного каменю» [1, с.120], - зазначає І.Денисюк. Весь жаль, вся світова скорбота за маленькою дитиною, що помирає, відривчасто вписані в слові

«синіє», - яке постає образом всевладної смерті. Поряд зі смертю тихо спить мати: «покалічені», «порані», «посічені» ноги, прив'язана чорним волоссям до чорної землі, як камінь. Ця словесна монументальність цілком може служити прологом до слів самої матері, що прокинулась «спить, добре, що спить». Така розв'язка, скоріше є закономірною, аніж трагічною. Тяжка праця на чужому лані притупила, цілком викорінила з серця найсильнішу в світі емоцію – інстинкт матері, її настороженість за життя своєї дитини. Найtragічніше те, що мати не здогадується про смерть динити. Колапс такої розв'язки дозволяє читачеві асоціативно продовжити новелу. Уява читача суголосна з апеляцією до внутрішнього стану матері: незрівняний біль втрати найдорожчої у світі людини – дитини, почуття власної провини, відчуття безпорадності перед неминучим і безповоротним.

Варто погодитися з думкою М.Зубрицької, що всі без винятку дослідники творчості В.Стефаника підкреслюють глибинність його трагічного світогляду, у ньому стикаємося з різними формами руйнування людської плоті й духу.

Образ матері є, без перебільшення, центральним у творчості В.Стефаника, і це, скоріше, не випадковість. Смерть матері мала відбиток на його письменницькій діяльності, тому образ матері/дітей є до болю правдивим. Життя нерідко спотворює людину, штовхає її на страшні вчинки. Скажімо, епізод з новели «Шкільник», де хлопчик «змудра вповідає» своє життя: «як маму прикидали глинов, то хто мене має годувати та обперати?...Б'ют мене, добре б'ют, але я – терплю. Як нема мами, то мус терпти...» [10, с.224].

Особливо хвилююче змальований образ матері в новелі «Кленові листки». Молода мати помирає з думкою про дітей. Залишає їм поради, смутний погляд великих, блискучих очей, увесь жаль серця і тихі слова про кленові листочки: «У слабкім, уривчастім голосі виливалася єї душа і потихоньку спадала межі діти і цілювала їх по головах». В цих словах – весь Стефаник-новеліст, що вражає проявами «краси світової» - людяних, високих, ніжних почуттів у нелюдських умовах.

Крізь призму образу Стефаникої матері викривається становище покривдженіх, зламаних життєвими проблемами індивідів. Усе це символізує смерть, яка є наскрізною у творчості митця. Але, поза всяким сумнівом, образ матері є одним із чільних концептів у системі складників психологічного дискурсу новел В.Стефаника, що підключає читача до активного сприйняття зображеного, апеляючи до його емоційного досвіду, до мислильної і чуттєвої пам'яті.

References

- Denysiuk I. Development of the Ukrainian Short Prose of the 19th and Early 20th Centuries. Kyiv.: Vyshcha shkola, 1981. -215p. [Published in Ukrainian]
- Zymomria I. Psychological Discourse of Emma Andriyevska's and Toni Morrison's Prose: The Image of

the Mother as a Concept. The Scientific Issues of Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University. Series: (History of) Literature. Ternopil, 2012. PP.220-224. [Published in Ukrainian]

3. Isayevych Ya. Family life. The status of women. History of Ukrainian Culture. Vol.2. Kyiv, 2001. PP.137-151. [Published in Ukrainian]

4. Zubrytska M. Ontologization of the death in the V. Stefanyk's works / M. Zubrytska // The unfamiliar anthology of Ukrainian "female" prose and essays of the second half of the twentieth century – the beginnings of XXI century. Lviv.: Literaturna ahentsiia "Piramida", 2005. 600 p. [Published in Ukrainian]

5. Kuzmina I. Expressionism and psychologism of social novels written by Vasyl Stefanyk. Youth & market №5 (160), 2018. PP.124-128.

6. Lesia Ukrainka. Writers-Rusyns in Bukovina. Jnl. "Vasil Stefanik: criticism and memoirs". Kyiv: Dnipro, 1970. 482 p. [Published in Ukrainian]

7. Ostrovska A. Author's consciousness and plot-compositional organization in V. Stefanyk's short stories. Scientific Journal «Pytannia literaturoznavstva». Chernivtsi, 1998. №5. PP.57-67 [Published in Ukrainian]

8. Stefanyk V. The Stone Cross. Kyiv: Shkola, 2007. 272p.

9. Stefanyk V. My village: short stories, stories, an autobiography and critical materials, excerpts from letters. Kyiv.: Veselka, 2001. 319p. [Published in Ukrainian]

10. Stefanyk V. Complete collection of works in three volumes. Vol.1.-Vol.3. Kyiv.: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1949-1956.

11. Trush I. Vasyl Stefanyk. Silhouette // Kobzey Thomas. The great sculptor of Ukrainian peasant souls. Toronto, 1966, PP.167-173.

12. Chernenko O. Expressionism in the works of Vasyl Stefanyk. Munich, 1989. 280p.

POLITICAL SCIENCES

THE COMMONWEALTH OF NATIONS AS ONE OF THE LEADING VECTORS OF THE UK'S FOREIGN POLICY IN THE CONTEXT OF BREXIT

Izmailova A.

student, NWIM RANEPA

Saint Petersburg, Russia

Tuchkov Lane, 7

DOI: [10.24412/2701-8369-2021-7-2-53-57](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-7-2-53-57)

СОДРУЖЕСТВО НАЦИЙ КАК ОДИН ИЗ ВЕДУЩИХ ВЕКТОРОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В УСЛОВИЯХ BREXIT

Измайлова А.Т.

Студентка СЗИУ РАНХиГС,

Россия, г. Санкт-Петербург

Тучков пер., д. 7

Abstract

The article analyses the foreign policy of Great Britain in its three main directions: the Commonwealth of Nations, the European Union and the United States, and also examines the special role of the Commonwealth in the modern foreign policy of the United Kingdom "Global Britain".

Аннотация

В статье анализируется внешняя политика Великобритании по трем основным ее направлениям: в отношении Содружества наций, Европейского Союза и США, а также рассматривается особая роль Содружества наций в современной внешнеполитической стратегии Соединенного Королевства «Глобальная Британия».

Keywords: the Commonwealth of Nations, the European Union, the USA, Global Britain, Brexit.

Ключевые слова: Содружество наций, Европейский Союз, США, Глобальная Британия, Брексит.

Соединенное Королевство всегда занимало лидирующие позиции на международной арене, несмотря на крах Британской Империи в первой половине XX века и значительное ослабление государства. А последние 5 лет Британия стабильно привлекает к себе повышенное внимание всего мира, приняв шокирующее для многих решение покинуть Евросоюз на референдуме 2016 года. Это событие заставило пересмотреть современное положение дел в мировой политике как саму Великобританию, так и всё международное сообщество.

Британия славится своей склонностью к выстраиванию своего собственного пути в рамках Евросоюза. Страна постоянно подрывала внутреннее единство объединения и тормозила развитие интеграции[1]. Среди причин того, почему Королевство рассматривало себя как «полуотделенного» члена ЕС можно выделить географическое отделение Британских островов от Европейского материка, а также направленность основных усилий на сотрудничество с такими «дальными» от Европы странами как США и Австралия. Вопрос европейской идентичности Великобритании всегда стоял очень остро.

К 1960м годам большая часть бывших колоний империи вышли из-под власти Великобритании.

Желание вернуть утраченное влияние бывшей Британской Империи побудило правительство Гарольда Макмиллана подать заявку на вступление Великобритании в Европейское экономическое сообщество в 1973 году. Несмотря на то, что энтузиазм Великобритании в отношении ЕС вырос к 1975 году, страна так и не приняла общую валюту – евро, так же как и не присоединилась к шенгенским соглашениям. Британские политики долгое время сопротивлялись дальнейшей интеграции с Европой.

Ни для кого не секрет, что выход брексит повлек за собой многочисленные проблемы и потери как для Британии, так и для Европейского Союза. В особенности в сфере экономики. Выход Британии означает потерю второй экономики объединения, его бюджет лишился одного из основных инвесторов. Гюнтер Эттингер, немецкий комиссар, отвечающий за составление бюджета ЕС на 2021-2027 год, заявил, что Германия и другие чистые вкладчики должны будут увеличить свои взносы в бюджет ЕС в разы ввиду выхода Британии из ЕС¹⁰.

Потеря такого крупного и значимого участника союза, как Британия – явление беспрецедентное, подразумевающее под собой прежде всего репутационные потери для ЕС. Его интеграционные процессы оказались под угрозой. Теперь Европейский Союз вынужден значительно пересматривать

свою политику. Брексит спровоцировал всплеск евроскептицизма внутри Евросоюза. Во многих европейских государствах начали раздаваться призывы к проведению аналогичных референдумов.

Вопреки ожиданиям, Великобритании и ЕС удалось[2] согласовать торговые сделки до 31 декабря 2020 года. Одним из основных моментов, по которым стороны долгое время не могли добиться успехов в переговорах, являлось рыболовство. Несмотря на то, что рыболовство составляет лишь малую часть экономики обеих сторон, вопрос регулирования именно рыболовной промышленности Европейским Союзом в Великобритании был одним из решающих в кампании за выход из ЕС. Для Британии было критически важно вернуть большую часть этого бизнеса. ЕС, в свою очередь, настаивал на максимальном доступе для рыболовства в Великобритании, и продолжении работы их рыболовных судов в британских водах[3]. В конечном итоге стороны договорились о том, что в течение ближайших пяти с половиной лет квоты стран Евросоюза на улов рыбы в британских водах будут постепенно сокращаться на 25%.

Также важным моментом стали условия ведения бизнеса между ЕС и Британией. Основной смысл создания мер по обеспечению равных условий ведения бизнеса компаниями Великобритании и Европейского Союза, которые фигурируют в большинстве соглашений о свободной торговле, заключается в том, чтобы гарантировать исключение несправедливого преимущества одних предприятий над другими. Брюссель был обеспокоен тем, что Лондон будет оказывать финансовую поддержку своим собственным фирмам или использовать другие способы предоставления им преимущества, которое ЕС считает несправедливым. Королевству всё же удалось заключить сделку на максимально выгодных для него условиях в этой сфере, и оно получило контроль над политикой в сфере поддержки собственных предприятий.

В ходе многолетних переговоров Британии и ЕС также удалось достичь успеха в переговорах по одному из самых острых вопросов – ирландскому. 8 декабря 2020 года обе стороны объявили о соглашении по вопросам о пограничных постах в портах Северной Ирландии, поставках продовольствия и медикаментов, а также условиям предоставления государственной помощи в этой области. Согласно ему, торговля между Северной Ирландией и ЕС не будет облагаться налогами на товары, ввозимые и вывозимые через границу между Ирландией и Северной Ирландией, что удовлетворяет требованиям Белфастского договора(1998)[4], который предполагает соблюдение правил пересечения «прозрачной» границы, то есть отсутствие контрольно-пропускных пунктов между Северной Ирландией и Ирландской Республикой (которая остается в ЕС). Вывоз товаров будет продолжать осуществляться без необходимости досмотра.

Так называемые «особые» отношения между Великобританией и США долгие годы служат примером стратегического тандема на международной

арене. Рассмотрим, на чем базируются взаимоотношения двух стран.

С приобретением независимости США отношения между странами стали формироваться на основе двух взаимоусиливающих тенденций: неуклонного расширения глобального влияния США и упадка Британской империи. Эти тенденции получили особое развитие во время двух мировых войн, которые привели к катастрофическому истощению Британии и утвердили господство Америки на мировой арене. Так, положение Великобритании в 1900 году как ведущей военной и экономической державы было узурпировано ее бывшими колониями[5].

Британо-американский Союз во время Второй Мировой и Холодной войны способствовал беспрецедентному укреплению институциональных связей между двумя странами. Опираясь на факты о прочной связи между Британией и США, сторонники брексита уверены: освободившись от европейских оков, Британия снова сможет принять трансатлантическую дуполию и возглавить мир[6]. В меморандуме Форин-офиса (Министерства иностранных дел Великобритании), о стратегии «Глобальная Британия» союз с США обозначается как главный приоритет во внешней политике Соединенного Королевства, его значимость ставится выше отношений с ЕС[7].

Изначально как для Европейского Союза, так и для Соединенных Штатов выход Британии из ЕС был нежелательным. Еще в апреле 2016 года во время визита в Лондон Барак Обама так говорил о возможном брексите: «Мы сосредоточены на переговорах с большим блоком – Европейском Союзом – о заключении торгового соглашения. Великобритания окажется в конце очереди, если покинет этот блок»[8]. Представители Министерства Обороны и Государственного Департамента США также негативно высказались по этому поводу в виде письма от 13 бывших сотрудников Агентства Национальной Безопасности, включая министра обороны и бывшего госсекретаря Мадлен Олбрайт. В письме говорилось: «после брексита место и влияние Великобритании в мире сильно уменьшится, а Европа будет опасно ослаблена»[9].

Абсолютно противоположную позицию по брекситу занял Д. Трамп, поддержав сторонников выхода из ЕС[10]. Для него выход Великобритании из Евросоюза означал возможность заключения соглашения о свободной торговле между двумя странами напрямую, без посредничества Евросоюза.

Однако удовлетворяющая США торговая сделка может быть заключена при условии прекращения таможенных и торговых соглашений между Соединенным Королевством и ЕС. Эти соглашения мешают достижению комфортных для Вашингтона условий торговли с Лондоном по причине различных подходов к стандартизации, а также требований к качеству и экологичности продукции.

Значение Лондона как основного представителя американских интересов в Европе очень велико. Совпадая в видении международных проблем и вызовов, стоящих перед Западом, Великобритания всегда занимала проамериканские позиции. После выхода из ЕС роль Великобритании в Европе меняется кардинально, поэтому и американскую политику в регионе ждут большие изменения.

Камнем преткновения в будущем «особых отношений» также может стать введение Британией «цифрового» налога на крупные американские ИТ-компании, такие как Alphabet, Apple и Facebook, которые получают прибыль в юрисдикциях с низкими налогами, а не там, где находятся пользователи, таким образом, избегая уплаты налогов в странах, где они получают прибыль[11]. Также в Соединенном Королевстве опасаются, что Национальная служба здравоохранения Великобритании будет продана американским компаниям в этой области. В связи с этим цены на лекарственные средства в стране могут резко повыситься, что особенно важно во время кризиса, связанного с коронавирусом[12].

Международное присутствие Великобритании идет вразрез с интересами США. Стремление Королевства к наращиванию торгового сотрудничества с государствами, конкурирующими с США, а именно Ираном и Китаем, вызовет недовольство со стороны Вашингтона и приведет к его попыткам оказать давление на своего союзника[13]. Так, в Британии ожидают, что взамен на уступки по свободной торговле Вашингтон потребует от Лондона отказаться от ядерной сделки с Ираном. Следовательно, для Лондона, стремящегося направить свои отношения с «незападным» миром в иное русло, осуществить эти планы будет крайне сложно.

«Глобальная Британия» провозглашает значимость для британского правительства адаптации к перестановке сил на международной арене, следующие за брекситом. Глобальное положение Великобритании обусловлено ее международным присутствием, весомостью ее международного авторитета и открывающимися после брексита возможностями.

Своей «глобальностью» Британия обязана своему участию в Содружестве. Входя в его состав, страна имеет возможность взаимодействия с глобальной сетью стран. Под суверенитетом Соединенного Королевства находятся 14 заморских территорий, в которых оно по сей день обеспечивает конституционное управление и осуществляет защиту интересов этих территорий[14]. Содружество играет значительную роль в приспособлении Великобритании к новой политической реальности, добавляя весомости ее позиции в основных международных организациях. Через институты Содружества Британия напрямую взаимодействует с гражданским обществом государств-членов, распространяя свои интересы.

У Содружества нет учредительного договора, который мог бы связывать формальными обязательствами его членов и давать полномочия самой

организации в отношении государств, входящих в его состав. В связи с этим, Содружество определяют как единственный в своем роде и не вписывающийся ни в одну из существующих классификаций МПО.

Образ Содружества Наций часто использовался британскими политиками как инструмент влияния на мнение британского народа. В целях пропаганды тех или иных позиций британского правительства организация становилась молчаливым участником политических игр. Однако, на современном этапе развития отношений Великобритании и Содружества тема более тесного сотрудничества с организацией стала муссироваться наиболее интенсивно за все время ее существования.

По словам Филиппа Морриса, директора Института Исследований Содружества Наций[15], на волне брексита сторонниками выхода из ЕС был создан «Миф о Содружестве», который гласил: Содружество Наций превосходит ЕС по степени перспективности сотрудничества с Великобританией как в области экономики, так и в международных делах. Однако анализ статистики и современных действий Британии в отношении Содружества говорит об обратном.

Несомненно, брексит окажет значительное влияние на отношения Великобритании и Содружества наций. Прежде всего, следует учитывать тот факт, что через британское членство в ЕС страны Содружества могли быстрее получать доступ на европейский рынок, быть услышанными на европейском пространстве. Крайне важен также аспект финансирования Содружества: выходя из ЕС, Британия несет значительные убытки, в следствие чего, очевидно, финансирование Содружества значительно сократится. Одним из главных вопросов, стоящих на повестке в преддверии брексита стал вопрос миграции. С одной стороны, миграционный кризис 2014 года подтолкнул Соединенное Королевство провести референдум о выходе из ЕС ввиду его неспособности справиться с наплывом мигрантов. С другой стороны, Лондон не раз заявлял: страна не собирается активно принимать у себя граждан из стран Содружества после брексита[16], что настороживает правительства этих стран в отношении обещаний Королевства о более тесном сотрудничестве с ними. Также энтузиазм по поводу наращивания сотрудничества с Содружеством вызвал в некоторых странах опасения новой волны империализма со стороны Британии. Как мы видим, потрясающая взгляд разнородность Содружества проявляется не только в характеристике государств-членов и их взаимоотношениях, но и в его отношении к сближению с бывшей метрополией.

Таким образом, проанализировав историю и текущие взаимоотношения Великобритании с ее основными союзниками на международной арене, можно заключить, что брексит является собой поистине поворотный момент в ее истории. На протяжении многих столетий Британия, находящаяся на европейском континенте, искала свое место на нем. Несмотря на тесную связь с Европой, периоды

сближения с ней часто сменялись попытками Британии отделиться от нее, идти по собственному пути. Один из таких периодов внешнеполитической жизни Британии мы можем наблюдать в настоящий момент. Устоявшиеся нормы сотрудничества с материком поставлены под вопрос и находятся в процессе пересмотра.

Особенные, близкие отношения с бывшими колониями – США – находятся не в лучшей стадии. Опора и поддержка Соединенного Королевства взяла курс на отделение от остального мира, открыто заявляя: помогать Штаты больше никому не станут, а будут проводить политику под лозунгом “America first”. Более того, внешнеполитическая стратегия Соединенного Королевства «Глобальная Британия», предполагающая расширение и усиление роли Британии на глобальном уровне, идет вразрез с интересами США, что не может не влиять негативно на отношения двух стран.

Та же стратегия предполагает направить особые усилия на укрепление взаимодействия со странами-членами Содружества наций – объединения чрезвычайно масштабного, разнородного и связанного с Британией общей историей и языком. Большое число политиков и политологов Британии по сей день продолжают пропагандировать идею не просто усиления взаимодействия с Содружеством, но замены отношений с Европой отношениями с Содружеством, среди них и нынешний премьер-министр Великобритании – Борис Джонсон [17, 18, 19]. Очевидно, что Содружество наций играет значимую роль в сегодняшней внешней политике Великобритании. Однако сам институт Содружества слаб, хоть и перспективен в современных политических условиях. Во-первых, ввиду отсутствия у Содружества инструментов воздействия на страны-участницы. Во-вторых, политологи и эксперты в области международных отношений сходятся во мнении о том, что для осуществления общей политики Содружество является слишком разнородным объединением. Однако, на сегодняшний день Содружество продолжает играть роль связующего звена между Британией и ее бывшими колониями. Что, в свою очередь, крайне немаловажно сегодня. Для того, чтобы выйти из брексита с наименьшими потерями, для Британии сейчас жизненно важным представляется заключение двусторонних соглашений как в сфере экономики, так и на международной арене с крупнейшими ее игроками. В их число входят: Сингапур, Австралия, Канада, Индия, Пакистан и др. Всё это – страны-члены Содружества наций. Здесь фактор Содружества дает возможность Британии заключать соглашения на максимально выгодных для нее условиях и определять свой новый независимый внешнеполитический путь. А путь, по которому пойдет Соединенное Королевство в определении своей внешнеполитической деятельности, окажет значительное влияние на расстановку сил на всей международной арене.

References

1. Babynina L. O. Attractiveness of the current EU development model for the eurosceptic countries.
2. David M. Herszenhorn, Lili Bayer. Commission wants bigger budget for smaller EU. 2018. [Politico]. URL: <https://www.politico.eu/article/european-commission-proposes-eu-budget-cap-multiannual-financial-framework-guenther-oettinger/>
3. EU-UK Trade and Cooperation Agreement: protecting European interests, ensuring fair competition, and continued cooperation in areas of mutual interest. 2020. Brussels. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_2531
4. Chris Morris, Oliver Barnes. Brexit trade deal: What does it mean for fishing? 2021. [BBC]. URL: <https://www.bbc.com/news/46401558>
5. Agreement between the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of Ireland. 1998. Belfast. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/136652/agreement.pdf
6. Love, hate ... indifference: is US-UK relationship still special? 2016. [The Guardian]. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/apr/28/britain-america-history-special-relationship-highs-and-lows-churchill-to-trump>
7. Scott Lucas. What would Brexit mean for special relationship? Nothing good. 2016. [The Conversation]. URL: <https://theconversation.com/what-would-brexit-mean-for-the-special-relationship-nothing-good-61390>
8. Global Britain: Delivering on our international ambition. 2019. [GOV.UK]. URL: <https://www.gov.uk/government/collections/global-britain-delivering-on-our-international-ambition>
9. Roberta Rampton, Kylie McLellan. Obama exhorts Britain to stay in EU, warns on trade if it leaves. 2016. [Reuters]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-britain-eu-obama-idUSKCN0XH2U6>
10. Francis Elliott, Matt Chrley. Don't vote for Brexit: US Defence chief warns. 2016. [The Times]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/dont-vote-for-brexit-us-defence-chiefs-warn-2nnchplw>
11. Rick Noack. Trump has a lot to say about Brexit. But do Brits listen? 2019. [The Washington Post]. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2019/09/02/trump-has-lot-say-about-brexit-do-brits-listen/>
12. Trade tensions erupt between London and Washington. 2020. [Financial Times]. URL: <https://www.ft.com/content/9c8c232e-3d07-11ea-a01a-bae547046735>
13. Helen Collis, Jacob Hanke Vela. US takes aim at the UK's National Health Service. 2020. [Politico]. URL: <https://www.politico.eu/article/us-takes-aim-at-the-uks-national-health-service/>
14. Emma Hart. America has a unique 300 year old view of free trade – UK must recognise this to strike

- a deal. 2020. [The Conversation]. URL: <https://theconversation.com/america-has-a-unique-300-year-old-view-of-free-trade-uk-must-recognise-this-to-strike-a-deal-130490>
15. Bogdasarova T. The transformation of the concept of "Global Britain" after Brexit. 2020. [Russian International Affairs Council]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/transformatsiya-kontseptsii-globalnaya-britaniya-posle-brexit/?phrase_id=65449526
16. Murphy P. The Empire's New Clothes. The Myth of the Commonwealth., 2018.
17. The Migration Observatory informs debates on international migration and public policy. UK Public Opinion toward Immigration: Overall Attitudes and Level of Concern. – 2020. URL: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/uk-public-opinion-toward-immigration-overall-attitudes-and-level-of-concern/>
18. Lord Howell, "A bright future awaits Britain post-Brexit in the CM markets". 2016. [The Daily Telegraph]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2016/07/29/a-bright-future-awaits-britain-post-brexit-in-the-commonwealth-m/>
19. Dan Roberts Drive to replace UK-EU trade links with closer ties to Commonwealth. 2017. [The Guardian]. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2017/mar/10/drive-to-replace-eu-trade-links-with-closer-ties-to-commonwealth-economies>

EXTERNAL POLITICAL IMAGE OF RUSSIA IN GERMAN MASS MEDIA

Kirichenko G.A.

Moscow State Linguistic University

4th year student

Academic adviser:

Al-Dainy M.A.

PhD in Political Science

Assistant professor in Department of Political Science, Moscow State

Linguistic University

DOI: [10.24412/2701-8369-2021-7-2-57-59](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-7-2-57-59)

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИИ В МАСС МЕДИА ГЕРМАНИИ

Кириченко Г.А.

Московский Государственный Лингвистический Университет

студент IV курса кафедры политологии

Научный руководитель: Аль-Дайни М.А.

Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии МГЛУ

Abstract

At the moment, building of external political image of the state is becoming problematic due to the great influence of the media on the mass consciousness of people. Also, within the framework of domestic political science, the phenomenon of "external political image" is of great interest, since it has been little studied and requires further study. In this article, the author reveals the concept of "foreign policy image", but also analyses the foreign policy image of Russia, which is broadcasted by the German media.

Annotation

На данный момент формирование внешнеполитического образа государства становится проблематичным из-за большого влияния СМИ на массовое сознание людей. Также в рамках отечественной политической науки феномен «внешнеполитический образ» представляет собой большой интерес, так как он мало изучен и требует дальнейшего изучения. В данной статье автор раскрывает понятие «внешнеполитический образ», но и рассматривает внешнеполитический образ России, транслируемый СМИ Германии.

Keywords: discourse, foreign policy image, German mass media, political consciousness, media, Russophobia.

Ключевые слова: внешнеполитический образ, дискурс, немецкие масс-медиа, политическое сознание, русофobia.

Во внешнеполитическом дискурсе европейских государств всё более очевидным становится появление русофобских настроений, которые влияют на ход международных отношений между двумя отдельными государствами. Также русофобские тенденции оказывают сильное воздействие на политическое сознание людей, которое напрямую

формирует восприятие у людей, создавая клишированные образы о государстве и проживающих в нём людях.

Формирование внешнеполитического образа России в Германии является неоднозначным, так как отношения между двумя государствами претерпевали множество политический событий, которые

затрудняли формирование положительных отношений между Россией и Германией, в частности, контроль восточной части Германии ССР на протяжении 41 года. И на данный момент времени, нельзя сказать, что внешнеполитический образ России является положительным [2].

В рамках политico-психологического подхода понятие «внешнеполитический образ» мало изучено и представляет собой большой научный интерес для исследования. Внешнеполитический образ играет важную роль в процессе восприятия того или иного государства. Так как образ формируется стихийно и спонтанно в отличие от имиджа, то оценки восприятия государства или политических событий могут носить разнообразный характер. Зачастую внешнеполитический образ выявляет преимущественно негативные оценки о государстве, в результате чего, становится очевидным неэффективность функционирования имиджа в тех или иных направлениях.

Говоря про внешнеполитический образ необходимо упомянуть понятие «политический образ». Согласно определению Е.Б. Шестопал, политический образ – это с одной стороны – отражение реальных характеристик объектов восприятия, а с другой стороны – проекцию ожиданий субъектов восприятия» [7]. Также важно упомянуть различие между двумя понятиями «политический образ» и «политический имидж». Политический образ формируется хаотично и спонтанно, однако же политический имидж формируется целенаправленно и является искусственно созданным конструктом, который базируется на сформированном политическом образе.

Большое влияние на формирование внешнеполитического образа государства оказывают СМИ. Они являются главным рупором, распространяющим какие-либо идеи, представления и образы о государстве, воздействуя напрямую на массовое сознание аудитории (людей, которые воспринимают информацию с экрана). Для более подробного анализа влияния СМИ существует такое понятие как «медиаобраз». Согласно определению Е.Н. Богдан, медиаобраз – это «суммарное представление о стране, которое создаётся средствами массовой информации в результате отражения в журналистских материалах тех или иных её черт, тех или иных черт её жизни» [3]. Как уже было упомянуто деятельность СМИ напрямую влияет на массовое политическое сознание людей. В частности, согласно структуры политического сознания, разработанной М.А. Аль-Дайни, существует 6 основных элементов: идеологемы, концепты, образы, стереотипы, установки и фреймы [1]. Например, результатом сформированной и транслируемой идеологии государством являются идеологемы, которые поэтапно превращаются в фреймы – искаженный результат восприятия действительности. СМИ и политическая идеология государство являются главными инструментами формирования политического сознания людей. Также главным отличием между политическим образом и внешнеполитическим образом

является объект восприятия, в случае с внешнеполитическим образом объектом восприятия является иностранная аудитория, которая обладает иным менталитетом, культурой и другим политическим сознанием, в целом.

Как уже было упомянуто, восприятие России за рубежом является неоднозначным. В частности, оценка внешнеполитических действий России со стороны западных СМИ носит преимущественно негативный характер [5]. Также ситуация была осложнена присоединением Крыма к России в 2014-м году, так как европейскими государствами было расценено резко негативно и о России стали говорить как о государстве «агрессоре» [4]. Это одно из положений, который формирует негативный внешнеполитический образ.

В период с сентября 2020 по март 2021 гг. было проведено эмпирическое исследование, направленное на восприятие внешнеполитического образа России массовым сознанием немецкой молодёжи. В исследовании было опрошено 30 респондентов мужского и женского полов, которые являются студентами, возрастная группа которых составляет 20-25 лет. Респондентам было предложено пройти опрос, целью которого была оценка России на международной арене.

Согласно данным опроса было выявлено, что большинство (80,7%) опрошенных оценивают Россию как одного из главных политических акторов на международной арене. Однако несмотря на высокую оценку о роли России на международной арене 65,8% согласны с тем, что Россия представляет собой угрозу для мирового порядка. Подобная оценка вызвана негативной оценкой России в немецких СМИ. Согласно исследованию, было выявлено, что в немецких СМИ Россия представлена в негативном ключе, в частности, отмечалось присоединение Крыма к России как наиболее негативное политическое событие на международной арене. Также внешнеполитический курс президента РФ подвергался критике и отмечалась агрессивностью проводимой политики. Однако несмотря на негативную оценку президента РФ, респонденты охарактеризовали В.В. Путина как сильного, независимого и влиятельного лидера, который способен быть президентом большого государства.

Согласно проведённому исследованию, было выявлено, что наиболее частыми образами, возникающими в массовом сознании немецкой молодёжи, являются: «Владимир Путин», «угроза», «агрессия», «коммунистический» и «авторитарный» так как 40,8% респондентов отмечали советское прошлое России, связывая с нынешним российским дискурсом.

Таким образом, в результате исследования можно сделать вывод о том, что внешнеполитический образ России носит негативный характер из-за неоднозначности оценок внешней политики России на международной арене, в результате чего восприятие образов России массовым сознанием немецкой молодёжи является неблагоприятным и состоит преимущественно из негативных оценок [6]. Также

можно сделать следующий вывод о том, что показанные результаты отображают влияние немецких СМИ на политическое сознание населения Германии и показанные результаты отчетливо демонстрируют повестку, транслируемые масс-медиа Германии [8].

Список литературы

1. Аль-Дайн М.А. Специфика формирования типов электорального поведения в современной России: политico-психологический анализ // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2018 №2 (800). С. 9-25.;
2. Белов В.Б., Максимычев И.Ф. Образ современной России в Германии. – М., 2010. – 64 с. – (Доклады Института Европы);
3. Богдан Е.Н. Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики. Дисс... канд. фил. наук: 10.01.10. М., 2007 – 224 с.;
4. Варкентин А. Как меняется отношение немцев к России на фоне украинского кризиса. – 2014 – 20 апр. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20140420/219716606.html>;
5. Орлов Б.С. Осмысление прошлого в совместных исследованиях ученых России и Германии: Аналит. обзор / РАН. ИИОН; Отв. ред. В.М. Шевырин. – М., 2014 – 170 с.;
6. Россия и Германия. Опыт философского диалога. – М., 1993 – 135 с.;
7. Шестопал Е.Б. Политическая психология: Учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. 448 с.;

8. Falenski H.-J. Wer halbweg nach Russland hinen hört // Frankfurter Algemeine Zeitung. – Frankfurt am Main, 2014 – 3 Juni.

References

1. Al-Daini M.A. Specificity of the formation of types of electoral behavior in modern Russia: political and psychological analysis // Vestnik MGLU. Social Sciences. 2018 # 2 (800). S. 9-25 .;
2. Belov VB, Maksimychev I.F. The image of modern Russia in Germany. - M., 2010 .– 64 p. - (Reports of the Institute of Europe) ;
3. Bogdan E.N. The media image of Russia as a means of consolidating society: structural and functional characteristics. Diss ... Cand. Phil. Sciences: 10.01.10. M., 2007 - 224 p. ;
4. Varkentin A. How the attitude of the Germans to Russia is changing against the background of the Ukrainian crisis. - 2014 - 20 Apr. - Access mode: <http://inosmi.ru/world/20140420/219716606.html>;
5. Orlov B.S. Comprehension of the Past in Joint Research of Russian and German Scientists: Analit. review / RAS. INION; Resp. ed. V.M. Shevyrin. - M., 2014 - 170 p. ;
6. Russia and Germany. Experience of philosophical dialogue. - M., 1993 - 135 p. ;
7. Shestopal Ye.B. Political psychology: Textbook for universities. 5th ed., Rev. and add. M.: Publishing house "Aspect Press", 2018. 448 p. ;
8. Falenski H.-J. Wer halbweg nach Russland hinen hört // Frankfurter Algemeine Zeitung. – Frankfurt am Main, 2014 – 3 Juni..

A STRATEGY FOR US GLOBAL DOMINANCE OR A PATH TO THE ABYSS? (A LOOK THROUGH THE PRISM OF THE AUTHORS OF THE STRATEGY AND MODERN RESEARCHERS)

Rosenko M.I.,

*Doctor of Political Science,
Sevastopol State University*

299053, Russian Federation, Sevastopol, st. Universitetskaya, 33,

Skrebets E.V.

*Doctor of Political Science
Sevastopol State University*

299053, Russian Federation, Sevastopol, st. Universitetskaya, 33

DOI: [10.24412/2701-8369-2021-7-2-59-63](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-7-2-59-63)

СТРАТЕГИЯ ДОМИНИРОВАНИЯ США ИЛИ ПУТЬ В БЕЗДНУ? (ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АВТОРОВ СТРАТЕГИИ И СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ)

Росенко М.И.,

Доктор политических наук

Севастопольский государственный университет

299053, Россия, Севастополь, ул. Университетская, 33

Скребец Е.В.

Доктор политических наук

Севастопольский государственный университет

299053, Россия, Севастополь, ул. Университетская, 33

Abstract

The article deals with the ideas of the US world domination, the approaches to the definition of geopolitical dominance, the main theses that the authors of the idea see as a dangerous challenge to the American geopolitical dominance in the possible coordinated position of the states located on the territory of Eurasia, Central Asia and the Post-Soviet space. Alternative points of view of other authors of the ideas of strategic geopolitical influence are studied, indicating that the United States has entered the phase of decline of its power and the degeneration of democracy, turning into a "predatory power" and a source of international instability. The article analyzes the current trends towards establishing coordination of the activities of the states of Central Asia and the Post-Soviet space that have the ability to counter the specified goals of the United States in this region.

Аннотация

В статье рассмотрены идеи о мировом господстве США, рассмотрены подходы к определению геополитического доминирования, основные тезисы о том, что опасным вызовом американскому геополитическому доминированию авторы идеи видят в возможной согласованной позиции государств, расположенных на территории Евразии, Центральной Азии и на Постсоветском пространстве. Изучены альтернативные точки зрения других авторов идей стратегического геополитического влияния, указывающих на то, что США вступили в фазу заката своего могущества и вырождения демократии, превращаясь в "хищническую державу", и в источник международной нестабильности. Проанализированы современные тенденции к налаживанию координации деятельности государств Центральной Азии и Постсоветского пространства, имеющих возможность противостоять указанным целям США в данном регионе.

Keywords: world domination, the policy of domination, energy sources, democracy, the model of the world order, challenges and threats.

Ключевые слова: мировое господство, политика доминирования, источники энергии, демократия, модель мироустройства, вызовы и угрозы.

Автором идеи о мировом господстве США, доминировании этого государства в современном мире является Збигнев Бжезинский, наиболее известный по книге «Великая шахматная доска: главенство Америки и ее геостратегические императивы» (англ. The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives). Размышляя о геополитическом могуществе США и о стратегиях, благодаря которым это могущество может быть реализовано в XXI веке, Зб. Бжезинский сосредотачивает внимание на геополитической стратегии США в отношении Евразии. Он считает, что главенство на Евразийском континенте фактически предполагает главенство во всем мире. К важнейшим стратегическим целям США этот политик относил задачу распространения влияния США в Центральной Азии и на постсоветском пространстве.

Моделируя политическую карту будущего мира, автор исходил из идеи философии американского мирового достоинства, объясняя интерес к континенту Евразия тем, что «около 75% мирового населения живет в Евразии, и большая часть мирового физического богатства также находится там как в ее предприятиях, так и под землей. На долю Евразии приходится около 60% мирового ВНП и около трех четвертей известных мировых энергетических запасов» [1, с. 18]. По мнению Зб. Бжезинского американское доминирование в регионе Евразия чрезвычайно важно т.к. «управление ресурсами играет роль в распределении глобальной власти, и что остальные части мира, где у нас есть интересы или с которыми мы поддерживаем близкие отношения, такие как Дальний Восток, Япония, Китай, Европа, если они станут зависимыми от одного единого государства, - это может быть деструктивно, может нанести вред и даже спровоцировать конфликты. И поэтому, например, диверсификация источников энергии является источником

безопасности» [2]. Кроме того, опасным вызовом американскому геополитическому доминированию автор видит согласованную позицию государств, расположенных на территории Евразии. К механизмам сохранения указанного влияния автор относит также диверсификацию источников энергии: «Два претендента на региональную гегемонию и глобальное влияние, имеющие самую высокую численность населения, находятся в Евразии. Все потенциальные политические и / или экономические вызовы американскому преобладанию исходят из Евразии. В совокупности, евразийское могущество значительно превышает американское. К счастью для Америки, Евразия слишком велика, чтобы быть единой в политическом отношении. Евразия, таким образом, представляет собой шахматную доску, на которой продолжается борьба за глобальное господство» - Цит. [1, с. 44].

Особое внимание аналитик уделяет роли России и ее месту в геополитике. Авторская неприязнь к государству Россия выражена в специальной главе с символичным названием «Черная дыра». Опасения автора по поводу укрепления позиций России на Евразийском геополитическом пространстве выраженные в предположении, что потеря пре-восходства Америки или появление нового реального соперника приведет к политической нестабильности: «Внезапное возникновение первой и единственной глобальной державы создало бы ситуацию, при которой одинаково быстрое достижение своего превосходства - либо из-за ухода Америки из мира, либо из-за внезапного появления успешного соперника, создало бы общую международную нестабильность. На самом деле это вызвало бы глобальную анархию» - Цит. [1, с. 18]. В этой связи с этим, Бжезинский поддерживает и подтверждает правоту высказывания С. П. Ханингтона о верховенстве в мире США: «в мире, где не будет

главенства Соединенных Штатов, будет больше насилия и беспорядка и меньше демократии и экономического роста, чем в мире, где Соединенные Штаты продолжают больше влиять на решение глобальных вопросов, чем любая другая страна. Постоянное международное главенство Соединенных Штатов является самым важным для благосостояния и безопасности американцев и для будущего свободы, демократии, открытых экономик и международного порядка на земле» - Цит. [1, с. 18].

Долгосрочная задача по предотвращению укреплению позиций России на геополитическом пространстве по Зб.Бжезинскому состоит в следующем: каким образом оказать поддержку демократическим преобразованиям в России и ее экономическому восстановлению и, в то же время, не допустить возрождения вновь Евразийской империи, которая способна помешать осуществлению американской геостратегической цели формирования большей евроатлантической системы, с которой в будущем Россия могла бы быть прочно и надежно связана» [1, с. 108]. Не меньшую опасность для геополитических притязаний Америки, автор видит в консолидированных усилиях государств или их коалиций и формулирует в этой связи главную задачу США, «сделать так, чтобы в будущем ни одно государство или же коалиция государств не смогли бы консолидироваться в геополитическую силу, которая могла бы вытеснить США из Евразии или даже существенно снизить нашу решающую роль арбитра» [2].

Для установления мирового господства и обеспечения имперской геополитической стратегии США Зб. Бжезинский так определяет ее сущность: «Евразийская геостратегия Соединенных Штатов включает целенаправленное руководство динамичными с геостратегической точки зрения государствами и осторожное обращение с государствами-катализаторами в геополитическом плане, соблюдая два равноценных интереса Америки: в ближайшей перспективе — сохранение своей исключительной глобальной власти, а в далекой перспективе — ее трансформацию во все более институционализированное глобальное сотрудничество.». Отрицая имперские притязания России и видя в них опасность для имперских геополитических притязаний США, Зб. Бжезинский так формулирует основные задачи США: «употребляя терминологию более жестоких времен древних империй, три великие обязанности имперской геостратегии заключаются в предотвращении сговора между вассалами и сохранении их зависимости от общей безопасности, сохранении покорности подчиненных и обеспечении их защиты и недопущении объединения варваров» [1, с.24].

Взгляды Бжезинского на геополитическое преимущество США в современном мире разделяет Джин Шарп, американский политолог, основатель Института Альберта Энштейна, автор теории ненасильственных акций, автор книги «От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения». По концептуальным основам организации "бархат-

ных" революций, технологиям и методам описанных Дж.Шарпом, осуществлены «бархатные революции» в Сербии, Грузии, Украине. При этом, Дж.Шарп замечает, что «Аристотель давно предупреждал, что «тирания переходит иногда в тиранию же» [3, с. 72]. Необходимо заметить, что предостережение, упомянутое Дж.Шарпом не может быть исключением для отдельно взятого государства, в том числе и претендующего на роль доминирующего, т.к. общие законы не работают избирательно.

Этот вывод подтверждается Эммануэлем Тоддом, автором книги «После империи» (Рах Americana-начало конца» [4]. По убеждению Э.Тодда, широко распространенное мнение о наступлении эры американского главенства и господства, то есть взглядами, наиболее четко выраженным Зб.Бжезинским в «Большой шахматной доске», является неверным. Автор доказывает, что США вступили в фазу заката своего могущества и вырождения демократии, превращаясь в "хищническую державу", в источник международной нестабильности.

Исходя из закона развития систем, в любой империи существует определенный цикл развития - развитие, вершина могущества, упадок. Так было с древним Египтом, империей Александра, Римом, государством Великих Моголов, Британией, Российской империей, СССР. И так же будет и с США, и с любой другой супердержавой, через определенный исторический промежуток времени.

Российский ученый Нартов Н. А., анализируя геополитические претензии США, отмечает их слабые стороны и слабость американской политической культуры. В частности, анализируя изменения, произошедшие в мире в первые годы XXI века, проблемы глобализации, процессы, происходящие в горячих точках планеты: Ираке, Иране, Израиле - Палестине, на Балканах, геополитические отношения со странами СНГ, в том числе события, разворачивающиеся вокруг Каспийского моря, а также роль в геополитическом балансе сил Туркменистана, Азербайджана и Грузии, свидетельствуют об изменении расстановки сил и центров влияния в данном сложном регионе [5]. К.С.Гаджиев, российский политолог, в своих работах [6; 7], отмечает, что, несмотря на то, что большинство политических лидеров США провозглашают в качестве геополитических целей создание монополярного мира, в котором Америка должна действовать как единая сверхдержава, «для США существует проблема, которая заключается в том, что они получили статус сверхдержавы, не пройдя должных временных рамок школы великой военно-политической державы, способной существовать и взаимодействовать на равных с другими великими державами. Поэтому Вашингтону будет очень трудно извлекать уроки из уроков истории и делать выводы, адекватные сложившейся ситуации»: Цит. [8, с. 211]. Этот вывод, сделанный им еще в 1997 году, нашел касательное подтверждение лишь 10 лет спустя (2007) у автора «Большой шахматной доски», который в книге «Второй шанс: три президента и кризис аме-

риканской сверхдержавы», дает оценку трем последним президентам, каждый из которых был глобальным игроком, и выражает пессимистический взгляд на глобальную роль США, считая, что США упустили свой первый шанс на лидерство [9].

Исследования геополитических отношений последних десятилетий показывают, что худшие опасения авторов стратегии геополитического доминирования США, сбываются. Политические лидеры евразийских государств нашли общие цели и создали организацию ШОС - Шанхайская организация сотрудничества: многостороннее объединение, деятельность которого направлена на обеспечение безопасности и поддержание стабильности на большом Евроазиатском пространстве, на совместное противостояние новым вызовам и угрозам, укрепление торгово-экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества. Нацеленная на построение справедливой, отвечающей интересам всех и каждого государства-участника, полицентрической модели мироустройства на твердой основе норм международного права и принципов взаимного уважения и учета интересов друг друга, взаимовыгодного сотрудничества, отказа от конфронтации и конфликтов, равной и неделимой безопасности, ШОС является межцивилизационной организацией, что нивелирует возможность конфликта цивилизаций в регионе своей ответственности. Вступление в ШОС двух мощных и авторитетных государств Южной Азии, Индии и Пакистана, расширил потенциал и спектр возможностей работы организации, в том числе в сфере совместного противодействия традиционным и новым вызовам и угрозам.

Большое территориальное пространство ШОС, с общим населением почти 44% от общемирового, ставит принципиально новые задачи коллективного обеспечения стабильности, эффективного противодействия совместными усилиями угрозам и вызовам безопасности по всему контуру зоны ответственности крупнейшей на сегодняшний день в мире региональной организации. Объединяя четыре ядерные державы (половину мирового ядерного клуба), формат ШОС представляет собой дополнительный опорный элемент системы поддержания мировой стратегической стабильности.

Государства, создавшие экономический союз БРИКС, также предусматривает координированное сотрудничество в экономической сфере. Некоторые эксперты предсказывают, что Китай и Индия будут доминирующими глобальными поставщиками товаров промышленного назначения и услуг, в то время как Бразилия и Россия станут также доминирующими поставщиками сырья. У государств БРИКС есть потенциал сформировать сильный экономический блок. Бразилия является доминирующей в производстве сои и железной руды, в то время как Россия обладает возможностью огромных поставок нефти и природного газа.

Государства, реально оценивающие притязания США на геополитическое господство, смогли консолидироваться в геополитическую силу, и как

показывают события последних лет, могут вытеснить США из Евразии и существенно снизить решающую роль США, как арбитра. Пессимистические взгляды на глобальную роль США, авторов этой идеи, начинают оправдываться.

Список литературы

1. Збигнев Бжезинский: Великая шахматная доска / пер. О. Ю. Уральской - М.: "Международные отношения", 1998. – 112 с.
2. Paul Jay. The Afghan war and the "Grand Chessboard" «The Real News Network», США. 13.01.2010. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1263548700> (дата обращения: 16.03.2021).
3. Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н. Козловской - М.: Новое издательство, 2005. — 84 с.
4. Эммануэль Todd. После Империи. Pax Americana - начало конца. Издательство: Международные отношения, 2004. – 240 с. http://www.infanata.com/2006/08/10/todd_jem_posle_imperi_pax_americana_nachalo_konca.html (дата обращения: 16.03.2021).
5. Нартов, Н.А. Геополитика [Электронный ресурс] : учебник / В.Н. Нартов, ред.: В.И. Староверов, Н.А. Нартов. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 640 с. — (Золотой фонд российских учебников) — ISBN 978-5-238-01816-4. — Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/351747> (дата обращения: 16.03.2021).
6. Гаджиев, К.С. Сравнительный анализ национальной идентичности США и России / К.С. Гаджиев. – Москва : Логос, 2013. – 408 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=233717> (дата обращения: 26.03.2021). – ISBN 978-5-98704-734-7. – Текст : электронный. (дата обращения: 16.03.2021).
7. О демонизации противника во внешнеполитической стратегии США [Текст] / К. С. Гаджиев // Власть. – 2018. – № 6. – С. 7-16. DOI: 10.31171/vlast.v26i6.5880.
8. Гаджиев К.С. Геополитика. — М.: Международные отношения. — 1997. — С. 211.
9. Brzezinski Zbigniew. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geo-strategic Imperatives // Basic Books New York. 1997. - 240p.

References

1. Zbignev Bzhezinskij: Velikaja shahmatnaja doska / per. O. Ju. Ural'skoj - M.: "Mezhdunarodnye otnosheniya", 1998. – 112 s.
2. Paul Jay. The Afghan war and the "Grand Chessboard" «The Real News Network», США. 13.01.2010. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1263548700> (дата обращения: 16.03.2021).
3. Sharp D. Ot diktatury k demokratii: Strategija i taktika osvobozhdenija / Per. s angl. N. Kozlovskoj - M.: Novoe izdatel'stvo, 2005. — 84 s.
4. Jemmanujel' Todd. Posle Imperii. Pax Americana - nachalo konca. Izdatel'stvo: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2004. – 240 s.

- http://www.infanata.com/2006/08/10/todd_jem_posle_imperii_pax_americana_nachalo_konca.html (data obrashhenija: 16.03.2021).
5. Nartov, N.A. Geopolitika [Jelektronnyj resurs] : uchebnik / V.N. Nartov, red.: V.I. Staroverov, N.A. Nartov. — 5-e izd., pererab. i dop. — M. : JuNITI-DANA, 2015. — 640 s. — (Zolotoj fond rossijskih uchebni-kov) . — ISBN 978-5-238-01816-4 . — Rezhim dostupa: <https://rucont.ru/efd/351747> (data obrashhenija: 16.03.2021).
6. Gadzhiev, K.S. Sravnitel'nyj analiz nacional'noj identichnosti SShA i Rossii / K.S. Gadzhiev. — Moskva : Logos, 2013. — 408 s. — Rezhim dostupa: po podpiske. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=233717> (data obrashhenija: 26.03.2021). — ISBN 978-5-98704-734-7. — Tekst : jelektronnyj. (data obrashhenija: 16.03.2021).
7. O demonizacii protivnika vo vneshnepoliticheskoy strategii SShA [Tekst] / K. S. Gadzhiev // Vlast'. — 2018. — № 6. — S. 7-16. DOI: 10.31171/vlast.v26i6.5880.
8. Gadzhiev K.S. Geopolitika. — M.: Mezhdunarodnye otnoshenija. — 1997. — S. 211.
9. Brzezinski Zbigniew. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geo-strategic Imperatives // Basic Books New York. 1997. - 240p.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

RESEARCH OF MANIFESTATIONS OF VICTIMIZATION AMONG YOUNG PEOPLE

Gritchina M.D.

Student of KSPU named after V.P. Astafieva

2nd year FNK master's program

Mira Ave., 83, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660017

Scientific adviser:

Gordienko E.V.

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of PiPNO

Mira Ave., 83, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660017

DOI: [10.24412/2701-8369-2021-7-2-64-65](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-7-2-64-65)

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЯВЛЕНИЙ ВИКТИМНОСТИ У МОЛОДЕЖИ

Гритчина М.Д.

Студентка КГПУ им. В.П. Астафьева

2 курс магистратуры ФНК

пр. Мира, 83, Красноярск, Красноярский край, 660017

Научный руководитель: Гордиенко Е.В.

Кандидат психологических наук, доцент кафедры ПиПНО

пр. Мира, 83, Красноярск, Красноярский край, 660017

Abstract

The article discusses the results of a study of victimization among young people. The relationship between victim behavior and the dissatisfaction of some needs is described.

Annotation

В статье рассматриваются результаты исследования виктимности у молодежи. Описана взаимосвязь между виктимным поведением и неудовлетворенностью некоторых потребностей.

Keywords: Victim; Victim; Victim behavior, needs, responsibility.

Ключевые слова: Виктим; Жертва; Виктимное поведение, потребности, ответственность.

Виктим – это особая роль в треугольнике С. Карпмана (так называемом драматическом треугольнике¹¹), которая характеризуется не желанием брать на себя ответственность и убежденностью в неспособности жить самостоятельно, вследствие чего использующая манипуляцию для удовлетворения своих потребностей. Под потребностями, в данном случае понимаются потребности в безопасности и такие социальные потребности как: потребность в общении и внимании, потребность в любви и потребность в дружбе.

Такое определение можно дать этой роли изучив труды С. Карпмана [3], Э. Берна[1], Л. Форрест [2] и многих других психологов работающих в направлении транзактного анализа. И именно на данное определение мы опирались в дальнейшей работе.

Кроме транзактного анализа, изучением и работой с виктимами занимается виктимология – область исследования на стыке криминологии, социологии, психологии и других наук, касающихся данной сферы. В рамках виктимологии нельзя не сказать о трудах И. Г. Малкиной-Пых [4], Д.В. Ривмана [5] которые внесли большой вклад в отечественную виктимологию. В рамках виктимологии,

виктим рассматривается не только как роль, сколько как жертва уже совершенного преступления. Основной упор делается на характерный для жертв тип поведения - виктимный, вследствие которого, виктим и становится жертвой преступления. Типов виктимного поведения достаточно много, но в рамках методики, которую мы использовали в своем исследовании представлено пять типов виктимного поведения выведенных Д.В. Ривманом: агрессивный, активный, инициативный, пассивный и некритичный[5].

Суть нашего исследования заключалась в том, чтобы оценить уровень виктимности у молодежи от 17 до 35 лет. Основными критериями, с помощью которых мы отслеживали проявления виктимности были: поведенческий, личностный и мотивационный. Поведенческий критерий был охарактеризован проявлением виктимного поведения и использованием манипуляций. К личностному критерию мы отнесли ответственность и виктимность личности. В мотивационный критерий вошли уровень удовлетворенности социальных потребностей и потребности в безопасности.

liță Raluca (16 march 2016), the research article: "America's cultural changes through Coca-Cola slogans and titles", page 7.

¹¹ Stephen B. Karpmann, M.D.FAIRY TALES AND SCRIPT DRAMA ANALYSIS, Transactional Analysis Bulletin, Vol 7, No. 26, April 1968.

В качестве методик, с помощью которых мы наблюдали уровни проявления критериев, были использованы: методика диагностики манипулятивного отношения (по шкале Банта), методика «Склонность к виктимному поведению» О.О. Андронниковой, метод парных сравнений В.В. Скворцова и тест «экспресс-диагностика ответственности» В.П. Прядеина.

По результатам проведенного исследования, мы обнаружили, что практически у каждого испытуемого наблюдается проявление хотя бы одного из критериев свидетельствующих о виктимности.

Например, у 40% испытуемых уровень ответственности находится в значении «ситуативный», то есть в одних случаях ответственность присутствует, а в других нет, в то же время у 5% выявлена безответственность. Среди испытуемых не было однозначно склонных или не склонных к манипулированию людей. Тем не менее, несмотря на то, что все испытуемые держались средних значений, большая их часть, а именно 80% все же имеет тенденцию временно от времени использовать манипуляции.

Результаты опросника парных сравнений В.В. Скворцова, позволили нам оценить, насколько у испытуемых удовлетворены социальные потребности (в которые вошли: потребность в любви, потребность в общении, потребность во внимании) и потребность в безопасности. У подавляющего большинства опрошенных (70%), данные потребности или удовлетворены частично (45%), или не удовлетворены вовсе (25%). Что может приводить к реализации виктимного поведения, в том числе и с помощью манипуляций.

По данным полученным в ходе обработки результатов методики «склонности к виктимному поведению» О.О. Андронниковой, мы увидели, что в большей степени испытуемые находятся в норме – то есть не проявляют виктимного поведения (50%). Однако в частных случаях, среди испытуемых были замечены и склонные к зависимому поведению (5%), и склонные к саморазрушению (10%), и к гиперсоциальному поведению (25%). В данной методике используются показатели значений «Выше

нормы» - говорят о том, что у данных испытуемых имеется виктимный тип поведения. Однако, имеет смысл рассматривать и показатель «Ниже нормы», так как на некоторых шкалах, отмеченный промежуток означает – пассивность, мнительность, тревожность, избыточное беспокойство о безопасности (что является индикатором неудовлетворенности данной потребности) и отрицание или обида на социум (что так же может быть следствием неудовлетворенной потребности во внимании). Таким образом, результаты данной методики можно рассмотреть в связке с результатами остальных методик и выявить некоторые закономерности.

Проанализировав все полученные результаты, мы можем увидеть, что среди испытуемых: 60% подходят под критерий среднего уровня виктимности, 15% имеют высокий уровень виктимности и 25%, имея низкий параметр виктимности, по сути, не являются виктимами.

Полученные результаты приводят нас к выводу, что достаточно большой процент молодежи хоть и не проявляет виктимного поведения, имеет предпосылки к становлению виктимом в будущем, по причине неудовлетворенности потребностей в безопасности и внимании, а так же ситуативного избегания ответственности и высокой склонности к манипуляциям.

References

1. Berne E., M. D. GAMES PEOPLE PLAY The Psychology of Human Relationships, 1964.
2. Forrest L., The three faces of victim: An overview of the drama triangle - Retrieved on April, 2008 - therapywithchristina.co.uk
3. Karpman S. B., M.D. FAIRY TALES AND SCRIPT DRAMA ANALYSIS, Transactional Analysis Bulletin, Vol 7, No. 26, April 1968.
4. Malkina-Pykh I.G. Psikhologiya povedeniya zhertvy [Psychology of the victim's behavior]. Eksmo Publ., Moscow, 2006. [Published in Russian]
5. Rivman D.V., Ustinov V.S. Victimology: Monograph. N. Novgorod, 1998. [Published in Russian]

**Deutsche internationale Zeitschrift
für zeitgenössische Wissenschaft**

...
Nº7 2021
VOL. 2

Deutsche internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft ist eine internationale Fachzeitschrift in deutscher, englischer und russischer Sprache.

Periodizität: 24 Ausgaben pro Jahr
Format - A4
Alle Artikel werden überprüft.
Freier Zugang zur elektronischen Version des Journals

- Edmund Holst (Salzburg) AT
- Michaela Meissner (Köln) DE
- Klara Amsel (Liège) BE
- Briana French (Cambridge) GB
- Joleen Parsons (Manchester) GB
- Dragomir Koev (Sofia) BG
- Stanislav Štěpánek (Praha) CZ
- Valeriya Kornilova (Kyiv) UA
- Dmitriy Aksenov (Lviv) UA
- Valentin Bragin (Moscow) RU
- Mirosław Bednarski (Warsaw) PL
- Daniela Villa (Florence) IT
- Mattia Molteni (Rome) IT
- Sylwia Krzemińska (Ljubljana) SI
- Käte Kraus (Vienna) AT
- Eleonora Lehmann (Berlin) DE
- Alexander Dressler (Marseille) FR
- Zdzisław Małecki (Warsaw) PL
- Adrián Borbély (Budapest) HU

**German International Journal
of Modern Science**

...
Nº7 2021
VOL. 2

German International Journal of Modern Science is an international, German/English/Russian/Ukrainian language, peer-reviewed journal.

Periodicity: 24 issues per year
Format - A4
All articles are reviewed.
Free access to the electronic version of journal.

- Edmund Holst (Salzburg) AT
- Michaela Meissner (Köln) DE
- Klara Amsel (Liège) BE
- Briana French (Cambridge) GB
- Joleen Parsons (Manchester) GB
- Dragomir Koev (Sofia) BG
- Stanislav Štěpánek (Praha) CZ
- Valeriya Kornilova (Kyiv) UA
- Dmitriy Aksenov (Lviv) UA
- Valentin Bragin (Moscow) RU
- Mirosław Bednarski (Warsaw) PL
- Daniela Villa (Florence) IT
- Mattia Molteni (Rome) IT
- Sylwia Krzemińska (Ljubljana) SI
- Käte Kraus (Vienna) AT
- Eleonora Lehmann (Berlin) DE
- Alexander Dressler (Marseille) FR
- Zdzisław Małecki (Warsaw) PL
- Adrián Borbély (Budapest) HU

Artmedia24

Anschrift: Industriestraße 8, 74589 Satteldorf
Deutschland.

E-mail: info@dizzw.com
WWW: www.dizzw.com

Chefredakteur: Reinhart Roth

Druck: Einzelfirma Artmedia24, Industriestraße
8,74589 Satteldorf Deutschland

Die Hersteller der Zeitschrift sind nicht
verantwortlich für die in der Zeitschrift
veröffentlichten Materialien.

Die Autoren sind für die Richtigkeit der im
Artikel enthaltenen Informationen
verantwortlich. Die Meinung der Hersteller
spielt möglicherweise nicht die Ansichten des
Autoren wieder.

Bei Nachdruck ist ein Verweis auf der Zeit-
schrift erforderlich. Materialien werden in der
Ausgabe des Autoren veröffentlicht.

Artmedia24

Address: Industriestrasse 8,74589 Satteldorf
Germany.

E-mail: info@dizzw.com
WWW: www.dizzw.com

Editor in chief: Reinhart Roth

Printing: Artmedia24, Industriestrasse 8,74589
Satteldorf Germany.

Editorial board of journal is not responsible for
the materials published there.

Authors are responsible for the accuracy of arti-
cles contained information.
Opinion of editorial board may not coincide
with the opinion of authors published materials.

In case of materials reprinting - link to journal is
required.
Materials are publishing in native author's edi-
tion.

ISSN (Print) 2701-8369

ISSN (Online) 2701-8377

Edition: № 7/2021 (April) – 7st

Passed in press in April 2021

Printed in April, 2021

Printing: Artmedia 24, Industriestrasse 8,
74589 Satteldorf, Germany.

